

Д. В. Шмонин

ТЕОЛОГИЯ
И
УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

Издание осуществлено при поддержке
храма Сретения Господня на Гражданском проспекте
(Санкт-Петербург)

Д. В. Шмонин

**ТЕОЛОГИЯ
И
УНИВЕРСИТЕТ**

Москва

2022

УДК 2:378(075.8)
ББК 86.3:74.48я73
Ш74

Рецензенты:

игумен Серапион (Митько), доктор теологии, доктор богословия, кандидат философских наук, профессор (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

Ю. Е. Ревзина, доктор искусствоведения, академик Российской академии художеств, профессор (Московский архитектурный институт (государственная академия))

Р. А. Соколов, доктор исторических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Шмонин Д. В.
Ш74 Теология и университет: учебное пособие / Д. В. Шмонин. — М.: МАРХИ, 2022. — 220 с., ил.

ISBN 978-5-907303-36-2

В книге раскрывается специфика теологии как предметной области и отрасли научного знания (группы научных специальностей 5.11 — теология) в высшей школе.

Описываются аксиоматика и вненаучные основания теологии, а также ее место в классификациях научного знания и роль в системе высшего образования на различных этапах ее развития (до появления университета, средневековый университет, утилитарный университет, гумбольдтовский университет, массовый университет). Завершающая глава посвящена современному этапу развития университета и прорисовке места теологии в новой образовательной парадигме.

Учебное пособие предназначено для аспирантов, обучающихся по научным специальностям 5.11.1 — теоретическая теология, 5.11.2 — историческая теология и 5.11.3 — практическая теология, а также для всех интересующихся развитием теологии как дескриптивной науки и нормативного ресурса развития современной цивилизации.

УДК 2:378(075.8)
ББК 86.3:74.48я73

ISBN 978-5-907303-36-2

© Шмонин Д. В., 2022
© МАРХИ, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
От стереотипов — к понятиям. Здравый смысл, логика и вера.....	9
Теология в античном мире: старшая сестра философии.....	17
АКСИОМАТИКА ТЕОЛОГИИ	23
Теология в первом значении: «И стало так...»	25
Теология во втором значении: воплощенное Слово и Свет знания.....	28
Первоначала теологии.....	31
ТЕОЛОГИЯ В ТРЕТЬЕМ ЗНАЧЕНИИ:	
SAPIENTIA, DOCTRINA, SCIENTIA.....	37
Зачем философам теология?	39
Науки — философия — теология: два классификационных подхода.....	42
Теология и теологии.....	44
НА ПУТИ К УНИВЕРСИТЕТУ	47
Христианский образовательный стандарт.....	49
Виварий: ученый монастырь.....	53
Теология в универсальной системе знания.....	56
УНИВЕРСИТЕТ, ВЕРСИЯ 1.0	63
Схоластика как школа и как наука	65
Universitas magistrorum et scholarium	70
Механические искусства и средневековый университет.....	76
УНИВЕРСИТЕТ, ВЕРСИЯ 2.0:	
«ОТЕЧЕСТВУ НА ПОЛЬЗУ»	79
Процессы секуляризации в университетском образовании	81
Заметки на полях. Почему в допетровской Руси не было университетов.....	87
«Теология токмо Синоду предается...»	92

Православие в Академии наук и обоих университетах. М. В. Ломоносов	99
---	----

УНИВЕРСИТЕТ, ВЕРСИЯ 3.0:

ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА И ВОСПИТАНИЕ	109
Берлинская модель: единство образования и исследований	111
Гумбольдтовский идеал в Санкт-Петербурге	117
Богословские курсы в российских университетах XIX века	120
Прагматика «краснокирпичных» университетов	123
Дублинская модель. Культура и воспитание	126

УНИВЕРСИТЕТ, ВЕРСИЯ 4.0:

ПРОФЕССИЯ, КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЯ	131
Университет XX века: идея и миссия	133
Массовый университет	138
Общая культура и профессия	141
Профессия и идеология	147

УНИВЕРСИТЕТ, ВЕРСИЯ 5.0:

КОНТУРЫ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ	165
Современная наука и мировоззрение ученого	167
Университет и общая культура. Изменение пропорции	175
Образ выпускника: наброски, проблемы, риски	179
Теология в новой пропорции: квалификация и профили	186
Теология как наука: специальности и исследовательские направления	195
Конфессиональная окрашенность и междисциплинарность исследований	201
Теология как общероссийский проект: межвузовское взаимодействие	204

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ОБЩАЯ КУЛЬТУРА И ТЕОЛОГИЯ	211
--	------------

<i>Рекомендуемая литература</i>	<i>217</i>
---------------------------------------	------------

ВВЕДЕНИЕ

ОТ СТЕРЕОТИПОВ — К ПОНЯТИЯМ. ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ, ЛОГИКА И ВЕРА

Один из стереотипов, заложенных XVIII веком — веком Просвещения — и доживших до наших дней, состоит в том, что наука и христианство противоречат друг другу мировоззренчески: наука пытливно изучает явления объективного мира, а религия навязывает человеку мистическое и, в силу этого, искаженное мировосприятие.

Сбитое, затертое клише. Но его привычно используют. Без попыток критики и анализа, на обыденном уровне. С этим связано скептическое отношение у многих к теологии в образовании и нежелание признавать за ней статуса науки в современной классификации научного знания.

Постоянно возникающие вопросы на эту тему — на занятиях со студентами и аспирантами, в беседах с коллегами-преподавателями — послужили причиной написать эту небольшую книгу.

Классическая наука (отсчет которой обычно начинают с экспериментально-математического естествознания XVII столетия) рождается именно в христианской Европе, в логике изучения Книги природы как продолжения Книги библейского Откровения.

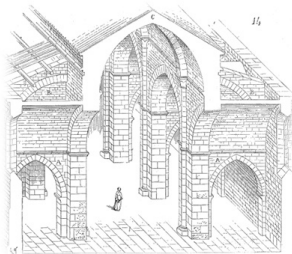
Верно ли это? И почему именно христианство стало

Фронтиспис первого издания «Диалога о двух главнейших системах мира» Галилео Галилея (1564–1642)

средой для возникновения классической науки Нового времени? Ведь важную роль в сохранении античного научного наследия сыграло арабское средневековье, а ряд выдающихся научно-технических открытий были сделаны в Китае.

Ответ прост: в китайской и других восточных культурах идеал познания состоит в нравственном и социальном самосовершенствовании человека¹. Технические достижения, система образования находятся вне контекста научного прогресса: китайские по происхождению компас, порох, пушки впервые становятся

эффективными, только оказавшись на европейском морском корабле. Напомним мысль замечательного историка и философа науки М. К. Петрова, согласно которой, образ этого корабля — как образ ковчега спасения (или церковного нефа, который напоминает корпус корабля изнутри) — наполняет элементы интеллектуальной китайской культуры, включая бумагу, печатный станок, экзамены², общей идеей движения, развития.

Христианство как религия спасения, как максимально открытое развитию человеческой личности

¹ Ли Ц. Культурные основы обучения. Восток и Запад / Пер. с англ. М., 2017. С. 45–96, 136 и др.

² Петров М. К. Язык. Знак. Культура. М., 1991. С. 233.

учение выполнило роль катализатора научного прогресса на первоначальном — «доклассическом» — его этапе.

Но это не означает отсутствия перспективы взаимодействия христианской доктрины и современного естествознания (как, впрочем, современной гуманитаристики или социальных наук).

Обнаруженная в ходе развития классической науки узость идеалов объективного мира, описываемого в категориях пространства и времени по закону причинности, последовательная ломка этих рамок самой наукой по мере ее развития, среди очевидных примеров — теория относительности и квантовая теория, а также невозможность описания мира как единой целостной системы, заставляют историков и философов науки предпринимать разнообразные попытки, генерирующие новые культурные смыслы³.

Современная наука эпохи «сложных самоорганизующихся человекообразных систем» требует нового критического осмысления.

Риторический вопрос: не стоит ли взамен поисков новых гипотез об идеалах человеческой деятельности и новых мировоззренческих ориентиров обратиться к традиции, конкретнее — к такому ее проявлению как теология?

Мы делаем это в нашей книге, обратившись к феномену самой теологии, рассмотрению ее места в истории университетского образования, и коснувшись миссии университета в современном мире.

Но необходимо уточнить некоторые понятия и сделать вводные замечания.

³ Копейкин К. В., *прот.* Теология и наука XXI века // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 1 (2). С. 117.

Договоримся, что понятия *теология* (греч. θεολογία от греч. θεός «Бог» и греч. λόγος «слово, условие, договор, рассказ, предание, определение, учение, причина, дело, разум, понятие, смысл» и др.⁴) и *богословие* (русская калька слова θεολογία) мы используем как тождественные. Однако имеются нюансы привычного словоупотребления.

Богословие — так говорят о систематическом ядре религиозной доктрины, содержащем догматические принципы о Боге, творении Им мира и человека, Его деятельности в мире и Его Откровении, а также связанных с Ним учениях о нравственных нормах и формах Богопочитания. Например, краткая и отточенная веками форма основных догматических положений православия заключена в *Символе веры*⁵, который произносится священником и повторяется всеми участниками литургии в один из главных моментов богослужения — перед освящением Святых Даров.

Вплетенное в литургическую жизнь верующих практическое богословие дополняется теоретической

⁴ Словарных гнезд, как известно, больше см.: Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991. С. 766–767.

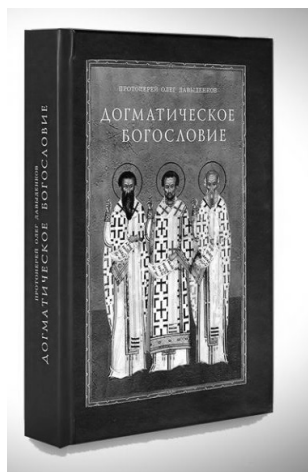
⁵ Символ веры — молитва, в которой изложены основные догматические положения Православной Церкви. Молитвословие составлено отцами I (Никейского) и II (Цареградского) Вселенских Соборов. Мы рассмотрим Символ веры ниже.

частью, то есть наукой и образованием. Богословское образование получают в духовных семинариях и академиях, там же церковным ученым присуждаются богословские ученые степени.

Теология — слово, первоначально пришедшее на Русь вместе с византийской книжностью, вернулось в Россию эпохи петровских преобразований из Европы как латинская «theologia». Поэтому российскими богословами XVIII–XIX столетий оно использовалось с осторожностью. В западной схоластике (от греч. *σχολή* — «школа» и *σχολαστικός* — «школьный») теология была высшей из университетских наук, главной ценностно-мировоззренческой дисциплиной, и, несмотря на утрату этого статуса в Новое и Новейшее время, теологические факультеты сохранились во многих старинных университетах.

В систему образования современной России теология вошла в 90-е годы XX века. Она выделена в особую группу направлений подготовки на уровне высшего образования и является отраслью гуманитарного знания (группой научных специальностей). Теологов различных профилей и специализаций в основном готовят в классических университетах, педагогических и иных вузах. Об этом будет сказано в завершающей главе нашего учебного пособия.

Здесь же пока уточним: объемы обоих понятий — теология и богословие — совпадают. И если

говорить об образовании, то утвержденные стандартом программы церковного богословия и университетской теологии также совпадают, хотя задачи обучения в духовных школах и светских вузах могут существенно различаться. Об этом мы тоже упомянем ниже. Равно как и о том, в какой мере теология относится к науке, а в какой — выходит за ее пределы.

* * *

Теперь скажем несколько слов о здравом смысле, логике и вере применительно к предмету этой книги.

Возможно, у нашего читателя отсутствует доверие к богословию, точнее, к тем сегментам теологии, которые выходят за пределы науки. Он не имеет опыта веры и интуитивного познания в вере и не готов к непосредственному восприятию текста библейских сюжетов глазами верующего человека.

Тогда, для начала, мы предложим представленные библейские сюжеты рассматривать как *гипотезу происхождения и начала мира*, суть которой образно передана одной из древних и самых почтенных книг человечества, относимых к *главным текстам культуры*, которую мы уже выше назвали Книгой Откровения.

Гипотеза, разумеется, по своему определению представляет собой частично обоснованное знание, а не веру. Отцы Церкви прекрасно понимали это, поэтому призывали сочетать в познании веру и знание.

Например, Августин (384–430)⁶ подчеркивал, что способность к вере есть важная часть способности

⁶ Аврелий Августин Иппонийский (лат. Aurelius Augustinus Hipponensis; 13 ноября 354, Тагаст — 28 августа 430, Гиппон Царский), почитаемый христианами как Блаженный Августин — богослов, философ, епископ Гиппона Царского в Нумидии, римской

к мышлению, ведь верить могут только существа мыслящие.

«К изучению наук ведет нас двойкий путь: авторитет и разум. По отношению ко времени первенствует авторитет, по отношению к существу дела — разум»⁷.

Вера (от лат. *credo*) как доверие, например, родителям или учителю — необходимый элемент воспитания и образования, полагал Августин. Благодаря этой вере — дове-

Блаженный Августин

рию мы приобретаем возможность подняться до высот веры в Бога (*fides religiosa*). Но соединить первую со второй может лишь большая личная работа интеллекта, образование, которому необходима также и целеустремленность. Все фундаментальные вопросы, требующие веры, требуют также интеллектуальных усилий и проявления воли человека.

В одном из своих теологических трактатов⁸ Августин упоминает о вере как о мышлении с согласием:

«Ведь не всякий, кто мыслит, верит, — пишет он, — поскольку многие мыслят для того, чтобы

Северной Африке. Признан святым Православной, Римско-Католической и Англиканской церквями.

⁷ *Augustinus. De Ordine libri duo. II. 9 // Patrologia latina / Ed. J.-P. Migne. Parisiis, 1844–1865. 221 v. (далее: MPL). Vol. 32. Col. 998.*

⁸ *Augustinus. De praedestinatione sanctorum // MPL. Vol. 44. Col. 959–992. В рус. переводе: Августин, блж. О предопределении святых // Его же. Антипелагианские сочинения позднего периода / Пер. с лат. Д. В. Смирнова. М., 2008. С. 321–380.*

не верить; но всякий, кто верит, мыслит: веруя, мыслит он, и мысля, верует»⁹.

Мы не предлагаем читателю пытаться смотреть на текст глазами верующего человека, если читатель таковым не является. Мы предлагаем лишь специально *не стараться, чтобы не верить*.

⁹ *Августин, блж.* О предопределении святых. II. 5... С. 325.

ТЕОЛОГИЯ В АНТИЧНОМ МИРЕ: СТАРШАЯ СЕСТРА ФИЛОСОФИИ

Теология в мировоззрении древних греков — старшая сестра философии. «Прототеологами» Аристотель называл Гомера, Гесиода и «им подобных поэтов». По существу, одно и то же — основы миропонимания, включающие интуитивные представления о том, как устроен мир, и убеждения в том, что он устроен разумно. Когда «умудренные в мифах» мыслители повествуют о духовных началах мира, пытаются описывать богов, которые этим миром управляют, — речь идет об этой первой форме теологии¹⁰. Когда мудрецы фокусируют свое внимание на природе этого мира, составляющих его стихиях или мельчайших частицах, будь то гомеомерии, атомы, из которых якобы и состоит, как из первокирпичиков, весь мир, то речь идет уже о философии, в которой скрыты все основные вопросы будущих естественных, социальных и гуманитарных наук. Теология, утверждают исследователи, «связывает философию с почвой греческого мира»¹¹. Отделить любовь к мудрости от веры в мудрое начало вселенной, философию от теологии, у древнегреческих мыслителей очень трудно. Достаточно вспомнить божественный статус чисел и их гармонии у пифагорейцев или стремящуюся к благу иерархию идей Платона: что это, философия, теология, или сплетение обеих?

И все же поиски определенности в этом вопросе ведутся. И если Платон в диалоге «Государство»

¹⁰ Йегер В. Теология ранних греческих философов. Гиффордские лекции 1936 года / Пер. с англ. СПб., 2021. С. 74–75; Хлебников Г. В. Античная философская теология. М., 2007. С. 5, 11–82.

¹¹ Йегер В. Теология ранних греческих философов... С. 46.

еще упоминает теологию как некое учение о богах¹², то уже в «Метафизике» Аристотеля теология описывается в качестве *эпистемы* (ἐπιστήμη), то есть *строгого знания*. Аристотель — важная фигура не только в истории философии, но и в истории науки: ему принадлежит первая классификация научного знания. Он трактует теологию «в двояком смысле»: и как человеческую науку о божественном, и как науку, которой мог бы обладать Бог¹³. Конечно, греческий философ говорит здесь не о сотворившем мир Боге иудеев и не о личном Боге христиан, но смысл аристотелевского пассажа понятен: за многообразием физического и социального мира скрывается высшее разумное первоначало. И теология выступает, во-первых, способом нашего размышления об этом высшем разумном первоначале («снизу вверх») и, во-вторых, деятельным мышлением («сверху вниз») самого этого Божественного первоначала о мире, Божественного логоса, являющегося воплощением разума, законов существования мира и человека в нем.

Французский философ, один из видных представителей философской герменевтики Поль Рикер обратил внимание на то, что «теоретическое», «свободное», «превосходное» и «достойное» знание у Платона и Аристотеля оказывается в итоге знанием «божественным»; он также нашел общее у двух крупнейших греческих мыслителей в том, что предмет философии в итоге отождествляется не с сущим как таковым, а с Богом¹⁴.

¹² Платон. Государство. 379а // *Его же*. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 142.

¹³ Аристотель. Метафизика. 982b 30–983a 10 // *Его же*. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 69–70.

¹⁴ Рикер П. Бытие, сущность и субстанция у Платона и Аристотеля. Курс, прочитанный в университете Страсбурга в 1953–1954 гг. / Пер. с фр. М., 2019. С. 180–181.

Наука, — говорит Аристотель, — есть «представление общего и существующего с необходимостью»¹⁵. В самом деле, теоретическое научное познание направлено на поиск законов, своего рода постоянных величин, действующих в изменчивом мире.

Тот или иной человек, продолжает далее греческий философ, только тогда *«обладает научным знанием, когда он в каком-то смысле обладает верой и принципы ему известны»*¹⁶. Вера здесь, конечно, понимается не как индивидуальное психологическое состояние. Это вера исследователя, готового погрузиться в какую-то предметную область, *в принципы*, принятые учеными.

Благодаря вере (доверию учителям, уверенности в авторитете источника) мы приобщаемся к изначальным, не имеющим доказательств определениям, аксиомам, постулатам. Это знание, с ясностью и очевидностью известное тем, кто уже связан с данной наукой или наукой вообще. Без первоначал или *общих понятий* (это выражение в том же значении использует Евклид¹⁷) не может существовать никакое строгое

Аристотель.
Средневековое
изображение.
Кафедральный собор
в Шартре. Королевский
портал. XII в.

¹⁵ Аристотель. Никомахова этика. 1140b 30–35 // *Его же*. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 178.

¹⁶ Там же. 1139b 30. С. 175.

¹⁷ Степанова А. С. Философия Стои как феномен эллинистическо-римской культуры. СПб., 2012. С. 44–45.

знание¹⁸, и теология, в силу своей высшей божественной природы, выступает источником и самым общим гарантом таких беспредпосылочных начал науки.

Напомним, что Аристотель проводил разделение научных дисциплин по типу и уровню знания: теоретическое (физика, математика, первая философия, или теология), практическое (этика, политика, включая экономику) и творческое (риторика, поэтика и другие прикладные искусства, вплоть до врачевания).

Теоретические науки, в связи с аристотелевской концепцией космоса, движения и времени¹⁹, имеют своим предметом различные роды сущего: физика — реально существующие изменчивые вещи; математика — количественные абстракции, отвлеченные мыслью от реальных вещей; первая философия, метафизика, или теология, — реально не связанное с материей неизменное сущее, то есть вещи божественные. Диалектике при этом отводилось место вспомогательной дисциплины, поскольку она имеет дело с вероятностными суждениями, построенными на мнениях (δόξα), в отличие от аподиктических умозаключений в области истинного знания (ἐπιστήμη)²⁰.

¹⁸ Аристотель. Вторая аналитика. 71b 20–25 // *Его же*. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 259–260; см. также примечание 5 на С. 637.

¹⁹ У Аристотеля мы не находим трансцендентного космосу бытия, которое является вечным; все сущее в космосе Аристотель делит на то, что существует всегда, и то, что существует временно.

²⁰ В качестве дополнения вспомним трехчастное платоновское деление знания, терминологически сводимого к философии. Оно было зафиксировано учеником Платона Ксенократом и неоднократно воспроизводилось в позднеантичной мысли Цицероном, стоиками и неоплатониками: это рациональная философия (логика); естественная философия (физика, включая теологию как науку о богах)

Конечно, не все классифицировали и формулировали так, как это делал «отец логики» Аристотель. В позднеантичную эпоху, в учениях неоплатоников и стоиков теологию будут понимать и по-другому: как непосредственно достигаемое отдельными людьми *живое* (мистическое) знание о едином божественном трансцендентном начале²¹.

Этот смысл, этот нюанс тоже важен: если человек верит во что-то, то эта вера имеет личный характер, она — нечто большее, чем сухое, усвоенное на уроках знание определений и аксиом. Однако само наличие, осознание и использование аксиоматической базы — важный момент для любой науки.

Следует в заключение сказать, что не античная мысль раскрывает ключевой смысл теологии — *Бого-Словия* как Божественного источника этой аксиоматической базы последующего философского и научного познания мира. Этот главный смысл коренится в иудейской традиции, а раскрывается в религии спасения — христианстве.

Библиография

Августин, блж. О предопределении святых // *Его же.* Антипелагианские сочинения позднего периода / Пер. с лат. Д. В. Смирнова. М., 2008. С. 321–380.

Аристотель. Вторая аналитика // *Его же.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1978. С. 255–346.

и моральная философия (этика). Платон различает три момента: то, что существует вечно (не рождено и не создано), то, что существует всегда (создано, но не подвержено гибели) и то, что существует временно (что создано и погибнет).

²¹ *Хлебников Г. В.* Античная философская теология... С. 230–231.

Аристотель. Метафизика // Его же. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1 / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1976. С. 63–368.

Аристотель. Никомахова этика // Его же. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4 / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1983. С. 53–294.

Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. Репринт 5-го изд. 1899 г. М.: ГЛК, 1991. VIII с., 1370 стб.

Йегер В. Теология ранних греческих философов. Гиффордские лекции 1936 года / Пер. с англ. А. С. Мерзениной; под ред. В. В. Прокопенко. СПб.: Владимир Даль, 2021. 351 с.

Копейкин К. В., прот. Теология и наука XXI века // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 1 (2). С. 106–120.

Ли Ц. Культурные основы обучения. Восток и Запад / Пер. с англ. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. 462 с.

Петров М. К. Язык. Знак. Культура. М.: Наука, 1991. 328 с.

Платон. Государство // Его же. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3 / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1994. С. 79–420.

Рикер П. Бытие, сущность и субстанция у Платона и Аристотеля. Курс, прочитанный в университете Страсбурга в 1953–1954 гг. / Пер. с фр. Г. В. Вдовиной. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2019. 286 с.

Степанова А. С. Философия Стои как феномен эллинистическо-римской культуры. СПб.: Петрополис, 2012. 398 с.

Хлебников Г. В. Античная философская теология. М.: Наука, 2007.

Augustinus. De Ordine libri duo. II. 9 // MPL. Vol. 32. Col. 977–1020.

Augustinus. De praedestinatione sanctorum // MPL. Vol. 44. Col. 959–992.

АКСИОМАТИКА ТЕОЛОГИИ

ТЕОЛОГИЯ В ПЕРВОМ ЗНАЧЕНИИ: «И СТАЛО ТАК...»

В разговоре о теологии как о *Бого-Словии*, Слове Бога, творящем мир, и об интуитивном отражении этого фундаментального онтологического факта в мировосприятии христиан, мы предложили воздержаться от позиции, противопоставляющей рациональное мышление вере. Попробуем гипотетически опереться на их функциональную взаимосвязанность, которая — как полагал Августин — при очевидных методологических различиях обеспечивает, вместе с волей, единство познания.

Теология как Слово Бога, творящее мир — таков изначальный смысл этого понятия; первое, высшее, онтологическое значение термина теология. В начале сотворил Бог небо и землю. В открывающих иудейскую *Тору* (как и христианский *Ветхий Завет*) строках *Книги Бытия* просто и образно постулируется творение мира Богом из ничего. Сотворив небо и землю, избавляя мир от пустоты и тьмы, Бог последовательно творит Своим Словом, «изрекая вещи»: *И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.*

Саму эту формулу не так легко понять в контексте естественного языка, выражающего обычные мысли. Отражение реальности принято считать чем-то вторичным по отношению к тому, что, собственно, отражается чувствами и разумом, а языковое, грамматическое выражение этих описаний, — чем-то отстраненным, отделенным от описываемых фактов, явлений, событий, процессов. Но в случае с описанием творения мира такой отстраненности нам не достичь: мысль и язык, пытающиеся отразить это метаявление, этот сверхпроцесс, находятся внутри сотворенного мира и вписаны в череду следствий.

Кроме того, мы привыкли, что между словом и действием лежит, как минимум, временной промежуток, пока некто, объявивший о предстоящем действии, исполнит его. Довольно часто в нашей жизни слово и дело кардинально расходятся. Особенностью же Слова применительно к Богу является не только то, что Он делает то, что говорит, но и то, что Он, Его Слово, Его действие абсолютно совпадают. В этом смысл упомянутого образа «речения вещей» («*rerum locutio*»).

В описании процесса становления мира, на логически завершающем его этапе, в формулу «Сказал Бог — и стало так»²² подставляется новая величина — человек:

²⁷И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. ²⁸И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. ²⁹И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; — вам сие будет в пищу; ³⁰а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому [гаду,] пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу. И стало так.

* * *

В *Евангелии от Иоанна* (Ин 1:1) подчеркивается изначальный онтологический смысл Слова Бога, творящего мир:

²² После настройки времени суток, разделения неба, суши и воды, обеспечения всего этого флорой и фауной и устройства гармонии небесных сфер (Быт 1:1–25).

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.

Конечно, многочисленные переводы на различные языки порождают нюансы в толковании этих строк («Слово у Бога, Слово к Богу [принадлежащее Богу до творения мира], Слово Бога, Слово-Бог»)²³, но безусловно сохраняют общее понимание смысла: Слово-Логос и есть Бог. В этом Слове, имеющем изначальный смысл, заключены и предшествующая творению вечность Бога, и творение Им мира из ничего, и сотворенная жизнь во всем ее многообразии.

²³ Ср. Ин 1:1–3: «Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος, καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεόν, καὶ θεὸς ἦν ὁ λόγος. [en archē: ē:n ho logos ka:i ho logos ē:n pros ton t^heon ka:i t^heos ē:n ho logos]»; «In principio erat Verbum et Verbum erat apud Deum et Deus erat Verbum».

ТЕОЛОГИЯ ВО ВТОРОМ ЗНАЧЕНИИ: ВОПЛОЩЕННОЕ СЛОВО И СВЕТ ЗНАНИЯ

Второе значение теологии можно описать, с одной стороны, как обращенные к нам мысли и действия Бога-Отца через Своего Сына и Святого Духа; с другой стороны, как наше ответное слово к Богу и практический опыт веры. Иными словами, это личные связи, взаимонаправленные бого-человеческие коммуникативные потоки, пространство взаимодействия между Творцом и людьми.

Понятно, что верующему легче понять суть второго значения теологии как места духовной встречи с Иисусом Христом. Здесь теология раскрывается как личная, для каждого своя, постоянная связь с Ним в повседневной жизни. Теология во втором значении — опыт переживания этой чувственной и духовной связи, совместное (в храме, во время службы) и личное молитвенное выражение веры, ответное обращение к Богу-Отцу, Богу-Сыну, Богу-Духу Святому, богознание и боговидение, поддерживаемое просвещением, знанием, которое приходит от Него к тем, кто готов его (знание) воспринять.

Вновь обратимся к читателю сомневающемуся: если такое миропонимание вам не кажется очевидным, примите учительское слово Откровения, выраженное в Священном Писании и Священном Предании, не столько как разработанную древними христианами гипотезу, сколько как основополагающий *факт* или *феномен культуры*, вплетенный в жизнь народов на протяжении тысячелетий.

Итак, теология во втором значении — это Λόγος Бога, обращенный к человеку, учительское слово Откровения, изначально данное в Священном Писании

Ветхого Завета. «И Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Ин 1:14). Живое учительство Христа, составленное Его учениками и последователями Священное Писание Нового Завета, Священное Предание Церкви — и есть «Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин 1:9). Таким образом, внешний Свет, *в начале* данный Богом-Отцом вселенной, обеспечивающий условия жизни сотворенному Им миру, переходит в сообщаемый верующему через Иисуса Христа и Святого Духа внутренний Свет, который создает благодатную атмосферу для человеческого познания и ответа Богу.

Так мы осознаем, что помимо сугубо материального, физического пространства нас окружает пространство, в которой *реальна* встреча с Христом. Здесь теология раскрывается как наша постоянная связь с божественным в религиозной жизни, опыт переживания этой чувственной или духовной связи, совместное и личное молитвенное выражение веры, ответное обращение к Богу и слово о Боге, богознание и боговидение, поддерживаемое просвещением, знанием, которое приходит от Него к нам.

Наш «допуск» в это пространство регулируется двусторонними связями и, как правило, является результатом включенности

Священник в алтаре
во время литургии.
Фото автора

в церковную, литургическую жизнь, приобщения к Таинствам — в том числе, к Евхаристии.

Двойной смысл, двунаправленное движение выражается терминами «богооткровенная теология» (*theologia revelata*²⁴), «мистическое» или «таинственное богословие» (*theologia mystica*) в широком значении, включая апофатику, священнобезмолвие (исихазм от греч. ἡσυχασμός, от глагола ἡσυχάζω — находиться в состоянии покоя, молчать, быть спокойным), объединяющими способность созерцать Бога и жить Им²⁵.

²⁴ От лат. *revelatio* — откровение, обнажение; в схоластике этот термин приобретет иное значение, о котором мы скажем ниже.

²⁵ Возьмем для примера емкое и осторожное определение С. С. Аверинцева: мистика есть «религиозная практика, имеющая своей целью переживание в экстазе непосредственного “единения” с абсолютным, а также совокупность теологических и философских доктрин, оправдывающих, осмысляющих и регулирующих эту практику» (Аверинцев С. С. Мистика // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М., 2010. С. 579). В этой формуле процесс богопознания и обоженное состояние человека, означающее встречу с Ним, раскрываются словами «переживание», «единение». Методологическая сторона, отраженная в теологических и философских учениях, «схватывается» терминами «апофатика» и «исихия».

ПЕРВОНАЧАЛА ТЕОЛОГИИ

Рациональное осмысление теологии в первом и втором значениях — либо «на языке эллинов», либо на латыни, но с использованием философского (и научного) инструментария античности — начинается уже в первые века христианства.

Практические размышления апостольских мужей, апологетов, других раннехристианских писателей сопровождаются выработкой и закреплением богослужебных правил, церковных канонов и моральных установлений, что позволяет собрать воедино и формализовать перечень базовых христианских аксиом. Таким перечнем становится *Символ веры*. Он был принят на I Вселенском Соборе в Никее (325) и, после драматических споров, подтвержден отцами II Вселенского (I Константинопольского, или Цареградского) Собора (381), который также закрепил основы учения о Святой Троице.

Выраженные в тексте Символа веры отточенные формулы о Троиедином Боге, творении мира, Логосе и Его Воплощении, Воскресении, нашем Спасении, Церкви как единстве верующих, — уникальные основоположения, принятие которых дает возможность и является необходимым условием рациональных построений христианской теологии. Эти основоположения коррелируют с признанием богодухновенности Священного Писания и авторитета его текстов.

Символ веры

1. Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.
2. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде

всех век: Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша.

3. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с Небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася.

4. Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна.

5. И воскресшаго в третий день по Писанием.

6. И возшедшаго на Небеса, и сидяща одесную Отца.

7. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца.

8. И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки.

9. Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь.

10. Исповедую едино крещение во оставление грехов.

11. Чаю воскресения мертвых,

12. И жизни будущего века. Аминь.

В этих положениях, от первого «Верую» до завершающего «Аминь», действительно изложена вся аксиоматика христианского миропонимания.

Сгруппируем и рассмотрим эти пункты.

В *первом* пункте содержится уже разобранный нами выше положение о Боге-творце, Отце мира и всего человеческого рода, Который сохраняет («вседержит») вселенную Своим вниманием. Здесь заложен принцип *креационизма*²⁶ (от лат. *creatio* — творить), суть

²⁶ Раскрывая аксиомы иудео-христианской традиции, обычно говорят о первых или об основных принципах, к которым относят креационизм, теоцентризм и провиденциализм. Термины гораздо более поздние, философского и историко-научного плана, но они адекватно выражают суть аксиоматической базы, которая интуитивно схватывается христианином в вере, но служит основой для рационально-теологического учения (Шмонин Д. В. Введение в средневековую философию. Патристика. 3-е изд. СПб., 2013. С. 12–16).

которого мы только что увидели в словах Священного Писания: Бог сотворил живую и неживую природу из ничего (*creatio ex nihilo*). Мир, следовательно, имеет начало, он сотворен единой волей по разумному плану, включает в себя вещественное (реальное) пространство (*spatium reale* — впоследствии в схоластике появится специальный термин), в котором действуют физические законы и пространственно-временные отношения, но не исчерпывается им²⁷.

Далее объединим по смыслу основную часть пунктов: со *второго по седьмой* и с *десятого по двенадцатый*. В них утверждается вера в Иисуса Христа, вторую Ипостась Святой Троицы. Сын Божий, Единородный Отцу, не сотворен, но рожден от Отца до начала мира как Слово-Логос. Именно Логосом Своим Бог творит весь мир: «Все через Него начало быть, и без Него ничего не начало быть, что начало быть» (Ин 1:3).

Здесь складывается связанный с принципом творения мира из ничего принцип *теоцентризма*, согласно которому Бог — активное творящее начало мира, сущее как таковое — выступает единственным источником и причиной всего сущего. В отличие от Бога, его «креатуры» — от минералов до человека — выстраиваются в иерархию по степени совершенства, определяемого близостью к Творцу.

Это чрезвычайно важный момент, вводящий в наше понимание мира Бога как конкретную Личность — Иисуса Христа. Иисус Христос — максимальное

²⁷ Помимо реального, существует также воображаемое пространство (*spatium imaginarium*), или, как говорили схоласты, «пространство, где обитает Бог» (*Suárez F. Disputaciones metafísicas / Ed. y traducción de S. R. Romeo, S. C. Sánchez, A. P. Zanón. En 7 vols. Madrid, 1960–1966. Vol. 7. P. 425–426*).

воплощение Логоса. Ради того, чтобы указать нам путь к спасению, Он сходит с Небес, воплощается в человеке, проходит через жизнь, страдания и казнь, а затем воскресает, воссоединяясь с Богом Отцом и Богом Святым Духом, третьей Ипостасью Святой Троицы, и обозначая Своим вознесением и пребыванием на Небесах перспективу завершения жизни каждого из нас и истории человечества в целом победой над смертью и спасением. Последние строки Символа веры посвящены именно этому — «чаянию воскресения мертвых» и «жизни будущего века».

Теоцентричность следует понимать в том смысле, что Бог как Святая Троица и каждая из Ипостасей — центральный предмет нашего познания, центр притяжения мысли и веры, пребывающий над миром и держащий своим попечением и вниманием гармонично устроенную вселенную.

Здесь также важен *восьмой пункт Символа веры*, где описывается Святой Дух, единосущный и равночестный Отцу и Сыну, «Животворящий» (дающий жизнь), как сороботник Отца и Сына в творении мира. Святой Дух — исходящий от Отца Свет знания, сообщающий людям истину через пророков, благодатная атмосфера просвещения, творчества, мышления.

Отточенные формулы *Символа веры* несут нам важную мысль: христианский теоцентризм органично включает в себя идею человека как единственного существа в сотворенном мире, созданного по образу и подобию Божию. Для человека создан мир, ради его спасения запущен ход времени. Теоцентрическое устройство мира, таким образом, предстает в христианской теологии как теoантропоцентрическое; антропоцентризм оказывается встроенным в теоцентрическую модель сотворенного мира.

С этим связан еще один принцип христианского мировоззрения, принцип *провиденциализма* (от лат. *providentia* — предвидение). Он вкладывает в социальную историю смысловой стержень, в соответствии с которым всеми мировыми событиями — от эпохальных исторических разломов до локальных политических событий — управляет Божественный Промысл. И этот же принцип рождает многовековые споры в теологии о том, какова связь Провидения со свободой земных событий, а также стремление разрешить другой тип противоречий — каков зазор между Промыслом и свободой воли отдельного человека.

Отметим также, что *Символ веры* делает акцент на единстве Церкви как имеющем Божественное происхождение сообществе людей. Основанная Иисусом Христом, который пришел на землю и собрал первую общину Своих учеников, Церковь постепенно превращается в мощное единое («Тело Христово») движение последователей (1 Кор 12:27; Еф 1:22–23) и социальный институт, в котором христианин чувствует себя как ветвь единого древа. Далее в *Символе веры* указывается на Таинства как на благодать Божию, действующую в Церкви; первым из Таинств является для человека крещение: «Один Господь, одна вера, одно крещение», — говорит апостол Павел (Еф 4:4).

Аналогичным (но не тождественным) образом, на похожих основаниях построено мировосприятие двух других авраамических религий — иудаизма и ислама.

Библиография

Аверинцев С. С. Мистика // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 579.

Шмонин Д. В. Введение в средневековую философию. Патристика. 3-е изд. СПб.: Изд-во РХГА, 2013.

Suárez F. Disputaciones metafísicas / Ed. y traducción de S. R. Romeo, S. C. Sánchez, A. P. Zanón. En 7 vols. Madrid: Gredos, 1960–1966.

**ТЕОЛОГИЯ В ТРЕТЬЕМ ЗНАЧЕНИИ:
SAPIENTIA, DOCTRINA, SCIENTIA**

ЗАЧЕМ ФИЛОСОФАМ ТЕОЛОГИЯ?

Итак, в раскрытых выше значениях речь о теологии как о науке *не идет*. Первое из двух отражает общее понимание сотворенного Богом мира, второе — характер взаимодействия христианина с Богом и практический опыт веры. Однако, как мы видим, именно на этих *уровнях* теологии заложены основы онто-космологического и ценностно-мировоззренческого, вероучительного ядра как аксиоматической базы и жизненного опыта богослова, то есть того, что делает его способным и дает ему право последующей научной работы. При этом сама аксиоматическая база выражается, формулируется вполне рационально.

Но об этом говорит уже рациональная теология, выражающая философским языком христианское учение, в различных его аспектах, и называемое то мудростью (*sapientia*), то доктриной (*doctrina*), то наукой (*scientia*).

Иустина Мученика (II век)²⁸ прозвали Философом. До обращения в христианство он был влюблен в греческую философию, его «восхищало... учение Платона о бестелесном», но в результате спора (в Эфесе, на берегу моря) с неким почтенным старцем молодой философ осознал несостоятельность платонизма

Берег моря у Эфеса,
современный вид.
Фото автора

²⁸ Иустин Философ (др.-греч. Ἰουστίνος ὁ Φιλόσοφος; ок. 100–165) — раннехристианский мученик и апологет. Признан святым в Православной и Римско-Католической Церквях.

и понял, что оперирование вероятностями превращает мыслящих в «распространителей духа лжи и демонов».

Если же к философствующему разуму добавить знание, данное верой, знание пророков, «которые говорили только то, что слышали и видели, когда были исполнены Святого Духа»²⁹, то философу открываются *дополнительные познавательные возможности*. Они даются разуму в ответ на его веру, ибо «этих вещей никому нельзя видеть или понять, если Бог и Христос Его не дадут разумения»³⁰.

Иустин Философ здесь не одинок. Другие христианские мыслители II–VI веков, в том числе александрийцы Климент и Ориген, каппадокийские епископы Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский, Иероним³¹ и Августин, Боэций не противопоставляют христианскую теологию философии и наукам о природе. В их трудах по-новому звучит мысль о том, что, хотя рациональным путем можно овладеть любой наукой, существуют вещи, которые неподвластны строгому знанию. Это, например, вопросы о происхождении или вечности мира; о связи человеческой души с телом, в котором она пребывает и т. п.

Стремление разобраться в подобных вопросах заставляет искать «знания причин вещей божественных и человеческих», как замечает Климент Александрийский³². При этом в эпоху глобальных

²⁹ Шмонин Д. В. Введение в средневековую философию... С. 82.

³⁰ Там же. С. 83.

³¹ Софроний Евсевий Иероним (лат. Sophronius Eusebius Hieronymus; около 345 или 347, Стридон, Далмация — 30 сентября 419 или 420, Вифлеем) — церковный писатель, создатель канонического латинского текста Библии. Признан святым в Православной и Римско-Католической Церквях.

³² Климент Александрийский. Строматы. Кн. I–III. СПб., 2003. С. 93, 185.

перемен, какими были первые века нашей эры, научно-теоретическое описание мира и поиск природных первоначал («Как устроен мир?») отходят в тень. А на первый план выступают вопросы жизненно-личностные («Как спастись?») и ценностно-нормативные («Как жить, чтобы достичь спасения?»). Понятно, что значение философии, понимаемой в духе Платона и Аристотеля — как первой философии, метафизики, знания о сущем как таковом, — существенно снижается. Эту работу начинает выполнять христианское теологическое, точнее, *теолого-философское* мышление, использующее элементы платонизма, аристотелизма, стоицизма и т. д. как привычные инструменты, но отвечающее на более широкий спектр вопросов. Оно интегрирует весь круг греческих и латинских наук («свободных искусств»), от грамматики, риторики и логики, к которым добавляется история, до математических дисциплин, которые открывают гармонию чисел (арифметика), звуков (музыка), пространства (геометрия) и небесных сфер (астрономия). Но к этому мы вернемся чуть ниже.

НАУКИ – ФИЛОСОФИЯ – ТЕОЛОГИЯ: ДВА КЛАССИФИКАЦИОННЫХ ПОДХОДА

Если при описании научного знания под философией понимают всю сумму знаний о мире, то *теология* оказывается высшей ступенью этих знаний.

В классификации наук Боэция, например, теоретическая (*speculativa*) философия делится на три дисциплины, соответствующие трем классам познаваемых объектов, трем родам сущего: вечному и неизменному сущему, свободному от материи; умопостигаемому сущему, связанному с материей; и миру чувственных, материальных вещей. Теология соответствует первому из этих родов сущего³³.

Если при попытке построить классификацию наук термином *теология* описывают возвышающуюся над предварительными (гуманитарными, естественными и математическими) науками *мудрость* (*σοφία, sapientia*), то теперь уже философия представит в виде некоего синтеза, промежуточного слоя, своего рода соединительной ткани между науками и теологией: «Как свободные искусства ведут к господже их философии, так и философия в конечном итоге приводит к мудрости. Философия является средством для осуществления мудрости, сама же мудрость есть знание причин вещей божественных и человеческих»³⁴.

Философия без теологии — «гадание об истине», философия в союзе с теологией — «общение с истиной». Так раскрывает смысл взаимодействия философии и теологии Климент Александрийский.

³³ Боэций. «Утешение Философией» и другие трактаты. М., 1990. С. 9–10.

³⁴ Климент Александрийский. Строматы... С. 93, 185.

Мы стараемся показать, что теология достигает своих максимальных смысловых значений, находит свое полное воплощение в христианстве. Отцы Церкви, церковные писатели, размышляя в вере и дискутируя — в том числе, в ходе великих споров Вселенских Соборов, — составили рациональное описание христианского учения, применив для этого язык античной философии и науки. Это общее рационально-теологическое ядро. Оно, как мы напомнили выше, построено на принципах креационизма, теоцентризма, провиденциализма, христианского антропоцентризма и идее спасения. Его ценностно-мировоззренческий ресурс актуален и сегодня, он составляет одну из констант теологии.

ТЕОЛОГИЯ И ТЕОЛОГИИ

Показав греческий политеистический контекст размышлений о теологии, мы до сих пор мы говорили об истоках теологии, подразумевая *христианство*.

Развитие христианской теологии осуществлялось в западном (латинском, католическом) и восточном (греко-византийском, а затем и славянском, православных) изводах. И хотя появившиеся с течением столетий догматические и богослужебные расхождения не доходили до глубины базовых ценностно-мировоззренческих принципов теологии, все равно, с момента разделение церквей в XI веке корректно говорить о православном и католическом богословии, а после Реформации XVI столетия — также и о появлении теологических учений различных протестантских церквей, в той мере, конечно, в какой эти церкви развивали теологию, отличную от католической.

Однако христианская теология — не единственное религиозное учение в мире, как христианство — не единственная религия. Можно ли говорить о теологии других религий? И если да, то можно ли утверждать единство базовых принципов при многообразии религиозных учений, то есть говорить о едином пространстве теологии?

Ответим так. Вероучительные системы иудаизма, христианства, ислама содержат совпадающие в главном представления о божественном начале мира, творении, человеке, абсолютных моральных ценностях, имеющих божественную природу. Распространение иудейской теологии (теолого-философской мысли) и рождение исламской теологии (ислам появился в VII веке) происходили в Средние века в том же

еврейско-греко-латинском языковом и культурном взаимодействии.

Географически средневековая иудейская мысль была распространена в едином средиземноморско-азиатском цивилизационном контуре, исламская — тоже, даже несколько шире, от Средней Азии до Пиренейского полуострова. Философы и теологи пользовались одним и тем же платоновско-аристотелевским идейно-терминологическим инструментарием, поэтому можно сказать, что в иудейской и исламской интеллектуальных традициях теологии «столько, сколько схоластики». Но это если сравнивать именно с христианской теологией.

Теологические системы иудаизма и ислама развивались и развиваются собственными путями. Не следует «втискивать» их в христианский формат. Сами представители этих религий, характеризуя свои учения, часто говорят не о теологии как таковой, но о Законе и Праве как о религиозных доктринах, на которых основываются и в которых выражаются, среди ряда специфических доктринальных моментов, общие с христианскими базовые представления, которые мы упомянули выше. Когда мы говорим об иудейской и исламской теологиях, нужно соблюдать аккуратность, видя как общий контекст авраамических религий, так и особенности выражения каждого из религиозных учений, и полагаясь на мнения научно признанных, авторитетных и признаваемых своими религиозными сообществами ученых.

В последнее время усилился интерес к теологической тематике представителей российского буддизма. Об этом будет сказано в завершающей главе учебного пособия.

Здесь только остается заметить, что в современном научно-образовательном пространстве все традиционные религии действуют совместно, участвуя в развитии теологии как предметной области образования и отрасли научного знания.

Библиография

Бозций. «Утешение Философией» и другие трактаты / Отв. ред., сост. Г. Г. Майоров. М.: Наука, 1990. 414 с.

Климент Александрийский. Строматы. Кн. I–III. СПб.: Изд-во О. Абышко, 2003. 1248 с.

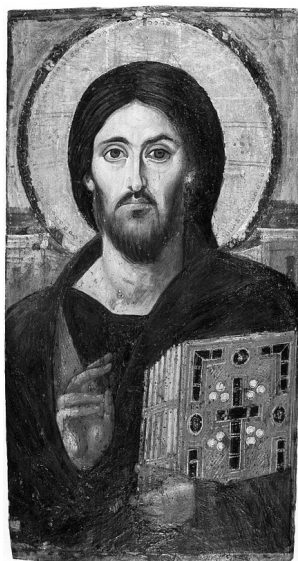
Шмонин Д. В. Введение в средневековую философию. Патристика. 3-е изд. СПб.: Изд-во РХГА, 2013.

НА ПУТИ К УНИВЕРСИТЕТУ

ХРИСТИАНСКИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ

Иногда историки так углубляются в раскопки фундаментов университетских зданий, что историю Парижского университета тянут к школам друидов³⁵, а основание так называемого Константинопольского университета привязывают к 425 году (имея в виду открытие императором Феодосием II новой высшей школы — Аудиториума)³⁶. Мы воздержимся от анахроничного использования термина «университет», но постараемся взглянуть на ростки высшего образования сначала на христианском Востоке, а затем, подробнее, — на христианском Западе, с учетом места в нем теологии.

В греко-византийской традиции общекультурное образование молодежи называлось «кругом знаний» (ἐγκύκλιος παιδεία); в латинской традиции — семью

Синайский Спас, VI век

³⁵ *Du Boulay C. E. Historia Universitatis Parisiensis. Vol. 1–6. Vol. 1. Parisiis, 1601–1678.*

³⁶ См.: *Loukaki M. Université. Domaine byzantin // Dictionnaire encyclopédique du Moyen Âge. Vol. 2. Paris, 1997. P. 1553.* Историю так называемого Константинопольского университета отсчитывают с 425 г. авторы фундаментальной советской «Истории Византии» (История Византии: в 3 т. Т. 1. М., 1967. С. 392). Мы предлагаем быть осторожными и оставляем университет латинскому Западу.

свободными искусствами (*septem artes liberales*). В этот набор входили четыре математических дисциплины (арифметика, музыка, геометрия, астрономия) и три искусства (грамматика, риторика, диалектика или философия³⁷).

Итак, в Византии продолжали жить традиции античной образовательной парадигмы, которые и впитала в себя христианская *παιδεία*. Система образования была формой заботы государства о своих подданных³⁸.

Преемником упомянутого выше Аудиториума стал Пандидактерион, (*Πανδιδακτήριον*, «Всеучилище»), которому император Михаил III отвел в 855/856 году Магнаврский дворец в Константинополе. Там учили будущих государственных служащих и военных; Магнаврская школа давала, как в свое время Аудиториум, высший уровень гуманитаристики, естествознания и «внешней» (греко-римской, языческой) философии³⁹. Но вот «внутреннюю философию» (христианское мировоззрение, которое, помимо просвещения, означало стремление к внутреннему преображению человека), в «аудиториумах», «мусейонах» и «театронах» найти было трудно⁴⁰.

Теология на христианском Востоке, в православии, складывалась как синтез теории (школьная парта,

³⁷ В самом деле, диалектику, практически не выходившую за рамки курса аристотелевской логики и комментариев к нему, называли философией (Подр. об этом см.: *Лемерль П.* Первый византийский гуманизм / Пер. с франц. СПб., 2017. С. 147).

³⁸ *Вальденберг В. Е.* Государственное устройство Византии до VII в. СПб., 2008. С. 105; *Иванов И., свящ.* Византийская *παιδεία*: аспекты традиции в образовательной модели // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2017. № 1. С. 88.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Иванов И., свящ.* Византийская *παιδεία*: аспекты традиции в образовательной модели... С. 88.

обучение у наставника-учителя) и практики (христианская жизнь в общине, приобщение к таинствам, к Евхаристии, воспитание со стороны наставника-пастыря, духовника)⁴¹, и приводила молодых людей, искавших теологии как знания, в монашескую обитель. Монастырская жизнь позволяла объединить пастырское наставничество, предстояние и учительство. Образно говоря, теологический факультет совмещался с монастырской жизнью и составлял ее «научно-образовательную» часть. Богословие восточного христианства, не противопоставляя себя сложившемуся набору искусств и наук, создало сплав рационального и мистического, светского и церковного начал в образовании христианина. Это будет существенно отличаться от того, что даст школьная связь теологии, философии и наук на средневековом христианском Западе, культура которого и породит университеты болонского и парижского типов (XI–XII вв.).

Первым, кто на Западе включил греческие и римские свободные искусства именно как *инструменты воспитания* в систему *христианского* образования, стал Августин.

Семь античных искусств, к которым Августин факультативно добавляет историю, складываются в своего рода «позднеантичный бакалавриат», открывающий путь к философской «магистратуре».

Но что это за философия? Метафизика или первая философия в неоплатоническом, перипатетическом, стоическом или каком-либо эклектическом духе его не привлекают: это внешняя для христианина мудрость.

К чему глубоко погружаться во взгляды спорящих друг с другом философов ушедшей эпохи? —

⁴¹ При том, что раскрытие сущности Бога человеческим умом «напрямую» невозможно.

Мы, замечает Августин, не должны ориентироваться на «так называемых философов, особенно платоников», как на знатоков науки о первоначалах и причинах мира, о сущем как таковом и т.п., но готовы принять то, что сказано этими философами «истинно и сообразно нашей вере»⁴².

Изучение философии должно приобрести черты обзорного курса. От языческой любви к мудрости Августин предлагает обратиться собственно к христианской мудрости (*sapientia christiana*). Это и есть *истинная* христианская философия, то есть рациональная теология, теология в третьем значении, как мы выше определили ее для простоты.

⁴² *Augustinus. De Doctrina Christiana libri quatuor* // MPL. Vol. 34. Col. 63.

ВИВАРИЙ: УЧЕНЫЙ МОНАСТЫРЬ

Некоторые из монастырей, в которых жили по уставу святого Бенедикта⁴³ — по крайней мере, из крупных, — стали заводить у себя библиотеки, скрипториумы⁴⁴ и *тривиальные* школы. Вплоть до появления кафедральных школ в городах при епископских резиденциях и соборах, а также университетов, такие монашеские обители были центрами просвещения, причем не только для монахов, но и для мирян.

Одним из первых подобных проектов стал «Monasterium Vivariense»,⁴⁵ который основал Флавий Аврелий Кассиодор (ок. 487 — ок. 583).

Именно у Кассиодора бенедиктинские правила зазвучали по-новому: обязательным для монаха трудом он считал не только физические работы, но и интеллектуальную деятельность, то есть учебу, обучение других, сохранение и переписывание книг⁴⁶.

Кассиодор

⁴³ Святой Бенедикт Нурсийский (480–543) был основателем лесного монашества.

⁴⁴ Скрипториум, скрипторий (лат. scriptorium) — мастерская, чаще в монастыре, по копированию и реставрации рукописей.

⁴⁵ Букв. vivarium (лат.) — заповедник для дичи, рыбный садок.

⁴⁶ См. об этом: *Cassiodorus Vivarensis Abbas. De Vita monastica dissertatio* // MPL. Vol. 69. Col. 483–498. Вивариум или виварий был бенедиктинским монастырем, но многие из введенных Кассиодором установлений впоследствии распространились не только на бенедиктинские монастыри, но и на монастыри других орденов.

В своих «Наставлениях в божественных и светских науках», следуя Аристотелю и Боэцию, этот удалившийся на покой мудрый государственный деятель, делит всю систему знания на философию теоретическую и практическую; теоретическую — на естественную (натуральную), доктринальную (подразделяемую на дисциплины квадривиума) и божественную (*divina*), то есть теологию. Практическая философия подразделяется им в традиционном ключе на этику, экономику и политику⁴⁷.

В «Наставлениях» мы видим следующий Августину учебный план подготовки христианина-теолога. Воплощением педагогических установок Кассиодора стала монастырская школа, в которой после изучения основ латыни следует обучение грамматике, риторике и диалектике; затем, после ментальных искусств тривиума, бегло обозревают математические науки квадривиума, и по завершении «общеобразовательного» цикла приступают к изучению теологии.

Интересна дальнейшая «гуманитаризация» знания. *Тривиальные* дисциплины выходят на первый план. Изучение математических наук приобретает все более обзорный характер, а естественная философия (физика) и практические науки, включенные в аристотелевскую классификацию, в монастырских школах все больше уходят в тень, становятся уделом редких монахов-ученых.

Вплоть до XI–XII столетий монастыри на Западе выполняют роль основных хранителей интеллектуальной культуры и центров просвещения. Даже при появлении конкурирующих институтов — кафедральных школ (уже упоминавшихся школ при соборах

⁴⁷ *Cassiodorus Vivarensis Abbas. De Institutione divinarum litterarum* // MPL. Vol. 70. Col. 1105–1150.

в городах, являющихся резиденциями епископов), а также частных школ, монастыри сохраняют свое культурное и образовательное значение. Лишь в эпоху становления университетского образования (вторая половина XII–XIII вв.) монастырь отдает первенство университетской городской среде.

На христианском Востоке, в Византии, «высшее *теологическое* образование» можно было получить только в монастырях, в сочетании с аскетической жизнью. Специфика восточно-христианского, православного богословия в Византии повлияет на пути развития христианского просвещения и книжности на Руси, где университет появится только в XVIII веке. Но об этом будет сказано ниже.

ТЕОЛОГИЯ В УНИВЕРСАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЗНАНИЯ

«Этимологии, или Начала, в XX книгах»⁴⁸ Исидора Севильского⁴⁹ представляют собой компендиум, в котором впервые дается панорама всего научного знания.

В самом начале этого энциклопедического справочника содержится объяснение основных понятий:

«Наука (*disciplina*), — пишет Исидор, фактически повторяя Августина, — имя получила от научения (*discendo*), потому она также может называться знанием (*scientia*). Ведь «знать» (*scire*) произошло от «учиться» (*discere*), ибо никто из нас [ничего] не знает, если не учится. А иначе она названа наукой, ибо всему учит (*discitur plena*)»⁵⁰. Искусство же (*ars*), по мнению Исидора, называется так потому, что состоит из правил искусного мастерства (*ars*), или, если привлечь греческую этимологию, от добродетели, которую греки называли знанием.

Следуя уже не Августину, а Кассиодору, Исидор Севильский описывает все искусства и науки — от грамматики, то есть опытности в речи, до астрономии, которая содержит законы звезд⁵¹. Автор при этом дает понять, что тривиум и квадравиум служат начальными ступенями рационального познания мира, человека и Бога.

⁴⁸ *Isidorus Hispalensis. Etymologiarum libri viginti // MPL. Vol. 82. Col. 73–728.*

⁴⁹ Исидор Севильский (исп. San Isidoro de Sevilla, лат. Isidorus Iunior) (между 560–570–636) — архиепископ Гиспалы (Севильи) в вестготской Испании (600/601–636). С конца 1990-х годов в Римско-Католической Церкви признан святым покровителем Интернета.

⁵⁰ *Исидор Севильский. Этимологии, или Начала в XX книгах. Книги I–III: Семь свободных искусств. СПб., 2006. С. 7.*

⁵¹ Там же.

В четвертой и пятой книгах⁵² описываются медицина и юриспруденция, которые впоследствии дадут начало специализированным высшим школам и факультетам в средневековом университете. Также выделяется история — социальная и естественная, в том числе в провиденциально-эсхатологическом контексте «учения о времени (временах)».

Теологические и церковные темы Исидор раскрывает в шестой, седьмой и восьмой книгах. Это компилятивное изложение теологии, которые Исидор воспроизводит с опорой на Августина и других представителей патристики.

Интересно распределение по тематике дальнейших книг.

Книга девятая описывает языки, народы, государства, города и титулы (традиционные для Римской империи). После алфавитного словаря разнообразных понятий (этимология имен составляет содержание десятой книги) Исидор рассматривает в оставшихся книгах знания о человеке, животных, космосе, строении земли, об устройстве поселений и жилых домов, о минералах и металлах, о земледелии, войне, кораблестроении, одежде и других окружающих человека вещах и элементах быта.

Одиннадцатая книга посвящена человеку⁵³, а также описанию реальных и мифических живых

⁵² *Isidorus Hispalensis. Etymologiarum libri viginti...* Col. 198.

⁵³ Этот очерк антропологии см.: Ibid. XI. 1–2. Col. 398–419. В русском переводе не так давно появились фрагменты: *Исидор Севильский. Этимологии, или Начала. Книга XI. О человеке и чудесах. Глава I: О человеке и частях его* / Пер. А. А. Павлова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 61. М., 2017. С. 330–344; *Его же. Этимологии, или Начала. Книга XI. О человеке и чудесах. Глава II: О возрастах людей; Глава III: О чудесах; Глава IV: Метаморфозы* / Пер.

существ (краткий бестиарий)⁵⁴. Книга двенадцатая содержит общие сведения о животном мире; тринадцатая и четырнадцатая — книги, объединенные названием «О земле и [ее] частях» — дают очерк географии, начиная с основ физической географии; очерк включает описание средиземноморского бассейна, стран и народов, населяющих ареал греко-римского мира⁵⁵. Пятнадцатая книга описывает городскую и сельскую инфраструктуру, включая строительство и дорожное хозяйство; шестнадцатая — основы химии и минералогии; семнадцатая, именуемая «О сельском хозяйстве», — основы растениеводства, которые сводятся к перечислению основных сельскохозяйственных культур, а также сведения о других растениях и деревьях. Восемнадцатая книга радикально меняет тематику: в ней рассматривается терминология войн (в том числе юридические вопросы их классификации), а также общественных событий, мероприятий, включая военизированные соревнования или игры (*ludes*). Девятнадцатая книга повествует о различных видах судов, навигации, снастях, строительстве и устройстве жилищ, о видах одежды. Завершающая, двадцатая книга, — о продуктах питания, домашних хозяйственных инструментах и сельскохозяйственных орудиях.

«Этимологии» дают краткое описание названий и содержания свободных искусств, высших наук и видов деятельности человека. Можно сказать, что это сочинение заменяет целую справочную библиотеку, построенную на началах вполне четкой

А. А. Павлова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 53. М., 2015. С. 312–322.

⁵⁴ *Isidorus Hispalensis. Etymologiarum libri viginti. XI. 1–2... Col. 419.*

⁵⁵ *Ibid. XIII. 16. Col. 484–485.*

классификации⁵⁶. Недаром в 1999 году при Иоанне Павле II Римской Католической Церковью Исидор Севильский был провозглашен святым покровителем Интернета, компьютера и компьютерщиков.

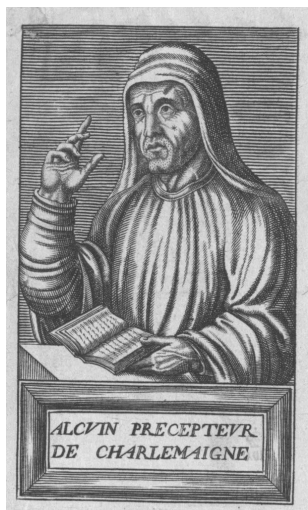
Важно и другое. Второй десяток книг Исидоровых «Этимологий», описывающих механические искусства (*ars mechanica*), фактически очерчивает контуры будущей прикладной («отраслевой») науки, которая пока еще не имеет равного со свободными искусствами статуса.

* * *

Учитель придворной школы Карла Великого Алкуин из Йорка (ок. 735–804) раскрывает механику как искусство изготовления изделий из металла, дерева и камня (*Mechania est peritia fabricae artis et in metallis et in lignis et in lapidibus*), добавляя ее в список природоведческих дисциплин. Если у Исидора Севильского мы видели краткое описание этих и подобных им умений, вне прямой связи последних с науками (со старой философией — *veterem philosophiam*), то зачинатель Каролингского возрождения принимает эти механические искусства в расчет, когда рисует схему научного — теоретического и эмпирического — освоения мира.

Что касается теологии, то Алкуин и богословы IX–XII столетий делают акцент на свободных искусствах, в большей мере гуманитарных, тривиальных, поскольку они составляют единый путь к познанию мира. Христианская наука, полагает Алкуин, строит

⁵⁶ Последние главы девятнадцатой и двадцатую книгу можно было бы даже назвать прообразом энциклопедии домашнего хозяйства.

Алкуин Йоркский

«Новые Афины», оставляющие далеко позади «древние Афины» (античное знание); это происходит за счет соединения мудрости античной философии с мудростью отцов Церкви, то есть учений патристики⁵⁷.

Повышается роль логики, в которой Алкуин видит эпистемологическое и методологическое содержание. Будучи универсальным методом правильного познания, логика может и должна применяться в экзегетике Священного Писания. Так

закрепляется рациональный путь к теологии, не обязательно требующий освоения квадривиума с его исчислениями. Более важной становится связь логики с этикой, включающей учение о добродетелях и объясняющей правила жизни.

Этика в форме моральной теологии (нравственного богословия) выступает обязательным воспитательным сопровождением в процессе формирования личности христианина-интеллектуала, можно сказать — христианина-гуманитария, наряду с христианином-математиком и естествоиспытателем.

Библиография

Вальденберг В. Е. Государственное устройство Византии до VII в. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2008. 222 с.

⁵⁷ *Albinus. Grammatica* // MPL. Vol. 101. Col. 849–902.

Иванов И., свящ. Византийская παιδεία: аспекты традиции в образовательной модели // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2017. № 1. С. 83–92.

Исидор Севильский. Этимологии, или Начала в XX книгах. Книги I–III: Семь свободных искусств / Подгот., пер. с лат., ст., примеч. и указ. Л. А. Харитонов. СПб.: Евразия, 2006. 348 с.

Исидор Севильский. Этимологии, или Начала. Книга XI. О человеке и чудесах. Глава I: О человеке и частях его / Пер. А. А. Павлова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 61. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 330–344.

Исидор Севильский. Этимологии, или Начала. Книга XI. О человеке и чудесах. Глава II: О возрастах людей; Глава III: О чудесах; Глава IV: Метаморфозы / Пер. А. А. Павлова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 53. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 312–322.

История Византии: в 3 т. / Отв. ред. С. Д. Сказкин. М.: Наука, 1967.

Лемерль П. Первый византийский гуманизм: замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века / Пер. с франц., вступ. ст. Т. А. Сениной (монахини Кассии). 2-е изд. СПб.: Издательский проект «Квадривиум», 2017. 480 с.

Albinus. Grammatica // MPL. Vol. 101. Col. 849–902.

Augustinus. De Doctrina Christiana libri quatuor // MPL. Vol. 34. Col. 15–122.

Cassiodorus Vivarensis Abbas. De Institutione Divinarum litterarum // MPL. Vol. 70. Col. 1105–1150.

Cassiodorus Vivarensis Abbas. De Vita monastica dissertatio // MPL. Vol. 69. Col. 483–498.

Du Boulay C. E. Historia Universitatis Parisiensis. Vol. 1–6. Parisiis: Apud P. de Bresche, I. de Laize de Bresche [et al.], 1665–1678.

Isidorus Hispalensis. Etymologiarum libri viginti // MPL.
Vol. 82. Col. 73–728.

Loukaki M. Université. Domaine byzantin // Dictionnaire
encyclopédique du Moyen Âge. Vol. 2. Paris: Éditions du Cerf,
1997. P. 1553.

УНИВЕРСИТЕТ, ВЕРСИЯ 1.0

СХОЛАСТИКА КАК ШКОЛА И КАК НАУКА

В латинском варианте *schola* — учебный класс, место занятий. Прилагательное *схоластический*, таким образом, первоначально обозначало все, связанное с обучением, сохранением и передачей знаний. На протяжении столетий сложился схоластический порядок преподавания в монастырских и кафедральных школах: тривиальные искусства, с опорой на логику; усеченно или факультативно — науки квадривиума, затем тонкий соединительный слой метафизики при переходе к теологии. Все это методологически и содержательно объединяется и составляет сумму знаний о сотворенном Богом мире.

Западная средневековая обыденность, однако, привнесла и другие смысловые оттенки в слова со «школьным» корнем: схоласт, схоластик (*scholasticus*) — это еще и юрист, и государственный служащий, и глава кафедральной или монастырской школы.

К XII веку, времени рождения первых университетов, слова *схоластика*, *схоластический*, *схоласт* описывали целый ряд вещей и признаков:

во-первых, как мы заметили выше, все, что касалось школы и школьного дела;

во-вторых, уровень образованности и *modus vivendi* людей, связанных с умственным трудом и письменной культурой в различных профессиональных направлениях;

в-третьих, учебные и научные сочинения определенных типов и жанров;

в-четвертых, особый стиль мышления и изложения мыслей — дидактический и, плюс к этому, научный,

систематический, когда речь идет о школе как об определенной научной традиции⁵⁸.

Наконец, в-пятых, определение «схоластический» прилагалось к совокупности научных методов познания, построенных на теологически обоснованных определениях и преимущественно дедуктивных способах вывода.

Имея в виду эти нюансы, особенно четвертый и пятый, можно сказать, что ко времени рождения университетов схоластика и наука были практически тождественными понятиями⁵⁹.

К середине XII века в Европе происходят существенные сдвиги в системе образования. Рост ремесла, торговли, городов, развитие сельского хозяйства требуют большего числа грамотных и образованных людей. Соответственно, схоластика как образование и как наука становится более востребованной. Выйдя из монастырской тиши и сумрака кафедральных школ на городские площади и улицы, она порождает своеобразную социальную прослойку «школяров» — учащихся и учащихся, которая и станет питательной средой рождающихся университетов.

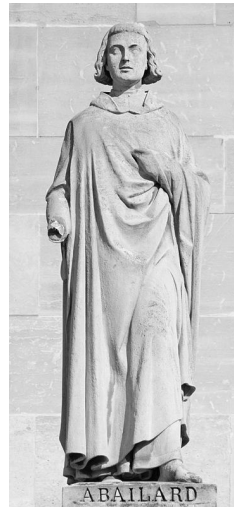
Двойственный статус схоластика, как ученика и как учителя, хорошо демонстрируется жизненным путем Петра Абеляра (1079–1142). Всю свою жизнь он учил и учился попеременно, а то и одновременно. Будучи еще учеником Гильома из Шампо, канцлера

⁵⁸ Grabmann M. Die Geschichte der Scholastischen Methode: im 2 bd. Bd. 1. Freiburg, 1909. S. 192–214; *Idem*. Storia del metodo scolastico. Vol. 1. Florencia, 1980. P. 233–258.

⁵⁹ Позднее, во многом благодаря философам Нового и Новейшего времени (эмпирикам, рационалистам, просветителям всех мастей, классическим и неклассическим немецким мыслителям, марксистам, позитивистам и т. п.) слово схоластика приобрело устойчивое негативное значение.

кафедральной школы при парижском соборе Нотр-Дам, он открыл собственную школу в местечке Мелен, неподалеку от столицы. И эта частная школа Абеляра по популярности вскоре превзошла кафедральную. Через несколько лет Абеляр вновь поступает в ученики к Гильому (в первый раз он учился логике, во второй — риторике⁶⁰), и уже в весьма зрелые по тогдашним временам годы, тридцати четырех лет, садится за парту в школе Ансельма Ланского⁶¹, где изучает теологию. Затем Абеляр преподает, подвергается изгнанию, вновь собирает студентов. Заметим, что почти вся жизнь Абеляра была связана с совершенствованием схолистического метода за счет широкого применения логики, в том числе в сфере теологии. Эта работа, как и труды других учителей, послужила основой создания университетов.

Петр Абеляр — поворотная фигура в схоластике. Он переосмысливает понятие теологии, вкладывает в него новое содержание, превращая ее из собрания доктринальных положений, снабженных в почтительных комментариях аргументами в стиле «ибо сказано», в самостоятельную

Петр Абеляр

⁶⁰ Именно во второй раз Абеляр окончательно побеждает Гильома в споре о природе универсалий.

⁶¹ Ансельм Ланский (ум. 1117) — ученик святого Ансельма Кентерберийского, возглавлявший школу в Лане, стал одним из родоначальников такого жанра богословской литературы как «Сентенции». Его теологические соч. см.: MPL. Vol. 162. Col. 1169–1592.

дедуктивную науку, не просто рационально, но логически доказательно⁶² объясняющую веру.

Теология, по мнению Абельяра, сочетает в себе и черты науки (*scientia, disciplina*), и черты искусства (*ars*). Она неразрывно связана с логикой.

Интересно, почему гуманитарные науки для Абельяра важнее естественных: он полагает, что естествознание эмпирично, оно способно лишь к собиранию фрагментарных знаний, тогда как логика открывает прямой путь к познанию Бога, что означает и познание мира в целом.

За счет объединения рациональных усилий тривиальных искусств и включения логического аппарата в теологию Абельяр расширяет задачи теологии схоластики — апологетической, направленной на обращение неверующего, и позитивной, нацеленной на раскрытие содержания веры. Здесь Абельяр вводит две новые функции. Первая — логическая: определение связей, объединяющих веру с Откровением, выделение точек сопряженности веры и разума. Вторая — критическая: теолог рассматривает аргументы против веры и затем выдвигает контраргументы.

Можно говорить о том, что, если начиная с Абельяра, схоластическая система знания, увенчанная рациональной теологией⁶³, получает четкий логический научный метод, то новую классификацию всевозможных видов искусств, наук и видов деятельности

⁶² *Аристотель*. Топика. 100b27–29 // *Его же*. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 349.

⁶³ Об этом мы уже говорили в § 2 настоящей главы. Понятию и роли естественной теологии (как одного из двух модусов рациональной теологии) в истории мышления посвящена подборка статей В. К. Шохина, С. В. Месяц, П. Б. Михайлова, А. Р. Фокина, Г. В. Вдовиной и А. М. Шишкова в кн.: *Философия религии. Альманах*. 2006–2007. М., 2007. С. 226–336.

предлагает Гуго Сен-Викторский (1096 (1096/97–1141), автор призыва «Учись всему — увидишь потом, что ничто не лишне»⁶⁴.

Среди трудов Гуго выделяются написанные в двадцатые годы XII века «Наставления в обучении» («Eruditionis didascalicae», «Didascalicon»),⁶⁵ в котором описанное в VII веке Исидором Севильским многообразие знания, предстает в модернизированной XII веком схеме.

Философию (то есть все знание вообще — *omnia philosophia, summa philosophiae*) Гуго стандартно делит на три основных части — теоретическую, практическую и логическую⁶⁶. Высший уровень теоретического знания — рациональная теология (из-за неразработанности терминологии Гуго использует прилагательное «мирская»: *mundana theologia*)⁶⁷ и теологии божественной, мистической (*divina theologia*). *Mundana theologia* осмысливает невидимые природы невидимых субстанций (*invisibiles naturas invisibilium substantiarum*), а также формы и причины видимых вещей (*formas et causas visibilium substantiarum*). Иными словами, это то, что в Новое и Новейшее время будет подхвачено теоретической философией (онтологией, метафизикой), а также философией науки.

⁶⁴ «Omnia discere, videbis postea nihil esse superfluum» (*Hugo de Sancto Victore. Eruditionis didascalicae* // MPL. Vol. 176. Col. 800–801).

⁶⁵ Редакцией «Латинской патрологии», кстати, оно отнесено к разделу догматических сочинений.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ *Hugo de Sancto Victore. Commentariorum in Hierarchiam coelestem S. Dionysiae Areopagitae* // MPL. Vol. 175. Col. 927.

UNIVERSITAS MAGISTRORUM ET SCHOLARIUM

Всякая деятельность, связанная с образованием и подтверждением определенного уровня знаний и квалификации, требует признания. Признание — это лицензии, дипломы, свидетельства, то есть все то, что необходимо институализирует работу учителя и труды ученика, делает саму работу и ее результаты легальными.

В середине XII века учащиеся юридической школы в итальянской Болонье организуются в землячества (*nationes*), а частные парижские учителя, находившиеся в юрисдикции канцлера Собора Парижской Богоматери, — в преподавательскую корпорацию (*communitas magistrorum*). Первый путь становления университета, основанный на самоорганизации студентов, получит наименование болонского (*modus bolognensis*). Здесь школяры борются за свои права и социальный статус, поскольку значительная часть из них приехали из разных городов и стран. Второй путь, связанный с объединением преподавателей в факультеты, был назван парижским (*modus parisiensis*), поскольку был апробирован магистрами французской столицы. Он означал объединение по принципам цехового ремесленного устройства, или купеческой гильдии, характерных для той эпохи.

В обоих случаях возникающее благодаря устойчивым взаимным интересам сообщество стремится не только к лицензированию или своего рода профессиональной аккредитации собственной образовательной деятельности, но и к получению четкого юридического статуса, дающего определенную автономию от городских властей и опирающуюся на привилегии

Собор Парижской Богоматери (Нотр-Дам)

Святого Престола или императорской (для Франции — королевской) власти.

Болонскую школу взял в 1158 году под свое покровительство император Священной Римской империи Фридрих Барбаросса, поручив специальной грамотой попечение о ней епископу Болоньи. Парижским магистрам и студентам привилегии были пожалованы королем Филиппом II. Это случилось в 1200 году, спустя четыре десятилетия самоопределения схоластиков Парижа, чье фактическое объединение и начало работы университета обычно относят к 1160 году.

Так, в разных городах Европы по-разному и в разное время появляется двусоставный схоластический ученый цех, о котором мы упоминали выше. Теперь он называется объединением магистров и школяров (*universitas magistrorum et scholarium*), хотя институционально все это учреждение продолжает именоваться высшей, главной или всеобщей

школой (*studium generale*). Иными словами, название «университет» относится пока только к сообществу людей, а не к институции.

Что же представляет собой эта институция в начале XIII столетия?

Школа тривиума и квадриума, то есть философии как суммы знаний о мире (без теологии), обретает черты факультета свободных искусств. Это первая ступень университетского образования, результатом обучения на которой для школяра может стать степень бакалавра (младшего преподавателя) и, как максимум, магистра свободных искусств. Магистр искусств, таким образом, должен был предварительно пройти путь обучения не менее пяти-семи лет. Это было полноценное «общее высшее образование», дававшее право преподавать, работать на государственной службе и в целом открывавшее возможность к достаточно обеспеченной жизни.

Обучение свободным искусствам было схоластическим в полном смысле этого слова. Знание языка, умение четко и красиво излагать свои мысли в устной и письменной речи, искусство доказательно мыслить — все это логически укладывалось в единый процесс «отстройки ума». Но не в этом состояло главное. Дело в том, что схоластическая методология вела к всестороннему анализу языка: к грамматике примыкала история словесности, литературы, что нацеливало на формирование у школяров вкуса, стиля, морального и, наконец, теологического сознания, ведь именно к Слову Творящего мир Бога вела логика постижения языка и литературы.

Такое мировосприятие было органичным для схоластической культуры, с ее сложными, разноуровневыми и динамичными представлениями о мире,

находившими свое выражение в обыденном знании, парадигме свободных искусств, мистическом опыте и теологических учениях.

Мы уже упоминали, что науки квадривиума на факультете искусств изучались не слишком глубоко, скорее поверхностно. Арифметика и геометрия, в силу небольшого числа знающих преподавателей, воспроизводились и излагались на элементарном уровне и фактически имели факультативный характер. Но во второй половине XIII века ситуация изменилась. Это, правда, скорее было связано не с Парижским, а с Оксфордским университетом, где традиционный «школьный» интерес к естествознанию сочетался с большей удаленностью Англии от контролирующих церковных структур Святого Престола.

Роджер Бэкон (ок. 1214–1292), например, делает акцент на математическом доказательстве и экспериментальных исследованиях. «Математика, — говорит Бэкон, — превосходит все другие науки, по крайней мере, в том, что в математике мы можем прийти к полной истине без ошибок, обладая уверенностью в правильности по всем пунктам и не имея каких-либо сомнений... А в других науках, если исключена помощь математики, имеется столь много сомнений, столь много различных мнений, исходящих от человека, что этим наукам нет возможности развернуться...»⁶⁸

Конечно, не стоит делать из Роджера Бэкона новоевропейского ученого. Мы находим у него интерес

⁶⁸ Жильсон Э. Разум и Откровение в средние века // Богословие в культуре средневековья. Киев, 1992. С. 17. Здесь Жильсон цитирует «Большое сочинение» Р. Бэкона (*Opus majus*. IV. 1.1), первый раздел четвертой части, в которой «показывается могущество математики в науках, вещах и занятиях этого мира (*potestas mathematicae in scientiam, et rebus et occupationibus huius mundi*)» (Ср.: Бэкон Р. Избранное. М., 2005. С. 178, 179).

к экспериментально-математическому естествознанию, которое он предлагал развивать в противовес аристотелевскому «логоцентризму», господствовавшему в университетах; но у него же мы видим и стремление использовать «искусство чисел» для достижения высшей интеллектуальной цели христианского ученого — понимания христианского Откровения.

Над факультетом искусств возвышались три высших факультета: теологии, медицины и права. Логика такого построения системы университетского образования раскрывается через обращение к классификации научного знания, важность которой мы подчеркнули во введении к этой книге.

Высшие науки дают возможность образованному человеку, получившему образование на факультете свободных искусств, выбрать одну из трех интеллектуальных профессий: стать доктором медицины, глубоко понимающим природу человека, доктором права, знающим и умеющим толковать римское, каноническое и другие виды законодательства, или магистром теологии (на теологическом факультете Парижского университета сложилась традиция высшей считать ученую степень магистра, хотя позднее в других университетах стали присуждаться и докторские степени по теологии).

Путь теолога был труден: требовалось получить сначала диплом бакалавра-курсора (помощника магистра, бакалавра-репетитора), затем обрести степень бакалавра-библикуса, дающую право самостоятельного преподавания Священного Писания, и только затем — бакалавра-сентенциариуса. Такому бакалавру уже разрешалось комментировать «Сентенции»⁶⁹

⁶⁹ *Petrus Lombardus Novarensis. Sententiarum libris quatuor. Prologum.* // MPL. Vol. 192. Col. 519–962.

Петра Ломбардского (1090/1100–1160), универсальный учебник схоластического богословия, завоевавший популярность тем, что в этом сочинении догматика впервые была представлена как систематическое целое. Бакалавр сентенций должен был быть способен к комментированию текстов патристики и опровержению неортодоксальных мнений по догматическим вопросам, сгруппированным и сопоставленным в «Сентенциях», а также опровергать противоречащие им положения. Была еще и высшая степень бакалавра (*baccalaureus formatus*), которая давала ее обладателю право выступать во всех видах диспутов по богословским вопросам.

Максимальной степенью для теолога была степень магистра (или доктора) с лицензией на право преподавать повсюду. Теология закрепила за собой статус высшей университетской науки, а христианская схоластика — статус методологии научного познания.

Система университетского знания напоминает теперь заверченный готический собор, устремленный к Богу⁷⁰.

Собор Нотр Дам в Шартре
(XII в.)
Фото автора

⁷⁰ Панофский Э. Готическая архитектура и схоластика // Богословие в культуре средневековья. Киев, 1992. С. 49–78.

МЕХАНИЧЕСКИЕ ИСКУССТВА И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Говоря о факультете свободных искусств, мы не зря упомянули аристотелевское учение. Дело в том, что в конце XII — начале XIII века в научный оборот благодаря усилиям переводчиков и арабских комментаторов возвращается — а лучше сказать, вводится заново — корпус аристотелевских сочинений, забытых в раннехристианскую эпоху. Магистрам и школярам открываются невиданные ими глубины «Физики», «Метафизики», книг «О душе», естественнонаучных и морально-политических трактатов Аристотеля.

С трудом эти сочинения пробивают себе дорогу на факультеты искусств, обогащая содержание схоластической программы обучения и, одновременно, подтачивая структуру университетской парадигмы. Через призму аристотелизма по-новому начинают просвечивать богословские труды отцов Церкви и средневековых схоластов. Метафизика создает содержательную альтернативу рациональной теологии, размышляя о причинах и происхождении мира, используя при этом новые философские мыслительные ходы.

Однако интересен и другой вопрос — о механических искусствах, которые были описаны (каждым в свое время) Исидором Севильским и Гуго Сен-Викторским.

«Врезка» механических искусств перечисляет виды деятельности, казалось бы, выходящие за пределы науки: ткачество, изготовление орудий и инструментов, мореплавание, сельское хозяйство, охота, практическая медицина и театральное ремесло. Характер и содержание «Дидаскаликаона» свидетельствуют об определенном «опрощении» взглядов

на благородство «свободных искусств» и фактическое уравнивание с ними ремесел или искусств механических, которые именуются также «поддельными», «прелюбодейственными» (*artes adulterniae*)⁷¹.

Почему же технические науки, ремесла получают такие странные названия?

Ответ достаточно прост: свободные искусства изучают мир, созданный Богом во всей его полноте. Это философия, высшим слоем которой является рациональная теология, знание невидимых причин и форм мира. Она поддерживается «снизу» науками, а «сверху» — Богом через мистическую теологию (вспомним про первое и второе значения теологии!)

Механические же искусства нацелены на восполнение утраченного человеком во время грехопадения. Они компенсируют недостатки телесной человеческой природы: изготовление одежды, навигация, сельское хозяйство, охота, военное дело, изготовление оружия и т.п., — все это «под-смотрено» в созданном мире, все это «под-делывается» под сотворенное Богом, живую и неживую природу, существующую свободно и естественно, в рамках заданных Творцом параметров. Медицина, дополнив описание, занята врачеванием тела, а театральное искусство компенсирует душевные проблемы человека.

Иными словами, наша «вторая природа», культура, цивилизация, технический прогресс — попытки заместить изначально упущенное человеком.

В монастырскую или кафедральную школу аграрным, строительным или военным наукам путь пока

⁷¹ Поскольку они были призваны скомпенсировать падшему человеку недостатки его физической природы и основывались на «подсматривании» за сотворенным Богом миром, а также попытках повторить, воспроизвести «технически» аналоги или элементы того, что было создано Творцом свободно.

закрыт. Он будет закрыт и в университет. Лишь спустя столетия, в Новое время, необходимость профессионально, по университетским лекалам, готовить специалистов в выходящих за пределы университетского пространства науках даст старт «профильным» высшим учебным заведениям — от рыцарских школ и пажеских корпусов до берг-академий и сельскохозяйственных институтов.

Библиография

Аристотель. Тописка // *Его же*. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1978. С. 347–532.

Аристотель. Тописка. 100b27–29 // *Его же*. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М., 1978.

Бэкон Р. Избранное / Пер. с лат. И. В. Лупандина. М.: Изд-во францисканцев, 2005. 479 с.

Жильсон Э. Разум и Откровение в средние века // Богословие в культуре средневековья. Киев: Христианские братья; Путь к истине, 1992. С. 5–48.

Панофский Э. Готическая архитектура и схоластика // Богословие в культуре средневековья. Киев: Христианские братья; Путь к истине, 1992. С. 49–78.

Философия религии. Альманах. 2006–2007 / Под ред. В. К. Шохина. М.: Мысль, 2007.

Grabmann M. Die Geschichte der Scholastischen Methode: im 2 bl. Freiburg: Herdersche Verlagshandlung, 1909–1910.

Grabmann M. Storia del metodo scolastico. Vol. 1. Florencia: La Nuova Iitalia, 1980.

Hugo de Sancto Victore. Commentariorum in Hierarchiam coelestem S. Dionysiae Areopagitae // MPL. Vol. 175. Col. 923–1154.

Hugo de Sancto Victore. Eruditionis didascalicae // MPL. Vol. 176. Col. 739–838.

Petrus Lombardus Novarensis. Sententiarum libris quatuor. Prologum // MPL. Vol. 192. Col. 519–962.

**УНИВЕРСИТЕТ, ВЕРСИЯ 2.0:
«ОТЕЧЕСТВУ НА ПОЛЪЗУ»**

ПРОЦЕССЫ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Итак, складывающийся к XIII веку университет ведает науками свободными. Магистры свободных искусств толкуют мир, созданный Творцом. Механические искусства в эту парадигму не включены. К системе знаний и умений «сверху» прилагается теология как учение о причинах, истоках, ценностях этого мира, о смысле жизни *в перспективе спасения*, то есть возвращения к изначальному состоянию человечества и каждого человека. Преемственность права от Божественного закона изучается юриспруденцией, устройство человеческой природы — медициной.

Автономия профессорской и студенческой корпораций в идеале делает университет самодостаточной системой, самовоспроизводящей средой, нацеленной на изучение благородных дисциплин, но щедро делящейся своими выпускниками с городом, Церковью и государством.

Однако такая парадигма, построенная, казалось бы, на устойчивых и гармоничных началах, начинает размываться сразу, как только получает завершенный вид. К теологии добавляется философия.

Спор факультетов второй половины XIII века в Париже — факультета свободных искусств и теологии, — связанный с этим «аверроистский кризис» (аверроистам, видимо, справедливо приписывают теорию двойственной истины, согласно которой у философа, рассуждающего о вечности мира, и у теолога, утверждающего творение мира Богом из ничего, будет у каждого своя истина. Эти две истины противоречат друг другу, но могут сосуществовать в стенах двух разных факультетов, хотя теологическая истина

старше и выше по статусу⁷²) — первое свидетельство того, что схоластическая парадигма шаг за шагом идет к своему разрушению.

XIV–XV столетия — эпоха постепенного снижения роли и веса схоластического университетского образования: хотя число университетов растет, большинство их, особенно новые, уже не претендуют на общеевропейский статус. Конечно, остаются лидеры: Париж, Оксфорд, Болонья, Неаполь, Саламанка и ряд других. Но создаваемые королевской или (реже) церковной властью университеты, а их к концу XV века уже около семидесяти, скорее выполняют национальные или региональные задачи, переставая играть роль всеобщих центров учености. Кроме того, Ренессанс порождает различные альтернативы университету, подрывая монопольное право магистров считать себя единственным ученым сословием.

Можно говорить о том, что запускаются процессы секуляризации в образовании при том, что сами университетские схоластические учения, как на уровне теологии, так и на уровне метафизики, логики, теории познания продолжают усложняться, совершенствоваться, формируя тот стиль, ту культуру научного мышления, которые будут впоследствии восприняты наукой и философией Нового времени, но так, что теология останется в известном смысле за скобками, перестав быть высшей наукой о мире.

В XVI веке процессы секуляризации усиливаются и дополняются новыми явлениями. Последствия Великих географических открытий предшествующего столетия, социальные и экономические сдвиги формируют новое — европоцентричное — восприятие мира.

⁷² Обзор дискуссий на этот счет см.: Аполлонов А. В. Латинский аверроизм XIII в. М., 2004. С. 62–95.

Реформация и Контрреформация добавляют к секуляризационным процессам в образовании процессы конфессионализации. Конфессиональное разделение некогда единого «христианского народа» (*populus christianus*) усиливает этот мировоззренческий кризис, который, прежде чем привести к осознанию естественного и законного существования инаковости, разнообразия, разномыслия (католики — протестанты, христиане — язычники, европейцы — индейцы и т.п.), породил фундаментальное методологическое сомнение, скептицизм в познании.

XVII столетие в Европе стало веком закрепления этой новой культурно-конфессиональной и политической конфигурации, когда, по окончании Тридцатилетней войны, накал противостояния между католическим и реформационным мирами снизился (на первый план вышла конкуренция сильных национальных государств), появился фактор светской науки как силы, оказывающей влияние на интеллектуальное и социальное развитие. Начинают складываться независимое от университетов взаимодействие между учеными различных городов, стран и регионов Европы — «республики ученых» (*«république des lettres»*), а во второй половине века появляются научные общества: Лондонской королевское общество, Королевская академия наук в Париже, Прусская академия наук⁷³.

В университетах же к концу XVII — началу XVIII века нарастают кризисные явления. С одной стороны, вызревает противоречие между старой корпоративной моделью университета и задачами национальных государств, нуждающихся в служилом сословии и практически ориентированных ученых,

⁷³ Девятова С. В., Купцов В. И. Возникновение первых академий наук в Европе // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 126–135.

а с другой, — усиливается внутренний кризис, связанный со все большей формализацией обучения, падением требований к экзаменам, дипломам, в целом к университетской аттестации, да и собственно к образованию в его средневековой схоластической форме⁷⁴.

Вот как эту ситуацию описывают современные нам исследователи:

«Например, в священнической карьере ученая степень перестала автоматически давать право на занятие кафедры, но перед этим вводился длительный подготовительный этап службы в младших церковных должностях. Для юристов и медиков в XVII в. учреждаются первые государственные экзамены... Итак, государство в рамках утилитарных тенденций эпохи Просвещения, с одной стороны, ожидало от университетов подготовки представителей различных профессий для собственных нужд, но с другой стороны перестало доверять уровню университетского образования»⁷⁵.

Можно сказать, что четырехвековой декаданс средневекового университета, с процессами секуляризации и конфессионализации, завершился в XVIII столетии. На смену схоластической готике приходит равенство факультетов, где теология — одно из направлений подготовки, а естественные науки, все еще под общим брендом философии, входят в университет на равных правах с ней, теологией, и другими высшими дисциплинами — медициной и правом.

Наступает время государственного, утилитарного университета.

Университеты при этом продолжают оставаться основным институтом высшего образования,

⁷⁴ Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX в. / Под ред. А. Ю. Андреева и С. И. Посохова. М., 2012. С. 330–331.

⁷⁵ Там же. С. 333.

они сохраняют единое пространство общения, в котором формируются национальные элиты.

Университетская среда обеспечивала возможность межконфессионального диалога. Показателен пример Страсбургского университета, — на студенческих скамьях сидели и католики, и протестанты, и даже православные. Конечно, речь идет о медицинском и юридическом факультетах, не о факультете теологии⁷⁶.

Взаимодействию между христианами разных конфессий способствовали и новации иезуитского университетского образования, учебные планы которых четко отделяли дисциплины друг от друга. Это означало автономию наук и философии от теологии. Созданные иезуитами философские курсы, оказавшие влияние на протестантские университетские программы (и образовательные программы православных духовных учебных заведений на украинских и белорусских землях), также способствовали формированию единого интеллектуального пространства, важного для прогресса науки и рождения новых философских идей.

Какова же роль теологии в таком университете?

Если говорить кратко, теология теперь выступает уже не как универсальное теологическое мировоззрение, дающее ответы на все основополагающие вопросы об устройстве мира и месте в нем человека, не как философия высшего порядка, приводящая к Богу, но, скорее, как рациональное изложение основ веры определенной христианской конфессии. В более сильном варианте — как комплекс

⁷⁶ *Негруццо* С. Протестантский Страсбургский университет: маяк для региона, образец для Европы // Религиозное образование в России и Европе в XVII в. СПб., 2011. С. 46–67.

дисциплин для подготовки священнослужителя, в более слабом — как вероучительно-нормативная наука, идентифицирующая принадлежность христианина своей конфессии, своей Церкви.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ. ПОЧЕМУ В ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ НЕ БЫЛО УНИВЕРСИТЕТОВ...

Отсутствие системы образовательных учреждений разного уровня, которые подчинялись бы общим правилам, до времени Петровской модернизации и начала русского Просвещения бросается в глаза каждому, кто делает попытку сравнить в этом плане Россию и Европу⁷⁷.

Воспользуемся образным описанием И. В. Киреевского⁷⁸ и спросим, почему «в тишине наших монастырей, этих *святых зародышей несбывшихся университетов*», где жило «просвещение не блестящее, но глубокое; не роскошное, не материальное, имеющее целью удобства наружной жизни, но внутреннее, духовное», «обычаи вековые, без писанных кодексов, исходящие из церкви и крепкие согласием нравов с учением веры», — почему у нас не зародилась, как на Западе, сеть средних и высших школ, которые в определенный момент «шагнули бы в города»? Почему не появился характерный для Европы способ объединения магистров и студентов в университеты, основанный на цеховой культуре?

⁷⁷ Подходы к сопоставлению, кстати, кратко сформулированы П. Ю. Уваровым: можно подчеркивать автаркию русской культуры; можно исходить из «отставания» Руси-России от Европы, подчеркивая стадийное соответствие, например, общества Руси XVI в. и Каролингской Европы; можно делать попытки синхронизации (в этом случае никонианскую реформу сравнивают с лютеровской Реформацией) (*Уваров П. Ю. Предисловие // Религиозное образование в России и Европе в XVI в. СПб., 2010. С. 10*).

⁷⁸ *Киреевский И. В.* В ответ А. С. Хомякову // *Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Философские и историко-публицистические работы.* Калуга, 2006. С. 33–46.

Ответ на этот вопрос есть.

Во-первых, у миссионеров не было возможности везти в обозе всю систему светского византийского образования. Да и задача такая не ставилась. Гораздо важнее было строгое соблюдение правил богослужения и совершения церковных таинств, а также перевод Священного Писания и богослужебной литературы на язык просвещаемого народа⁷⁹. Как заметил известный богослов протопресвитер Иоанн Мейендорф (1926–1992), «русские прекрасно усвоили урок, что литургия — это истинное выражение веры, драгоценное и неприкосновенное сокровище, что они получили эту литургию в полном и письменном виде и что буквальная верность греческому оригиналу имеет существенное значение»⁸⁰.

Жития русских святых XIV–XVI веков нередко упоминают об обучении отроков «грамотной хитрости» и «поучениям книжным». Священники, а с XIV века и монахи, в обязательном порядке обучались чтению и письму. По византийской традиции закрепилось последовательное включение их в богослужебную жизнь, примером чему может служить распределение функций: чтец за богослужением имел право читать Псалтирь, чтение Апостола было прерогативой диакона, чтение Евангелия закреплялось за священником.

Во-вторых, и это главное, монашеская модель воспитания (пастырское наставничество и учительство) делала избыточной трансляцию всего круга «эллинской учености». На Руси складывается нечто другое:

⁷⁹ Подход, противоположный западному: католические миссионеры настаивали на том, чтобы богослужебным языком оставался латинский.

⁸⁰ Мейендорф И., *прот.* Византийское наследие в Православной церкви. Киев, 2007. С. 172.

Кирилло-Белозерский монастырь
на Сиверском озере

жизненно-практический, созерцательный «тип духовности»⁸¹.

Вероятно, в монастырях можно было обнаружить элементы систематического образования, взятые из византийской педагогической традиции⁸², но просвещение, принесенное православной греко-византийской культурой, прижилось с опорой на личный опыт, приобретаемый в литургической жизни и практическом обучении. Школа, понимаемая как узкий круг духовных чад, объединенных личностью священника-наставника, не могла породить систему.

Кстати, отсутствие сети школ и университетов означало и отсутствие православной научно-богословской школы. А это порождало «разномыслие», что дало о себе знать как на Стоглавом Соборе

⁸¹ Маркидонов А. В. К вопросу о характере древнерусской духовной культуры // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2017. № 1. С. 93–112.

⁸² Иванов И., свящ. Византийская *paideia*: аспекты традиции в образовательной модели... С. 83–92.

(1551), так и в религиозных движениях и церковных спорах второй половины XVII века⁸³.

Ситуация стала меняться в XVII веке, в периоды царствований Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, «заведением учений греческих» (например, Греко-славянская школа иеромонаха Тимофея, который опирался на византийские подходы к образованию как к одной из форм промышленности государства о подданных, против «лукавых» латинских веяний; начальный этап Славяно-греко-латинской академии при попечении монахов Софрония и Иоанникия Лихудов).

Стремление в том же XVII столетии греческих и балканских православных иерархов добиться открытия в Москве школы и типографии, которая печатала бы книги на греческом языке, показывает значение России как центра православия⁸⁴; эти попытки сочетались с задумками правительства учредить русскую школу с преподаванием греческого, и уж затем задумываться о создании типографии для греческого мира.

Педагогическую задачу «учителя высоких наук» со временем успешно решили. Однако профессиональное богословское образование, впитавшее в себя и восточно-христианскую, и западную традиции, обрело статус школы в научном смысле этого слова только когда обратилось к исследованию собственной истории⁸⁵.

⁸³ Подробнее об этом см.: Религиозное образование в России и Европе в XVII в. СПб., 2011. 320 с.

⁸⁴ Фонкич Б. Л. Архимандрит Венедикт и его место в истории просвещения на Балканах, в Восточном Средиземноморье и России в первой половине — середине XVII в. // Религиозное образование в России и Европе в XVII в... С. 28–45.

⁸⁵ Карпук Д. А. Вклад Санкт-Петербургской духовной академии в изучение истории духовного просвещения в России в XVII в. // Религиозное образование в России и Европе в XVII в... С. 159–175.

Неразвитость школьного дела, контрастирующая — еще раз укажем на это — с налаженной системой, которая сложилась в западном варианте христианской образовательной парадигмы, почти на столетие предопределила отсутствие рационально-теологической традиции православия и, как следствие, вынужденный импорт — через киевские духовные школы — схоластической теологии в ее самом позднем, постсредневековом варианте. Как множество плюсов, так и ряд минусов⁸⁶ этих исторических поворотов продолжают сказываться и по сей день⁸⁷.

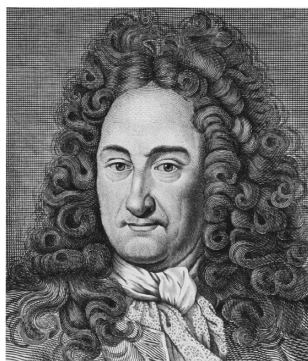
⁸⁶ Шмонин Д. В. Фр. Суарес и западная русская традиция конца XVII — первой половины XVIII в.: естественный закон и проблема свободы в индивидуальной этике // Нравственный идеал русской философии. Материалы III Санкт-Петербургского симпозиума историков русской философии (3–5 апреля 1995 г.): в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1995. С. 102–105; *Его же*. О философии, богословии и образовании. СПб., 2016. С. 151–170; *Его же*. Технология блага. Очерки теологии образования. М., 2018. С. 206–218.

⁸⁷ Де Андиа И. Восточные и западные мистики. М., 2012. С. 23.

«ТЕОЛОГИЯ ТОКМО СИНОДУ ПРЕДАЕТСЯ...»

Император
Петр Великий

Г. В. Лейбниц

28 января (8 февраля по новому стилю) 1724 года был обнародован именным указ Петра I Правительствующему Сенату и «Проект учреждения Академии с назначением на содержание оной доходов»⁸⁸.

Известно, что, выбирая интеллектуальную опору для научно-технологического и образовательного рывка для России, Петр I пользовался советами немецких философов и ученых: Г. В. Лейбница (1646–1716) и Хр. Вольфа (1679–1754). Лейбниц предложил царю создать в России единое учреждение — Ученую коллегию (Gelehrt-collegium), что-то вроде академии наук с широкими административными полномочиями, в ведении которой находились бы четыре университета — в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и Астрахани⁸⁹,

⁸⁸ Полное собрание законов Российской империи: в 44 т. Т. VII: 1723–1727. СПб., 1830. С. 220–224.

⁸⁹ Эти города, с учетом их географического положения, должны были стать своего рода окружными центрами науки и просвещения в России.

а также типографии и сеть лабораторий. Этот вариант был в целом близок раннему голландскому и немецкому Просвещению, где взаимодействие академий и университетов было тесным и влияло на модернизацию образования⁹⁰.

Вольф рекомендовал начать с учреждения университета, а затем уже создавать академию наук как сообщество ведущих ученых, и назвал ряд кандидатур для приглашения в Санкт-Петербург⁹¹.

Архиепископ Феофан (Прокопович), напротив, советовал Петру I не спешить с открытием университета («академии великой и свободной»), а создать семинарию или гимназию, куда набирать детей не старше десяти лет. «Когда Бог благословит отроческий дом сей, тогда от числа наученных в нем явятся изрядные учителя, которые возмогут и великую академию учить и управлять»⁹².

Император «учинил» по-своему: Академия наук и художеств, при ней университет и гимназия,

Христиан Вольф

⁹⁰ См. об этом: *Ferrone V. Le Accademie scientifiche // Le Università dell' Europa dal rinnovamento scientifico all'eta dei Lumi. Milano, 1992. P. 149–169.*

⁹¹ См., напр., обмен письмами между Вольфом и Лаврентием Блюментростом (Laurentius Blumentrost, 1692–1755), организатором Академии наук: *Wolff Ch. Briefe aus den Jahren 1719–1753. St. Petersburg, 1860. S. 12–15, 168–170.*

⁹² *Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 65. Прим. 46.*

с приглашением зарубежных профессоров и набором школяров из духовных семинарий в качестве студентов (учащихся).

Напомним, что говорится в документе, которому было суждено стать актом «об учинении» российской науки и университетского образования:

«К расположению художеств и наук употребляются обычайно два образа здания: первой образ называется Университет; второй Академия или соиетет художеств и наук... Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко теологии и юриспруденции, медицины и философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, молодых людей обучают»⁹³.

Итак, мы видим идею соединения научного учреждения с образовательным, а при описании структуры образовательной его части — классическое перечисление факультетов, начинаемое с высшего (теология) и заканчиваемое общим, младшим (философия).

В многочисленных работах по истории Петербургской академии наук и университетского образования подробно описано предлагаемое устройство университета и его развитие на этапах последующих.

Нам интересен § 14 «Проекта учреждения»:

«В Университете, как уже упомянуто, четыре факультета имеются, а именно: 1. Теология, 2. Юриспруденция, 3. Медицина и 4. Философия.

Факультет теологии здесь оставляется, и попечение о том токмо Синоду предается; и тако прочие три факультета обретаются...»⁹⁴

⁹³ Уставы Академии наук СССР. М., 1975. С. 31.

⁹⁴ Заметим, что в «Регламенте Академии» (1747), подписанном императрицей Елизаветой Петровной, согласно которому учебное заведение стало именоваться Университетом при Академии (а после открытия Московского университета — Санкт-Петербургским университетом), о богословском факультете нет ни слова.

Почему же факультет теологии (богословский факультет) в первом российском университете был «оставлен» за духовным ведомством, и не включен в структуру учреждаемой Академии наук?

Попробуем ответить на этот вопрос.

На философском факультете сосредоточивалось преподавание гуманитарных и естественных наук — от истории и «древностей» до метафизики, математики и физики. Последний блок дисциплин мог при необходимости читать один человек — профессор математики. Иными словами, в курс университетских наук включались все свободные искусства, метафизика (философия Нового времени — вплоть до учений тех же Лейбница и Вольфа), а также часть механических искусств, «доросших» до теоретического университетского уровня и «поступивших» на философский (через физику) или медицинский (через химию и биологию) факультеты.

Утилитарная направленность университетского образования не предполагала возвращения к средневековой корпоративной структуре. Императору и правительству нужны были не автономные от властей сообщества магистров, профессоров или академиков, а государственные служащие, специалисты, участвующие в модернизации страны. Век Просвещения задавал, к тому же, определенный антиклерикальный тон развитию науки и высшей школы.

Конечно, речь не шла о воспитании в Петровском университете вольнодумцев, агностиков или атеистов. В миропонимании императора, власти в целом, вере и Православной церкви в системе государственного устройства отводилось центральное место. Не будем забывать, что Правительствующий Сенат и Святейший Синод (Духовная коллегия) — это

смежные ведомства, составные части единого императорского правления.

В задачи российского правительства входил импорт знаний и технологий, но никак не входило заимствование чужой государственной религии. Конечно, среди приглашенных из Германии и возведенных в ранг академиков ученых были сведущие в схоластической теологии (в лютеранской «новой» схоластике) люди, например, Г. Бильфингер, Х. Мартини и др. Но представить себе преподавание *протестантской* теологии в российском университете было невозможным.

Кроме того, не следует забывать, что студенческий контингент комплектовался в основном из выпускников Славяно-греко-латинской академии, Новгородской, Александро-Невской и других семинарий⁹⁵, то есть из тех, кто получил основы духовного образования.

Кстати, в соответствии с Духовным регламентом 1721 года, в Санкт-Петербурге предполагалась к открытию духовная академия с семинарией⁹⁶, и архиепископ Феофан (Прокопович), разрабатывая учебные планы для церковных учебных заведений, имел в виду соответствие «нуждам времени, которые за недостатком образованных людей требовали, чтобы каждый образованный человек занимался враз несколькими делами, иногда совсем разнородными...», — замечает П. В. Знаменский⁹⁷.

«Правительство, — продолжает он, — вводя духовное образование, по-прежнему думало в случае необходимости пользоваться учениками духовных школ

⁹⁵ Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России: в 4 т. Т. 1. М., 2002–2003. С. 110.

⁹⁶ Знаменский П. В. Духовные школы России до реформы 1808 г. СПб., 2001. С. 94.

⁹⁷ Там же. С. 66.

для своей собственной службы на разных поприщах»⁹⁸. При этом в курс обучения входили предметы, явно соотносимые с университетским уровнем (те же логика, физика, метафизика, арифметика с геометрией, политика), в заключение — двухгодичный курс православного богословия, «чтобы им завенчать весь курс»⁹⁹.

Таким образом, исключение теологии из числа факультетов российских университетов объясняется тремя основными причинами:

а) прагматичностью утилитарного государственно-го университета, опирающегося на опыт протестантского Запада в век Просвещения;

б) спецификой формирования студенческого контингента из числа выпускников и студентов духовных школ;

в) отсутствием необходимости подготовки православных священников на теологических факультетах по примеру протестантской Германии или католической Франции, с чем вполне справлялась сеть духовных учебных заведений, подведомственных Святейшему Синоду¹⁰⁰.

Основанный 24 января 1755 года указом императрицы Елизаветы Петровны Московский университет, который можно считать «подлинным преемником Петербургского академического»¹⁰¹, создаваемый «по примеру европейских университетов, где всякого звания люди свободно наукой пользуются»¹⁰², также

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. С. 67, 447.

¹⁰⁰ *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России... Т. 1. С. 110.

¹⁰¹ Там же. Т. 1. С. 114.

¹⁰² Указ № 10347 от 24 января 1755 г. «Об учреждении Московского университета» // Полное собрание законов Российской Империи. Т. XIV. СПб., 1830. С. 285.

состоял из трех факультетов: философского, юридического и медицинского. При этом роль философского факультета была архаична: он выполнял те же функции, что факультет свободных искусств в средневековом университете. Только после трехлетнего курса студент мог выбирать: продолжать ли учебу там же «для подробнейшего познания наук, философский факультет составляющих», или перейти на юридический либо медицинский факультет для соответствующей специализации. Относительно богословия было сказано:

«Хотя во всяком университете кроме философских наук и юриспруденции должно также предлагаться богословские знания, однако попечение о богословии справедливо оставляется Святейшему Синоду»¹⁰³.

¹⁰³ Там же.

ПРАВОСЛАВИЕ В АКАДЕМИИ НАУК И ОБОИХ УНИВЕРСИТЕТАХ. М. В. ЛОМОНОСОВ

Попробуем ответить на вопрос о том, не свидетельствует ли отсутствие в университетских учебных планах богословских дисциплин о секуляризации в университетской среде.

Пример М. В. Ломоносова — одного из создателей Московского университета и ректора (в последние годы жизни ученого, 1757–1765) Санкт-Петербургского университета будет, как кажется, показательным.

В «Определении Канцелярии АН о переустройстве Университета» в Санкт-Петербурге, подписанном К. Г. Разумовским и М. В. Ломоносовым (документ 1760 г.), в очередной раз подчеркивается отсутствие богословского факультета, «который как духовное дело надлежит до Святейшего Синода»¹⁰⁴. Богословские дисциплины не включены в расписание в Университете, изложение основ религиозной веры присутствует лишь в виде уроков катехизиса в академической Гимназии¹⁰⁵.

Отсутствие голоса религии и Церкви в «научной повестке» также бросается в глаза. Достаточно, например, взглянуть на замечание Ломоносова в проекте Регламента Университета, написанного им летом 1759 года, в разделе о студенческих привилегиях. После пунктов о производстве в «градусы» (ученые степени) и «пристойные ранги», освобождении от полицейского преследования, идет пункт № 7, который обращен к духовенству:

¹⁰⁴ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 9. М. — Л., 1955. С. 557.

¹⁰⁵ Там же. Т. 9. С. 563.

М. В. Ломоносов

«Духовенству к учениям, правду физическую для пользы и просвещения показующим, не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях»¹⁰⁶.

Казалось бы, весьма негативное отношение к представителям Церкви. Но М. В. Ломоносов выступает здесь не против религии, а против невежества. Аналогичны его рассуждения в записке о народонаселении России о необходимости крестить младенцев теплой водой¹⁰⁷.

Однако в очередном «Плане регламента Университета», в разделе о столь желаемой Ломоносовым «инавгурации» (официального провозглашения) Университета, предлагается порядок церемонии:

¹⁰⁶ Там же. Т. 9. С. 539.

¹⁰⁷ «Однако невеждам попам физику толковать нет нужды; довольно принудить властью, чтобы всегда крестили водою, летней в рассуждении теплоты равною» (Меншуткин Б. Н. Михайло Васильевич Ломоносов. Жизнеописание. СПб., 1911. С. 140).

- «1. Обедня с концертом¹⁰⁸ и проповедью.
2. Чтение привилегий.
3. Благодарный молебен с пальбою и с музыкой.
4. Речь благодарственная е[ё] и [мператорскому] величеству.
5. Назначение проректора и деканов.
6. Обед с пальбою и музыкою».¹⁰⁹

Еще более четкий мировоззренческий посыл содержит фрагмент плана академических строений, предложенный Ломоносовым в декабре 1759 года в письме об утверждении регламентов Университета и Гимназии при Академии наук. Вот как ученый описывает главное здание:

«Корпус первый главного академического строения, в котором церковь, Канцелярия Академии Наук и университетские департаменты.

1. Церковь.
2. Олтарь...

Под церковью большая аудитория университетская...»¹¹⁰

Далее идет описание размещения административных, научных, учебных служб, но это уже не так важно. Главное понятно: в центре главного здания Академии наук — храм. Под помещением храма — большая университетская аудитория.

Неужели нужны еще какие-то пояснения о месте религии в жизни Университета в понимании М. В. Ломоносова?

Остается только закончить сюжет его же стихотворными строками:

¹⁰⁸ Концертом называются песнопения, исполняемые церковным хором в храме во время причащения духовенства.

¹⁰⁹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений... Т. 9. С. 540.

¹¹⁰ Ломоносов М. В. С. 547.

«Возследуют и нам в учениях успехи,
И славной слух, когда Твой Университет
О имени Твоем под солнцем процветет,
Тобою данными красуясь вечно правы
Для истинной красы Российския державы.
И юношество к нам отвсюду притекут,
К наукам прилагать в Петрове граде труд»¹¹¹.

Справедливости ради отметим, что в декабре 1765 года, уже после кончины М. В. Ломоносова, императрице Екатерине II был представлен проект преобразования Московского университета по примеру передовых европейских университетов (Упсалы, Лейпцига, Йены и др.), который предполагал создание факультета теологии для подготовки «богобоязненных священников»¹¹², как четвертого факультета — четвертого среди равных.

Это был лишь один из вариантов. К тому времени модернизационный образовательный рывок Российской империи, о котором мы упомянули выше, состоялся. Установившийся «тесный контакт с Европой требовал определенности в системе просвещения, более четкой ее структуризации» и породил «несколько проектов гармонизации» университетской идеи и теологии¹¹³.

Другой вариант — проект 1773 года, плод просвещенческих дискуссий императрицы с Дени Дидро: богословский факультет *двойного* подчинения — и университету, и Святейшему Синоду. Однако Святейшим Синодом «в качестве своеобразного богословского факультета рассматривалась Славяно-греко-латинская

¹¹¹ Фрагмент «Просительных стихов» М. В. Ломоносова к императрице Елизавете Петровне, 1761 года (*Менишуткин Б. Н.* Михайло Васильевич Ломоносов... С. 135).

¹¹² *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России... Т. 1. С. 117–118.

¹¹³ *Сухова Н. Ю.* Вертоград наук духовный. М., 2007. С. 330.

академия, реорганизованная в то время по программам, близким просвещенческим¹¹⁴, поэтому организовывать факультет в университете сочли нецелесообразным.

И, наконец, третий — учреждение самостоятельного Духовного университета, подведомственного Святейшему Синоду, либо с традиционной иерархией дисциплин, либо с равными по статусу факультетами, один из которых теологический¹¹⁵. Этот проект тоже остался неосуществленным.

«Блестящий век Екатерины» завершился, так и не принеся теологию (богословие) как специальность ни в Санкт-Петербургский академический, ни в Императорский Московский университеты. Основы православного вероучения (Закон Божий) в университетах преподавались. Известно, например, имя законоучителя Московского университета протоиерея Петра Алексеева, который много потрудился для того, чтобы сделать свой предмет органичной частью университетского образования¹¹⁶.

Если говорить о Санкт-Петербурге, то пребывание Университета в тени Академии наук, которое по-разному оценивается историками¹¹⁷, постепенная его трансформация, вместе с академической Гимназией, во Всехучилище Академии (вспомним константинопольский

¹¹⁴ Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования... Т. 1. С. 348. Прим. 29.

¹¹⁵ Сухова Н. Ю. Вертоград наук духовный... С. 330–331; Знаменский П. В. Духовные школы в России... С. 457–463.

¹¹⁶ Сухова Н. Ю. Вертоград наук духовный... С. 331–332.

¹¹⁷ См. напр: Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу: из истории университетского образования в Петербурге в XVIII — начале XIX в. Л., 1988; Их же. «Единым вдохновеньем»: Очерки истории университетского образования в Петербурге в XVIII — начале XIX в. СПб., 2000; Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX в. М., 2012.

«Пандидактерион»!) за недостатком полноты опубликованных данных не позволяют судить об уровне преподавания Закона Божия или иных предметов теологического цикла элевам конца XVIII века и студентам Учительской семинарии, на базе которой были созданы сначала Учительская гимназия, затем Педагогический и Главный педагогический институты.

И если общий научно-образовательный уровень Всеучилища Академии наук — Учительской семинарии (куда были переведены последние студенты-элевые Всеучилища) — Учительской гимназии — Педагогического института — Главного педагогического института оценивается историками достаточно высоко¹¹⁸, то уровень «теологической подготовки» в нем, даже без учета сарказма, который содержит этот известный фрагмент из комедии А. С. Грибоедова, сложно оценить адекватно.

Напомним эти выразительные строки:

Хлёстова

И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних
От пансионеров, школ, лицеев, как бишь их;
Да от ланкартачных взаимных обучений.

Княгиня

Нет, в Петербурге институт
Педагогический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи,
Профессоры!! — У них учился наш родня,
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи.
От женщин бегают, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Скалозуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий;

¹¹⁸ *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования... Т. 1. С. 290–292.

Там будут лишь учить по нашему: раз, два;
А книги сохранят так: для больших оказий¹¹⁹.

Строки из «Горя от ума» отражают настроения конца второго десятилетия XIX века в России, когда минуло уже «дней Александровых прекрасное начало», прошли Отечественная война и Заграничный поход Российской армии, открыты Харьковский и Казанский университеты, в 1817 году создано Министерство духовных дел и народного просвещения («Двойное министерство»), а Главный педагогический институт преобразовывается в Императорский Санкт-Петербургский университет.

Наступает новый — наполненный мощными прорывами и драматическими поворотами — этап развития российских университетов. В них открываются кафедры богословия, замещаемые священнослужителями, которым вменяется в обязанность не только учить слушателей Закону Божию, но и нести ответственность за всю духовно-нравственную сторону обучения.

Библиография

Аполлонов А. В. Латинский аверроизм XIII в. М.: ИФ РАН, 2004. 214 с.

Грибоедов А. С. Горь от ума. М.: Наука, 1969. 412 с.

Де Андия И. Восточные и западные мистики / Пер. с фр. А. Серегина. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2012. 374 с.

Девятова С. В., Купцов В. И. Возникновение первых академий наук в Европе // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 126–135.

¹¹⁹ Грибоедов А. С. Горь от ума. М., 1969. С. 90.

Знаменский П. В. Духовные школы России до реформы 1808 г. СПб.: Летний Сад; Коло, 2001. 798 с.

Иванов И., *свщ.* Византийская *παιδεία*: аспекты традиции в образовательной модели // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2017. № 1. С. 83–92.

Карпук Д. А. Вклад Санкт-Петербургской духовной академии в изучение истории духовного просвещения в России в XVII в. // Религиозное образование в России и Европе в XVII в. СПб.: РХГА, 2010. С. 159–175.

Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову // Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Философские и историко-публицистические работы. Калуга, 2006. С. 33–46.

Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. 211 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 9: Служебные документы. 1742–1765 гг. М. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 1018 с.

Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. «Единым вдохновеньем»: Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVII пер. пол. XIX в. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 228 с.

Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу: из истории университетского образования в Петербурге в XVIII – начале XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 232 с.

Маркидонов А. В. К вопросу о характере древнерусской духовной культуры // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2017. № 1. С. 93–112.

Мейендорф И., *прот.* Византийское наследие в Православной Церкви / Пер. с англ., под общ. ред. Ю. А. Вестеля. К.: Центр православной книги, 2007. 352 с.

Меншуткин Б. Н. Михайло Васильевич Ломоносов. Жизнеописание. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. 160 с.

Негруццо С. Протестантский Страсбургский университет: маяк для региона, образец для Европы // Религиозное образование в России и Европе в XVII в. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. С. 46–67.

Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России: в 4 т. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002–2003.

Полное собрание законов Российской империи: в 44 т. Т. VII: 1723–1727. СПб., 1830.

Религиозное образование в России и Европе в XVII в. СПб., 2011. 320 с.

Сухова Н. Ю. Вертоград наук духовный: сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX — начала XX века. М.: ПСТГУ, 2007. 384 с.

Уваров П. Ю. Предисловие // Религиозное образование в России и Европе в XVI в. СПб.: РХГА, 2010. С. 5–12.

Указ № 10347 от 24 января 1755 г. «Об учреждении Московского университета» // Полное собрание законов Российской Империи. Т. XIV: 1754–1757. СПб., 1830.

Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX в. / Под ред. А. Ю. Андреева и С. И. Посохова. М.: РОССПЭН, 2012. 671 с.

Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1975. 206 с.

Фонкич Б. Л. Архимандрит Венедикт и его место в истории просвещения на Балканах, в Восточном Средиземноморье и России в первой половине — середине XVII в. // Религиозное образование в России и Европе в XVI в. СПб.: РХГА, 2010. С. 28–45.

Шмонин Д. В. О философии, богословии и образовании. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. 207 с.

Шмонин Д. В. Технология блага. Очерки теологии образования. М.: Познание, 2018. 222 с.

Шмонин Д. В. Фр. Суарес и западная русская традиция конца XVII — первой половины XVIII в.: естественный закон и проблема свободы в индивидуальной этике // Нравственный идеал русской философии. Материалы III Санкт-Петербургского симпозиума историков русской философии (3–5 апреля 1995 г.): в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1995. С. 102–105.

Ferrone V. Le Accademie scientifiche // Le Universita dell' Europa dal rinnovamento scientifico all'eta dei Lumi. Milano, 1992. P. 149–169.

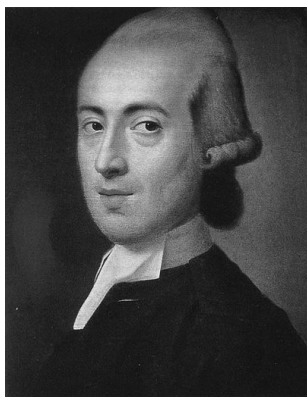
Wolff Ch. Briefe aus den Jahren 1719–1753. St. Petersburg, 1860. 267 s.

**УНИВЕРСИТЕТ, ВЕРСИЯ 3.0:
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА И ВОСПИТАНИЕ**

БЕРЛИНСКАЯ МОДЕЛЬ: ЕДИНСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЙ

Рождение новой модели университета происходит в постнаполеоновской Пруссии. Оно связывается обычно с торжеством немецкого духа, пережившего французскую оккупацию и упадок прежних прусских университетов, но ощутившего силу нового капиталистического уклада. Именно немецкий дух порождает идею университета как места свободного и гармоничного развития личности в единстве теоретического и практического обучения (образование-воспитание и научные исследования — по-немецки *Bildung und Wissenschaft*)¹²⁰.

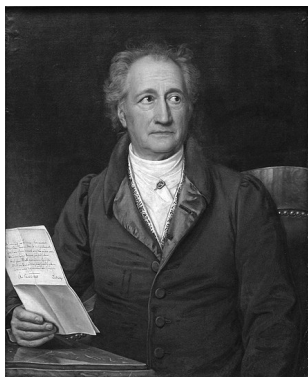
В самом деле, берлинская модель университета — плод немецкого философско-педагогического ума и серьезных теоретических споров. У нее много источников. Здесь и «анти-утилитарный неогуманизм» Иоганна Иоахима Винкельмана (1717–1768), Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803) и Иоганна Вольфганга Гёте (1749–1832), с акцентом на образование-воспитание (*Bildung*) как культивирование человеческой чувственности и благородства, более свободное, полное и гармоничное развитие личности¹²¹. Здесь же связанные

И. Г. Гердер

¹²⁰ Highton M. A Theology of Higher Education. New York, 2012. P. 43–78 (Chapter «Berlin»).

¹²¹ Ibid. P. 48.

И. В. Гёте

с этим идеи Жана-Жака Руссо (1712–1778), Иоганна Песталоцци (1746–1827), которые концентрируются на раскрытии индивидуальных способностей и потенциала каждого студента. В этой модели, наконец, прослеживаются мотивы критической философии Иммануила Канта (1724–1804) и послекантовского идеализма, с акцентом на органическое, энциклопедическое единство позна-

ния, где каждая личность выступает как единичный познающий субъект, способный частично отразить или выразить универсальное, абсолютное знание.

Важная роль в определении основных параметров новой модели принадлежит Фридриху Шлейермахеру (1768–1834). В противоположность Иоганну Готлибу Фихте (1762–1814), предлагавшему в крайнем варианте закрепить «служилое», государственно-утилитарное существование университета, Шлейермахер настаивал на автономии от государства, свободе профессорско-преподавательского состава в преподавании и научных исследованиях, свободном и взаимодополняющем разделении между университетом, Прусской академией наук и техническими высшими школами.

Университет, согласно такому подходу, должен быть открыт общественным настроениям и экономическим запросам, которые имеются в стране. Закрепляется одна из двух задач (на выбор студента):

либо научить студента науке (*Wissenschaftliche Disziplin*), то есть сделать его исследователем

в естествознании или гуманитарных науках («науках о духе»),

либо предложить ему на выбор одну из трех почетных траекторий (теология, медицина, право), к которым присоединяется четвертая — педагогика.

Заметим, что введение наук об образовании в семью университетских дисциплин поднимает планку подготовки учителя и вводит школьное дело в круг университетских дел. По существу это означает системное включение университета в процесс подготовки учительских кадров, то есть в круг государственных забот о воспитании юных граждан.

Роль университетского профессора также возрастает: он отвечает за качество лекций, научное руководство, внеаудиторное общение со студентами, которое также нацелено на нечто большее, чем просто передача знаний. Для студента обучение в университете — это образование-воспитание, продолжение на новом уровне школьного воспитания, своего рода образование с духовным ростом (*Bildung*).

Шлейермахер, как протестантский пастор и профессор теологии (с 1809 г.) в только что основанном Берлинском университете, дает экспертную оценку роли теологии и теологического факультета в таком исследовательском университете.

Во-первых, эта роль отвечает месту религии в жизни общества. Речь идет о конкретной конфессии, которая является официальной в данном государстве (для Пруссии — лютеранство). Иными словами, теология оказывается рационально-систематическим воплощением в университете духовных основ религиозной жизни общества. Она способствует личной религиозно-конфессиональной самоидентификации универсантов.

Во-вторых, теологический факультет обладает таким же *исследовательским* статусом как и остальные, поэтому профессора-теологи обязаны отвечать критериям, которые применяются к профессуре других факультетов, то есть должны иметь полноценную междисциплинарную общенаучную подготовку, которая позволит им быть органично включенными в преподавательскую научно-образовательную среду университета и в своих исследованиях, учебной, воспитательной и просветительской деятельности выходить за пределы задач подготовки конфессиональных богословов.

В-третьих, в университете не должно быть противостояния между факультетами и изолированности друг от друга профессоров, преподавателей и студентов различных факультетов (и отделений, на которые дробится философский факультет). Смысл университета — в творческом развитии, «живости и вдохновении», в свободной работе профессора с тематикой и материалом, преподаваемым им на лекциях, во взаимодействии студентов, в том числе, разных специальностей, на семинарах. Здесь, кстати, начало свободного диалога между религиозными людьми и скептиками, между представителями различных конфессий. Отсюда же берет свое начало один из первых ручейков, которые потом составят русло науки о религии (религиях), религиоведческих исследований и т. п.

Вместе с тем, обязанностью государства является «подбор и расстановка кадров»: нельзя пускать на самотек и чистый конкурсный отбор формирование преподавательского штата.

Практическая работа по реорганизации университетского образования в Пруссии легла на плечи Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835), который размышлял об университете

«...как о вершине, к которой сводится все то, что непосредственно совершается для духовного роста нации, основывается на том, что они призваны возделывать наукой в самом глубоком и широком смысле этого слова и применять ее в качестве материала умственного и нравственного образования, подготовленного не с готовым намерением, а в процессе своего создания»¹²².

Университет, по мысли Гумбольдта, призван сочетать в себе функции передачи знания и исследований в науке, а также всегда отвечать интересам государства, не будучи «служилым», живущим по прямым правительственным распоряжениям учебным заведением, каковыми были университеты XVIII столетия¹²³.

При этом, как подчеркивают современные исследователи, идея Гумбольдтовского исследовательского университета (Wissenschaftsideologie) оказывается гораздо более зависимой от христианской теологии, чем может показаться.

Эта генетическая связь становится заметной, как только мы уходим от абстрактных противопоставлений в духе кантовского спора факультетов, где некое «библейское» противопоставляется «рациональному», «церковная вера» (основанная на «уставах»

Эмблема Берлинского университета
с изображением братьев
Гумбольдтов

¹²² Гумбольдт В., фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX вв.: антология. М., 2011. С. 510–511.

¹²³ Там же. С. 514–515.

Здание Берлинского университета.
На первом плане памятник Александру Гумбольдту,
брату основателя университета

и требующая Откровения), «чистой религиозной вере» (для Канта — «основанной только на разуме»), «религия» отождествляется с моралью, но при этом за скобки выводятся историческое разнообразие и исторический контекст, в котором теология как целостное и, при этом, ценностное мировоззрение, являясь основой образования, открывала ученому свободный путь к познанию¹²⁴.

¹²⁴ Higton M. A Theology of Higher Education... P. 54. Ср.: Кант И. Спор факультетов // *Его же. Собрание сочинений*: в 8 т. Т. 7. М., 1994. С. 65, 80–81 и далее.

ГУМБОЛЬДТОВСКИЙ ИДЕАЛ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Новый университетский идеал, которому соответствовала гумбольдтовская модель, с учетом как популярности немецкой философской традиции, так и динамичного развития естественнонаучного и технического знания, оказался востребованным. Он был по-своему и едва ли не раньше, чем в Пруссии, воспринят в России. Более того,

«...именно Санкт-Петербургский университет в 1819 г. первым сделал шаг в направлении нового для России классического университета, под которым подразумевался так называемый гумбольдтовский университет, суть которого заключается в занятиях чистой наукой, в приобщении студенчества к исследовательской деятельности, в академической свободе как основе обучения и преподавания. Действительно, для того же С. С. Уварова университет — прежде всего центр науки. В этом смысле Петербургский университет значительно отличался от других университетов, организованных по университетскому уставу 1804 г.»¹²⁵.

Каким же образом вписывалась теология, точнее, вписывались богословские курсы в эту парадигму?

По первому университетскому Уставу 1804 года в университетах (это уже был пример наполеоновской Франции, в которой была проведена решительная реформа высшего образования)¹²⁶ вводились следующие учебные подразделения:

Отделение нравственных и политических наук,

¹²⁵ Кропачев Н. М., Даудов А. Х., Тихонов И. Л., Ростовцев Е. А. Первый университет Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 5–23.

¹²⁶ Даудов А. Х., Паламарчук А. А., Федоров С. Е. История ведущих университетов мира. СПб., 2021. С. 37–42.

Здание Двенадцати коллегий,
переданное в 1835 г. Петербургскому университету.
С 1804 г. в нем располагался Педагогический институт

Отделение словесных наук,

Отделение физических и математических наук,

Отделение врачебных и медицинских наук.

Штат Отделения нравственных и политических наук включал семь кафедр, среди которых — две теологические кафедры:

Кафедра богословия догматического и нравоучительного,

Кафедра толкования Священного Писания и церковной истории¹²⁷.

Согласно циркулярному письму министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына от 22 февраля 1819 года об обязательных для всех студентов курса богословия во вновь учрежденный Императорский Санкт-Петербургский университет был назначен профессором богословия выпускник Санкт-Петербургской духовной академии магистр богословия священник Герасим Павский, в Московский университет — его однокурсник и тоже магистр богословия священник Григорий Левицкий.

¹²⁷ Сухова Н. Ю. Вертоград наук духовный... С. 333.

Были осуществлены назначения на богословские профессорские кафедры в Харьковском и Казанском университетах¹²⁸.

Как замечает Н. Ю. Сухова,

«профессора богословия и настоятели университетской церкви оказывались одновременно подчиненными двух ведомств: Святейшего Синода и Министерства народного просвещения. Такое двойственное положение ставило перед священниками-преподавателями одновременно задачи пастырей и интеллектуалов. И, следует отметить, представители богословской науки исполняли эти задачи достаточно успешно»¹²⁹.

Интересен сюжет с Виленским университетом, который был (после «Третьего раздела Польши» 1795 года и включения Литвы в состав Российской империи) преобразован из Высшей школы с двумя факультетами, на одном из которых была теологическая специализация, в университет, и получил в 1803 году от императора Александра I собственный устав. Поскольку теология этому университету «по наследству» досталась от иезуитской Виленской академии, естественно, что она в этом учебном заведении сохранилась католическая¹³⁰.

Аналогично было и с Дерптским университетом, причем там был целый факультет, на котором преподавалась лютеранская теология¹³¹.

¹²⁸ Там же. С. 334.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России... Т. 1. С. 234–235.

¹³¹ Там же. Т. 1. С. 233.

БОГОСЛОВСКИЕ КУРСЫ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ XIX ВЕКА

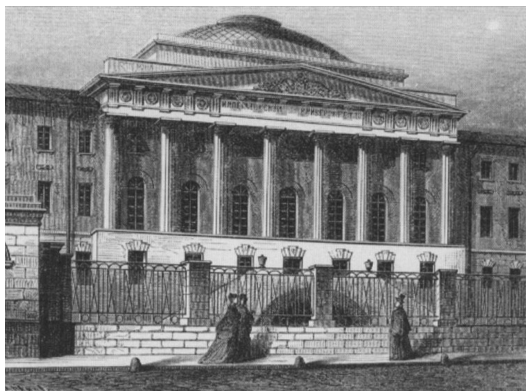
Новый Общий устав Императорских Российских университетов 1835 года внес свои коррективы в преподавание теологии: две кафедры объединялись в одну, и эта объединенная кафедра богословия была выведена из Отделения политических и нравственных наук. Она приобрела общеуниверситетский статус, хотя преподавание богословских дисциплин было обязательным только для студентов православного вероисповедания.

В результате всем студентам стали читать общий курс богословия, церковную историю, студентам юридического факультета дополнительно — основы канонического права. Как правило, на весь университет это был один «протоиерей, занимающий должность профессора кафедры богословия»¹³².

Известен факт, что в годы усиления революционного накала в Европе, когда пост министра народного просвещения России в 1849 году занял П. А. Ширинский-Шихматов, последовало закрытие кафедр философии в университетах, и редуцированные к основам логики и психологии философские курсы были переданы для чтения профессорам богословских кафедр, богословы фактически (более десяти лет!) исполняли и эту работу, участвуя в воспитании студентов и поддерживая интерес к образованию и развитию университетской науки.

Как отмечает Н. Ю. Сухова, в процессе подготовке нового Устава Российских университетов 1863 года состоялись серьезные дискуссии о месте богословия в университетском образовании. В обсуждениях

¹³² *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России... Т. 4. Ч. 1. С. 571. Табл. VI.

Здание Московского университета

принимали участие не только министерские чиновники и университетские профессора, но и иерархи, среди которых были крупные богословы и деятели церковной образовательной системы: митрополит Филарет (Дроздов), епископ, позднее митрополит, Макарий (Булгаков), архиепископ Филарет (Гумилевский) и др.

К этому времени складывается понимание цели, задач и уровней преподавания теологии (богословия) в классическом (исследовательском, «просвещенном») университете.

Во-первых, как ценностно-мировоззренческий, нравственный, культурный фундамент системы познания мира, не только научного, но и обыденного. Этот уровень необходим студентам всех направлений.

Во-вторых, прикладные дисциплины теологии, включенные в общий контекст общественных и гуманитарных наук, делающие ее своей в этой научной семье. Здесь — церковная история, церковная письменность, каноническое право, религиозная философия.

В-третьих, теология как более строгая система дисциплин, направленная «вовнутрь» церковной

традиции, со своими конфессиональными подходами и методами¹³³.

После того, как межфакультетские кафедры богословия по новому Уставу были освобождены от чтения церковной истории и церковного права (эти курсы были переданы соответственно на историко-филологический и юридический факультеты), содержание общего богословского курса — опять-таки, после профессиональных дискуссий и обмена опытом профессоров-богословов ведущих университетов — начало претерпевать изменения: элементы догматического и нравственного богословия, составлявшие основу преподавания по замыслам начала XIX века, стали дополняться более «фактурным» содержанием, имеющим общекультурное, воспитательное и практическое значение.

Речь идет об изучении Священного Писания Ветхого и Нового Заветов, с акцентом на Новый Завет, а также о включении в курс тем апологетики или основного богословия, которые, в свою очередь, оказывались живым философско-богословским введением в православную догматику и коррелировали с волновавшими студентов вопросами развития естествознания, включая биологию, химию, физику, а также общественные теории¹³⁴.

Заметим, что неоднократно предпринимавшиеся во второй половине XIX — начале XX века университетским сообществом попытки передать чтение богословских дисциплин от священников, выпускников духовных академий, светским преподавателям, воспитанным в самих университетах, успехом не увенчались¹³⁵.

¹³³ Сухова Н. Ю. Вертоград наук духовный... С. 337–338.

¹³⁴ См. об этих дискуссиях и проблемах: Там же. С. 340–344.

¹³⁵ Там же.

ПРАГМАТИКА «КРАСНОКИРПИЧНЫХ» УНИВЕРСИТЕТОВ

В процитированном нами выше фрагменте «Горя от ума» упоминается пугающий фамусовское общество английский опыт «ланкастерского взаимного обучения»¹³⁶. В самом деле, Англия начала-середины XIX века — пример новаций в образовании.

Обратим внимание на две версии университетской модели капиталистической эпохи. Обе выстраиваются в гумбольдтовском ключе, но одна, англиканская и близкая по духу лютеранству, связана с дальнейшей утилитаризацией высшего образования; другая, по духу католическая, апеллирует к традиционному, но модернизированному университету как центру воспитания общей культуры.

Первая треть столетия — появление первых *краснокирпичных* университетов (название по архитектурно-стилистическому принципу и строительному материалу, из которого принято было строить учебные здания). Мы используем это понятие в широком смысле¹³⁷, начиная отсчет с Лондонского университета (открыт в 1826 году; после объединения нескольких колледжей в 1836 году получил нынешнее название).

Во вновь открываемых учебных заведениях начинают готовить не только «химиков и ботаников»¹³⁸,

¹³⁶ Грибоедов А. С. Горе от ума... С. 381. В примечании к Явлению XXI поясняется, что речь идет о системе английского педагога Ланкастера (1771–1838), предполагавшей помощь во время уроков сильным ученикам слабым под контролем учителя. В Санкт-Петербурге существовало Общество училищ взаимного обучения.

¹³⁷ Даудов А. Х., Паламарчук А. А., Федоров С. Е. История ведущих университетов мира... С. 37–42.

¹³⁸ Вновь вспомним строки комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» («Он химик, он ботаник... Князь Федор, мой племянник».)

но и разнообразных специалистов инженерно-технического профиля. Именно так известные со времен раннего средневековья *механические искусства*, которым вход в традиционный университет (Оксфордский, Кембриджский, Дарэмский) был заказан, становятся полноправными дисциплинами и направлениями подготовки в новых высших учебных заведениях. Приоритет также отдается реальным наукам, то есть математике и естествознанию, причем с акцентом на прикладные исследования. В этом — системная связь с гумбольдтовской моделью, нацеленность на сцепку высшего образования с исследовательской деятельностью.

Специфика краснокирпичных университетов заключала в себе большую открытость и веротерпимость, характерную для протестантизма: для поступления в них не нужно было обязательно принадлежать англиканскому вероисповеданию и иметь дворянское происхождение. Поэтому новые университеты становятся важным социальным лифтом для представителей третьего сословия.

Здание одного из колледжей Лондонского университета

И наконец, в отличие от старых сословных университетов, новые вузы, далеко не сразу получающие официальный университетский статус¹³⁹, характеризуются более эффективным централизованным управлением, включенностью учебных колледжей и научных лабораторий в городскую среду, а образование, в конечном итоге, нацеленностью на решение задач, которые ставились промышленностью и сельским хозяйством.

Если же говорить о теологии, то здесь, скорее, можно указать на ее отсутствие в профессионально-образовательном плане. Краснокирпичные университеты не готовили священнослужителей и теологов.

Конечно, они ни в коей мере не были враждебны англиканскому вероучению. Можно сказать, что протестантско-англиканский дух пронизывал жизнь университетского сообщества. Но это был предельно утилитарный буржуазный подход к высшему образованию.

¹³⁹ Манчестерский механический институт (1824), Бирмингемская (1825) и Лидсская (1831) высшие медицинские школы лишь спустя десятилетия официально становятся университетами.

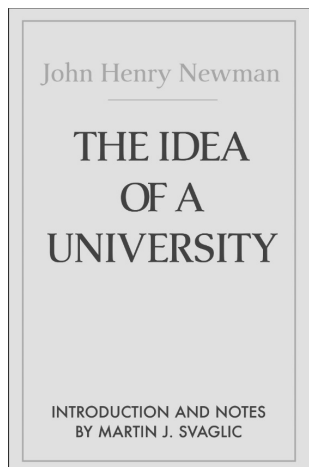
ДУБЛИНСКАЯ МОДЕЛЬ. КУЛЬТУРА И ВОСПИТАНИЕ

Другая версия нового университета, которую можно назвать Дублинской, нацеленная скорее на католическую традицию, связывается с именем Джона Генри Ньюмена (1801–1890), англиканского священника, перешедшего в католицизм и даже возведенного за свои заслуги на педагогическом поприще в сан кардинала. И это стало ответом на появление краснокирпичных университетов, корректировкой гумбольдтовской идеи и попыткой переосмыслить значение традиционной оксфордской модели (Университета-1.0).

В начале своей деятельности Ньюмен развивал идею среднего пути (*via media*) англиканства, имея в виду преодоление крайностей протестантизма и католицизма, но после перехода (1845) в лоно Римско-Католической Церкви и возведения в священный сан (1847) он увлекся мыслью о создании нового католи-

ческого учебного заведения. В начале 50-х годов Ньюмен возглавил готовящийся к открытию Католический университет в Дублине. Прочитанные им лекции составили основу известной книги «Идея университета» («*The Idea of a University*»).

Сочинение описывает либеральное образование (вспомним свободные искусства — *artes liberales*, *liberal arts*) как путь человека к христианскому идеалу. Это

попытка взглянуть на цель университетского образования применительно к отдельному человеку — студенту, выпускнику, живущему в определенной среде, в определенном обществе, а не к задачам государства или абстрактно понимаемому прогрессу науки.

В ньюменовском идеале университета много общего с немецкой моделью, в том числе в ее российском варианте. Задача университета — сохранение интеллектуальной культуры, упомянутой выше среды, важной составляющей которой является теология как основа свободного (именно в этом смысле *либерального*) автономного поведения индивида. Среда, к которой приобщаются студенты, уникальна. Ее не способна породить сословная средневековая корпорация, такая как Оксфорд или Кембридж, но тем более ее не способны породить краснокирпичные утилитарные заведения, эти «безбожные ирландские колледжи» (букв. «*Godless colleges*» — ср. со строкой из «Горя от ума» А. С. Грибоедова «об упражнениях в расколе и безверьи» «профессоров» Педагогического института!), за которыми Ньюмен видит «тень Лондонского университета»¹⁴⁰.

Это именно свободная среда, где интеллектуалы-профессора в общении друг с другом влияют на формирование знаний и моральных предпочтений молодых людей.

Теологическое мышление, религиозное мировосприятие как профессоров, так и студентов обеспечивает мировоззренческую подготовку джентльмена, который, выйдя из стен университета, продолжает всю жизнь нести и распространять эту культуру, «подтягивая» общество к своему уровню. По убеждению

¹⁴⁰ *Higton M. A Theology of Higher Education... P. 93.*

Ньюмена, теология — хранительница устоев свободы и просвещения. Образовательная деятельность священников, идеал христианской общины выступают у Ньюмена прототипом модели университета, процессов общения и роста преподавательского и студенческого состава. Оксфордская модель средневекового университета, по Ньюмену, — важный пример традиции, черпающей вдохновение в христианских идеалах образования, но нуждающейся в серьезной модернизации, а Дублинский католический университет (как модель) — решение вопроса о сущности и цели высшего образования в современную эпоху.

Ньюмен ставит перед университетом задачу всестороннего интеллектуального формирования личности, от которой «ради ограниченной целесообразности» отказываются краснокирпичные университеты¹⁴¹. Для этого он предлагает расширить круг преподаваемых в университете наук.

В этот круг входят: древние и новые языки, древняя и новая история, археология, английская литература, логика, метафизика, этика (включая экономику и политику), математика, натуральная философия (то есть физика), химия, история естествознания, минералогия, геология, наконец, традиционные высшие науки: медицина, право и теология. Заметим, что в списке предметов между этикой и математикой появляется нечто новое, — философия религии как предмет, необходимый для позитивного (научного, внешнего, ознакомительного) осмысления иных религиозных традиций.

Следует обязательно уточнить, что Ньюмен нигде не говорит, будто каждый студент должен учиться

¹⁴¹ Ibid.

по такому «энциклопедическому учебному плану». Это не призыв к мозаичной эклектике вместо профессии, но попытка создать новую *кампусную* атмосферу университета, социальную среду, в которой обеспечивается «постоянная коммуникация, циркуляция мысли и личное общение», которое способствует обмену научными идеями, их критическому обсуждению и улучшению результата¹⁴².

Джон Генри Ньюмен

Одна из проблем ньюменовской «Идеи университета», по мнению исследователей, состоит в том, что в ней остались недостаточно раскрыты глубокие теологические паттерны, которые переходят из века в век, от модели к модели, но не теряют актуальности для строительства любого университета¹⁴³ и дают обильные всходы, если о них не забывать.

К сожалению, в XX столетии тенденции игнорирования теологического наследия, теологического содержания в образовании и воспитании будут нарастать.

Библиография

Гумбольдт В., фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX вв.: антология / Сост. А. Ю. Андреев, С. И. Посохов. М.: РОССПЭН, 2011. С. 510–516.

¹⁴² Ibid. P. 91.

¹⁴³ Ibid. P. 79.

Даудов А. Х., Паламарчук А. А., Федоров С. Е. История ведущих университетов мира. СПб.: Алетейя, 2021. 90 с.

Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7: К вечному миру; Спор факультетов; Антропология; Успехи метафизики. М.: ЧОРО, 1994. 494 с.

Кропачев Н. М., Даудов А. Х., Тихонов И. Л., Ростовцев Е. А. Первый университет Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 5–23.

Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России: в 4 т. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002–2003.

Сухова Н. Ю. Вертоград наук духовный: сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX — начала XX века. М.: ПСТГУ, 2007. 384 с.

Higton M. A Theology of Higher Education. New York: Oxford University Press, 2012. viii, 284 p.

**УНИВЕРСИТЕТ, ВЕРСИЯ 4.0:
ПРОФЕССИЯ, КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЯ**

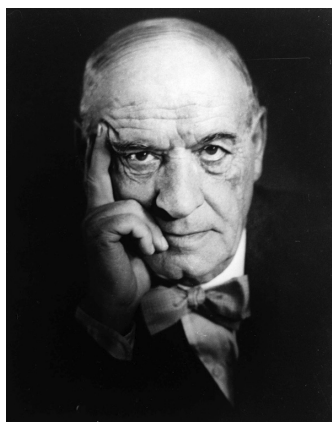
УНИВЕРСИТЕТ XX ВЕКА: ИДЕЯ И МИССИЯ

Характер проблем, связанных с образованием и воспитанием молодого поколения, существенно изменился в результате Первой мировой войны, революций в России и Германии и распада трех христианских империй — Российской, Германской и Австро-Венгерской.

Правительства послевоенных государств, пытаясь упорядочить и демократизировать процесс образования, следовали секулярному подходу, нацеленному на социализацию молодых людей ради основной цели — включения их в гражданское общество. Многие студенты 20-х-30-х годов XX века воспитаны в семьях, роль которых существенно снижена по сравнению с довоенной эпохой. Семьи, пострадавшие во время войны и революций, уже не столь автономны, они не обладают достаточными возможностями, чтобы в полной мере обеспечить воспитание детей при поддержке государственной религии. Секуляризационные процессы устранили Церковь от участия в образовании в более радикальной (Советская Россия) или менее радикальной (страны Европы) форме как на уровне школы, так и на уровне университета. Правительства вынуждены вольно или невольно снижать целевую планку образования, осмысливая новые задачи университета. Время благородного стремления к науке, воспитания ученых и джентльменов, несущих в общество университетскую культуру, ушло. Пришла пора подготовки узких специалистов, являющихся гражданами, способными раз в несколько лет заполнить бюллетень и опустить его в урну на избирательном участке.

Наступает эпоха массового университета, идеологию которого мы рассмотрим, как делали это выше,

на зарубежных и отечественных примерах. Показательными будут размышления о миссии университета XX века блестящего испанского интеллектуала Хосе Ортеги-и-Гассета (1883–1955).

Хосе Ортега-и-Гассет

Выходец из хорошей семьи, Ортега-и-Гассет выдержал обучение в иезуитской школе (консервативное католическое образование), поучился в двух испанских университетах. Первый — провинциальный католический, второй Мадридский, где он в 1904 году защищает диссертацию. Посредственность испанского образования оставляет в его душе разочарование. Молодой доктор философии направляется туда, где процветают, по его мнению, науки о духе — в Германию. Лейпцигский университет, где Ортега «вгрызается» в кантианство; Берлинский университет, лекции Георга Зиммеля; и самое большое влияние — Марбургский университет, Герман Коген и Пауль Наторп.

«Скромное обаяние» философии неокантианства и немецкой педагогической мысли определяет стремление вернувшегося в Испанию Ортеги «культивировать мышление». Для него после Германии это означает философствование, построенное на классических немецких образцах.

Заметим, что упадок имперского католического духа Испании после потери последней колонии (1898) породил в обществе пессимизм, а в интеллектуальной

среде — так называемую проблему Испании, желание возродить величие некогда могущественной империи.

Культивация философского мышления испанской элиты, по мнению Ортеги, была необходима для того, чтобы страна стала если не столь же великой, как в XVI столетии, то хотя бы более европейской, более культурной.

Ортега размышляет над тем, как кантовский идеал человека «вообще», как гумбольдтовские идеи формирования индивида посредством универсальных ценностей образования-воспитания и исследования (вспомним *Bildung und Wissenschaft!*) применить к испанской действительности, одной из характерных черт которой, по мнению философа, является изоляционизм, превративший одну из крупнейших держав мира в отсталое третьеразрядное государство. На эти размышления накладывается и анализ глобальных изменений в мире, описание массовизации общества¹⁴⁴, которая влияет на систему образования, и многое другое, что превращает Ортегу из ученика марбургской школы неокантианства в самостоятельного мыслителя, автора рაციовиталистской (от лат. *ratio* — рас-судок, разум и *vita* — жизнь) философии.

Однако нас интересуют его педагогические идеи, точнее, философия университетского образования.

К рубежу 20-х-30-х годов XX века вынесенные выдающимся испанцем из немецких университетов представления о том, что образование есть постепенное «подтягивание» реальности к сформулированному Кантом и неокантианцами *идеалу*, а указанный *идеал* получившего университетское образование человека означает, по большому счету, умение совместно

¹⁴⁴ См. об этом: *Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Его же. Что такое философия? М., 1991.*

с другими образованными людьми формировать культуру (общую, национальную), обогащаются виталистскими мотивами его собственных философских построений. Реальная жизнь приземляет высокую гумбольдтовско-кантианскую университетскую идею.

«Миссия университета» — небольшая книга, выросшая из лекции в Мадридском университете, которую Ортега прочел в 1930 году¹⁴⁵.

Обратим внимание на важную мысль Ортеги об отсутствии у образования устойчивой опережающей функции и, вместе с тем, о бесперспективности попыток «вытянуть» страну, поднять ее экономический или международный уровень, опираясь только на элитарное образование. Не стоит приписывать, говорит он, национальной системе образования (школе и университету) некую «созидательную

историческую силу». Нельзя требовать от учителя или профессора больше того, что они могут дать. Ошибочными являются суждения, привязывающие величие нации к успешности системы образования («Битва при Ватерлоо была выиграна на игровых площадках Итона» или «Итог франко-прусской войны — это победа прусского учителя и немецкого профессора»)¹⁴⁶.

Если вспомнить идею Ньюмена, то воспитанный университетом благочестивый джентльмен влияет

¹⁴⁵ Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / Пер. с исп. М., 2019.

¹⁴⁶ Там же. С. 61–62.

на общество вне стен своей alma mater, расширяя круг стремящихся к образованной и благородной жизни. Это утопическое представление, с точки зрения Ортеги.

Да, образование и социальная жизнь сообщаются друг с другом как меньшая сфера внутри большей. И большая (социум) активнее влияет на меньшую (образование), а не наоборот.

«Принцип образования: школа как естественный государственный институт гораздо больше зависит от окружающей ее общественной атмосферы, чем от искусственной педагогической атмосферы, создаваемой в ее стенах. Только когда давление обеих атмосфер уравнивается, школа станет достойной.

Вывод: даже если английское среднее образование и немецкий университет совершенны, их все же невозможно перенять, поскольку они являются только одной из частей целого. Объемлющая их реальность — это страна, которая их создает и поддерживает»¹⁴⁷.

Итак, встает проблема массового университетского образования, его цели, содержания и качества, а также системы взаимоотношений между университетом и государством, университетом и гражданским обществом. И эту проблему надо решать в каждой стране и на каждом этапе отдельно, по-своему: «Ищите за границей информацию, а не модель», — справедливо замечает Ортега.

¹⁴⁷ Там же. С. 63.

МАССОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Приведем несколько связанных друг с другом размышлений Ортеги. Это поможет нам понять, какова в его представлении миссия университета в XX веке.

«Что же включает высшее образование, получаемое в университете огромным числом молодых людей? Оно включает следующее:

- а) обучение интеллектуальной профессии;
- б) научное исследование и подготовку будущих учёных.

Университет готовит врачей, фармацевтов, адвокатов, судей, нотариусов, экономистов, государственных чиновников, учителей естественных и гуманитарных наук для среднего образования и т.п.

Кроме того, в университете развивается, изучается и преподаётся наука...

Таким образом, высшее образование сочетает в себе профессионализм и исследование...»¹⁴⁸

Таковы задачи, которые ставил перед собой Университет-3.0, университет XIX века, все еще дворянский, с трудом допускавший в свои аудитории студентов из числа «разночинцев» — представителей третьего сословия.

Однако если мы посмотрим сквозь увеличительное стекло на учебные планы, то обнаружим, что почти всегда от студента требуется не только владение профессией и исследования, но и кое-что ещё: посещение курсов общего характера — философии, истории...

Не нужно сильно напрягать зрение, чтобы разглядеть в этом требовании последний, жалкий остаток чего-то более значительного и важного...

В наши дни данные университетские предписания обосновывают весьма расплывчато: пускай, говорят, студент приобщится к «общей культуре»¹⁴⁹.

¹⁴⁸ Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета... С. 67–68.

¹⁴⁹ Там же. С. 69.

С определенной долей иронии Ортега анализирует понятие «общая культура» (исп. *cultura general*), говорит о его расплывчатости и о декоративной роли предметов типа истории, философии или социологии, которые должны «непонятным образом» воспитывать ум или характер студента. Однако откуда эти «остаточные явления»? Ортега обращает нас к тому, что мы обозначили выше как Университет-1.0:

«Но если мы перенесёмся в ту эпоху, когда был создан университет — в Средние века, то увидим, что указанный остаток — лишь крошечный осколок того, что в ту пору составляла, целиком и собственно, высшее образование. Средневековый университет не занимался исследованием; его мало интересовали профессии; была одна только... общая культура — теология, философия, “искусства”.

Однако то, что сегодня называют общей культурой, в Средние века имело иной смысл; она представляла собой не украшение мышления либо средства воспитания характера, а систему представлений о мире и человечестве, которой человек владел в то время. Поэтому общая культура была репертуаром убеждений, эффективно направляющих его существование»¹⁵⁰.

Можно согласиться с этими рассуждением и выводом, сделав, однако, уточнение. Теология выступала в средневековом университете не столько как элемент общей культуры (в том смысле, который вкладывает в это понятие Ортега), сколько как система нормативных представлений о мире, которая увенчивает воспитание характера человека, формирует его мировоззрение. Напомним, что если на право преподавать свободные искусства выпускник средневекового университета мог претендовать начиная с 21 года, то возрастной ценз преподавателя теологии был гораздо

¹⁵⁰ Там же. С. 70.

выше — 35 лет, по правилам теологического факультета в Париже.

В чем же проблема современной ситуации?

«Катастрофичность современной европейской ситуации обусловлена тем, что средний англичанин, средний француз, средний немец *бескультурны*, у них нет жизненной системы представлений о мире и человеке, соответствующей нашему времени. Это средняя особа — новый варвар, отставшей от своей эпохи, архаичный и примитивный по сравнению с ужасающим настоящим и его насущными проблемами...

В этом неожиданном варварстве, в этом коренном и трагичном анахронизме повинны прежде всего претенциозные университеты XIX века вне зависимости от страны...»¹⁵¹

Итак, по мнению испанского философа, «претенциозные университеты XIX века» (университеты версии 3.0), существовавшие «независимо от своей страны», способствовали одичанию народа.

¹⁵¹ Там же. С. 72.

ОБЩАЯ КУЛЬТУРА И ПРОФЕССИЯ

Как же преодолеть катастрофичность современной ситуации?

Обратимся к размышлениям Ортеги об университете XX века, массовом, который мы назвали Университетом-4.0, и который к 1930 г. еще не вошел в свою силу, не осознал до конца своих действительных задач.

Для того, чтобы собрать «европейского человека в его жизненной целостности»¹⁵², необходимо по-новому расставить целевые приоритеты университетского образования.

Ортега при этом выделяет три отдельные функции университета:

Во-первых, передача *общей культуры* (содержание которой должно быть переосмыслено в духе времени — об этом ниже);

Во-вторых, обучение интеллектуальным профессиям;

В-третьих, научные исследования и подготовка ученых.

Учитывая непрерывное развитие науки и постоянно возрастающие объемы знаний, которые все сложнее объединить в некую единую гармоничную картину мира, следует руководствоваться принципом экономии в образовании. Нельзя требовать от каждого студента, каждого преподавателя и от университета в целом фронтальной подготовки исследователей. Ученый — это штучный товар; если университет делает вид, что каждый его выпускник приобретает компетенции исследователя, то это лицемерие. Принцип экономии в образовании, провозглашаемый, как считает Ортега, в ведущих университетах мира, означает, что университет должен учить тому, чему

¹⁵² Там же. С. 77.

реально можно научить за 4–6 лет, выбирая наиболее полезное и важное для среднего, обычного человека¹⁵³.

Следовательно, третья функция (наука и подготовка ученых) отступает на дальний план. Сосредоточиться следует на первой (общая культура) и второй (обучение профессиям) функциях. Оставим обучение профессиям и обратимся к первой и главной, по Ортеге, функции.

Общая культура, соответствующая XX веку, должна обязательно включать: физический образ мира (физику), основополагающие вопросы органической жизни (биологию), историческое развитие человеческого рода (историю), структуру и функционирование общественной жизни (социологию) и устройство Вселенной (философию).

«Надо обязательно вновь ввести в университете преподавание культуры или системы жизненных целей, которыми располагает время. Это главная задача университета. Таким, и никаким другим, должен быть прежде всего университет.

Если завтра станут управлять рабочие, задача останется прежней: они должны будут управлять на высоте своего времени, в противном случае они будут сметены.

Если вспомнить, что европейские страны посчитали допустимым присуждать высокое звание профессионала судье и врачу, не удостоверившись сначала, что он имеет ясное представление, например, о физической концепции мира, которой располагает сегодня наука, а также о характере и ограничениях удивительной науки, породившей подобные идеи, то не стоит удивляться, что дела в Европе обстоят крайне плохо...»¹⁵⁴

Под *общей культурой*, как мы видим, понимаются вполне конкретные, концептуальные вещи:

¹⁵³ Там же. С. 91.

¹⁵⁴ Там же. С. 74.

«Физика и её способ мышления — один из величайших внутренних двигателей современной человеческой души. В ней воплотились четыре века интеллектуальных исканий, и её учение тесно связано со всеми важнейшими для сегодняшнего человека вещами — с идеями Бога и общества, материи и нематериального. Конечно, можно не знать физику, и подобное незнание не будет позором и недостатком, если речь идёт о простом пастухе из горной деревни, или пахаре, привязанном к земле, или рабочем, превратившемся в раба машины. Но сеньор, собирающийся стать врачом, или судьей, или генералом, или филологом, или епископом (т.е. войти в руководящие слои общества), и не владеющий современными европейскими представлениями в физическом космосе, является совершеннейшей варваром... И это же я скажу о том, кто не представляет себе ясно, каким образом философские мысли решают сегодня свою извечную задачу описания устройства Вселенной или каким образом современная биология толкует основополагающие факты органической жизни.

...Кто не владеет физическими представлениями (не самой физической наукой, но жизненными представлениями о мире, которые она создает), историческими и биологическими идеями, философской сферой, тот не является культурным человеком... [М]аловероятно, что он сможет стать по-настоящему хорошим врачом судьей или техником...»¹⁵⁵

Мы имеем дело с *общекультурным* учебным циклом, напоминающим новую версию тривиума и квадравиума. Обратим внимание на то, что хотя епископы приводятся Ортегой в качестве представителей высших, образованных и облеченных властью слоев общества, теология в этом цикле отсутствует.

Почему? Можно предположить следующее:

Во-первых, это обыденные представления верующего интеллектуала, который воспитывался в консервативной религиозной среде конца XIX — начала XX века. Для Ортеги и его современников религиозная

¹⁵⁵ Там же. С. 74–75.

Освящение часовни в Наваррском университете.
Ниже — внутреннее убранство часовни. Современное фото.

христианская культура — естественная среда университетской жизни, фоновый режим учебной и научной деятельности студентов и преподавателей.

И в наши дни, заметим, нередко является наличие в испанских университетах (причем не только тех, уч-

редителем которых являются католические организации) домовых храмов при факультетах, общежитиях и студенческих гостиницах, небольших часовен («капелл») в кампусах, куда часто заходят в перерывах между занятиями и учащие, и учащиеся.

Во-вторых, это след обучения в немецких университетах. Напомним, что Ортега посвятил несколько лет жизни увлеченному изучению кантианства и неокантианства, где «религия в пределах только разума», всеобщее нравственное начало — лейтмотив рассуждений, а «спор факультетов» давно решен в пользу философии.

В итоге, исходя из скромного места, которое занимает Римско-Католическая Церковь в Испании и христианство вообще в Европе (религия, по мнению Ортеги, сохраняет в качестве важной части культуры традиционные верования людей, но Церковь при этом не является «институтом развития»), христианской теологии отведены отдельный факультет и отдельная специальность. Но теология не включается в группу общих дисциплин, необходимых всякому, кто получает университетское образование, и претендует на интеллектуальную профессию, а также на вхождение в элиту. Это место отведено философии как описанию устройства Вселенной.

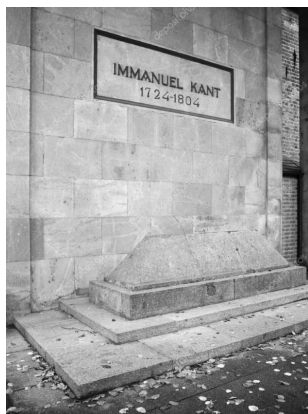
Общекультурный цикл, по мнению Ортеги, должен стать мировоззренческим ядром университета¹⁵⁶, задача которого — пробудить в студенте «интегрирующий талант», своего рода умение объединять начальные знания различных предметов, в том числе в просвещенческих и педагогических целях.

Вот что будет результатом главной функции университета, его миссией¹⁵⁷.

Остается важный вопрос — реальное содержание этих общекультурных курсов. Кто и с каких позиций будет описывать студентам устройство Вселенной, растолковывать (воспользуемся известным кантовским

¹⁵⁶ Там же. С. 106.

¹⁵⁷ Там же. С. 111–112.

Могила Иммануила Канта
в Кенигсберге
(ныне Калининград)

образом)¹⁵⁸ происхождение и смысл «звездного неба над головой» и «морального закона внутри нас»?

Пожалуй, наш ответ будет с долей пессимизма. Направленность и качество преподавания философии, истории, социологии — как, впрочем, и других гуманитарных или социальных дисциплин, — зависят чаще всего от самого преподавателя, от его знаний, пристрастий, личной мировоззренческой позиции. Известно,

что когда студентам не нравится, как некий доцент или профессор читает физику, они выражают недовольство этим доцентом или профессором. Когда же плохо читают философию или теологию — негативное отношение часто переходит на сам предмет.

¹⁵⁸ Кант И. Критика практического разума. СПб., 1995. С. 257.

ПРОФЕССИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

Вариант, о котором говорил Хосе Ортега-и-Гассет в своей «Миссии университета» («Если завтра станут управлять рабочие, задача останется прежней: они должны будут управлять на высоте своего времени»), был осуществлен в нашей стране.

В первые годы советской власти появились новые высшие учебные заведения с характерными названиями («коммунистические университеты», «социалистические академии», «институты красной профессуры» и т.п.).

В дискуссиях о судьбе старых императорских университетов победило мнение сохранить их. Однако университеты подверглись длинной цепи реорганизаций, связанных, в том числе, с изменением самой университетской идеи, которая в государстве рабочих и крестьян формировалась не менее полутора десятилетий. Поначалу за излишнюю абстрактность подверглись критике «чистые» «фундаментальные» науки, в первую очередь математика и теоретическая физика. Серьезные изменения коснулись социальных наук. Разумеется, были закрыты университетские кафедры богословия, а попытки Московского и Петроградского университетов в 1918 году помочь двум столичным духовным академиям, которые большевики лишили финансирования и поставили на грань закрытия, были блокированы Советским правительством.

Гонению подверглись юридические факультеты как рассадники упраздненного революцией права; их заменили факультеты общественных наук, в которые помимо юриспруденции вошла история¹⁵⁹.

¹⁵⁹ Кузьминов Я. И., Юдкевич М. М. Университеты в России: как это работает. М., 2021. С. 66.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов происходит культурная революция, логически связанная и совпадающая по времени с первым пятилетним планом (1928–1932). Необходимость готовить квалифицированных специалистов для растущей экономики и социальной сферы, включая медицину и образование, дала импульс реорганизации ряда университетов, из которых извлекали те или иные факультеты и кафедры прикладного характера, чтобы на их базе создавать небольшие отраслевые учебные заведения — технические, сельскохозяйственные, медицинские, педагогические, военные, творческие¹⁶⁰. Были даже такие экзотические примеры, как открытые в Москве и Ленинграде институты истории, философии и литературы (МИФЛИ и ЛИФЛИ), которые просуществовали недолго и были присоединены к историческим факультетам соответственно Московского и Ленинградского государственных университетов.

После Великой Отечественной войны высшее образование выходит на новый этап своего развития. Оно приобретает действительно массовый характер: увеличивается число студентов, расширяется перечень специальностей подготовки, повышается возможность учиться заочно. Настоящий расцвет высшего образования, включая университетское, которое отличается фундаментальностью и объединением всего спектра научных направлений, наступает во второй половине 1950-х годов.

Позитивная динамика в развитии системы высшего образования в последующие десятилетия постепенно снижается, вместе со снижением уровня

¹⁶⁰ Там же. С. 72–73.

«К новым успехам социалистической культуры и науки».
Советский плакат

эффективности советской экономики и нарастанием кризисных явлений в социально-политической жизни, особенно начиная со второй половины 1970-х годов и вплоть до распада Советского Союза в 1991 году. Это касается и научно-технологической стороны образования, и того, что мы вслед за Ортегой-и-Гассетом называем *общей культурой*.

Какова же идея и миссия советского университета, уровень образования в котором, по существу, провозглашается равным уровню и качеству образования в отраслевых вузах?

Разбирая этот вопрос, можно обнаружить интересную корреляцию с миссией Университета-4.0, которую мы увидели у Ортеги-и-Гассета, но с существенными поправками.

В основу советской педагогики положен, если говорить словами А. С. Макаренко (1888–1939),

«метод, который, будучи общим и единым, в то же время дает возможность каждой отдельной личности развивать свои особенности, сохранять свою индивидуальность. Такая задача была бы абсолютно непосильной для педагогики, если бы не марксизм, который давно разрешил проблему личности и коллектива»¹⁶¹.

Вот что пишет в первые годы советской власти известный педагог и психолог, сторонник трудового воспитания в политехнической школе П. П. Блонский (1884–1941):

«Марксизм — не только социология с точки зрения способа производства и производственных отношений, но и диалектика. Научная педагогика должна усвоить диалектический метод... Ограничусь одним примером: пресловутым спором между общим и профессиональным образованием.

Тезис — образование “человека вообще”, антитезис — образование “специалиста”...»¹⁶²

В дореволюционной России, как можно заключить из дальнейших размышлений П. П. Блонского, «под туманным понятием “человека вообще”» понималась преимущественно *тривиальная* (безжизненно-гуманитарная) общая культура, которая была нацелена «на вполне реальную подготовку организатора бюрократического государства»¹⁶³. Диалектическим отрицанием такого «классического» образования в советской России, на переходном к коммунистическому обществу этапе пролетарской диктатуры, становится

¹⁶¹ Макаренко А. С. Цель воспитания // *Его же*. О коммунистическом воспитании. М., 1952. С. 45.

¹⁶² Блонский П. П. Марксизм как метод решения педагогических проблем // *Его же*. Избранные педагогические и психологические сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1979. С. 185.

¹⁶³ Там же.

образование живое, практическое, *политехническое*, дающее современному молодому человеку и новую общую культуру (знания о жизни природы и общества), и профессию. «Профессия, как устойчивое самоопределение трудящегося, есть следствие разделения труда между людьми», — замечает при этом П. П. Блонский.

Однако после тезиса и антитезиса должен следовать синтез — так учит диалектика. И снятие противоречия тезиса и антитезиса в синтезе наступит, по П. П. Блонскому, тогда, когда профессия перестанет играть ключевую роль для самоопределения личности в обществе. Высокотехнологичное, даже технически совершенное «машинное производство несет отмену профессии, перенося разделение труда на машины». В заключение П. П. Блонский рисует такую идеальную картину:

«Научная общая технология предполагает широко обобщающий технологический ум и как предпосылки — высокоразвитую технику и государство производителей».

Разумеется, здесь речь идет об освобождении индивида от узкопрофессионального механического труда. Важность широкого инженерно-технического знания, всех интеллектуальных и творческих профессий остается. Поэтому на первое место следует поставить задачу подготовки специалиста — инженера, конструктора, врача, учителя, экономиста, архитектора, музыканта и так далее, специфика труда которых тоже будет меняться с учетом технологического развития. Специальность, приобретенная в университете (или ведущем профильном вузе), даст возможность и право заниматься определенным интеллектуальным

и творческим видом деятельности. Это будет означать и высокий уровень социализации личности, открытие возможностей активного взаимодействия в коллективном существовании.

Кадры из комедийного фильма Л. Гайдая «Операция Ы...» (1965), на которых иронично, оригинально и живо представлено стремление молодых людей получить высшее образование и перспективную профессию, а также высокий уровень знания и требовательность профессора

На второе место в миссии советского университета мы поставим научные исследования и подготовку ученых, на которую были нацелены прежде всего университеты и ведущие отраслевые вузы, а также научные организации, принадлежащие различным ведомствам¹⁶⁴. Достаточно высокий статус ученого в СССР также давал возможности реализации личностного роста в общем, коллективном взаимодействии.

И, наконец, марксистский метод в образовании предполагал радикальное обновление содержания «остатков тривиума и квадриума». Новый

¹⁶⁴ Кузьминов Я. И., Юдкевич М. М. Университеты в России... С. 464–472.

мировоззренческий блок дисциплин, получивший название *общественных наук*, начал создаваться уже в 1921 году, когда был учрежден Институт красной профессуры в Москве, но окончательно сформировался к концу 1940-х годов.

В этот блок входили: история ВКП(б)/КПСС¹⁶⁵, основы диалектического материализма (общие вопросы философии, методология познания, философия природы¹⁶⁶) и исторического материализма (социология в социально-историческом контексте, «наука о законах общества»)¹⁶⁷; так же схематично — политическая экономия капитализма и политическая экономия социализма («наука о законах общественного производства и распределения материальных благ на различных этапах развития общества»¹⁶⁸). Указанные курсы преподавались в каждом советском вузе, независимо от направления и конкретной специальности студента. В начале 1960-х годов к ним добавились научный коммунизм (эта дисциплина претендовала на футурологическое описание эволюции общества и человека на пути строительства социализма и коммунизма, а потом в самом коммунистическом обществе) и научный атеизм¹⁶⁹. Все вместе объединялось понятием марксистско-ленинского учения (марксистско-ленинской доктрины или теории).

¹⁶⁵ История Всесоюзной коммунистической партии (большевики). Краткий курс. М., 1945. (Первое издание вышло в 1938 г., переработанные издания «Истории КПСС» выходили вплоть до середины 80-х гг. XX в.)

¹⁶⁶ Диалектический материализм. М., 1954.

¹⁶⁷ Исторический материализм. 2-е изд. М., 1954. С. 5.

¹⁶⁸ Политическая экономия. М., 1954. С. 5.

¹⁶⁹ *Shakhnovich M. "Scientific Atheism" as an Ideological Construct and Educational Project (1950s — 1980s) // Religiski-Filozofiski Raksti. 2021. Vol. XXXI. P. 8–23.*

Философия преподавалась в университетах и других вузах в диалектико-материалистическом ключе. Проблемы причинности в природе, происхождения и эволюции неживой и живой природы и, как итог, появление и развитие человека, связь материального и нематериального (психического, духовного) рассматривались в контексте марксизма-ленинизма, то есть извлеченных из работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина (причем до середины 1950-х годов классиком марксизма-ленинизма считался также И. В. Сталин) положений, сгруппированных по темам.

История философии рассматривалась как постепенное восхождение через преодоление заблуждений к философии марксизма-ленинизма. Таков был концентрированный и тщательно отобранный материал «общей культуры».

Здесь было определенное место и у христианской теологии:

«На рубеже двух эпох — античной и средневековой — рождалось новое мировоззрение. Возникало христианство, ... [которое] выразило некоторым образом стремление широких масс к освобождению... Но в дальнейшем широко распространившееся христианство господствующие классы использовали в качестве “духовной сивухи,” как сильное средство духовного закабаления масс...»¹⁷⁰

Это строки из советского учебника по истории западноевропейской философии, вышедшего в свет вторым изданием в 1946 году с грифом «Допущено Министерством высшего образования СССР для университетов и гуманитарных факультетов высших учебных

¹⁷⁰ Александров Г. Ф. История западноевропейской философии. М.; Л., 1945. С. 100–101.

заведений». Из предисловия следует, что история западной философии читалась автором в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова (1933–1935), на философском факультете МИФЛИ (1932–1938) и в Высшей партийной школе (1939–1944).

При изложении теологических концепций акцент автором делался на иное:

«В борьбе различных направлений внутри и вне богословских учений, развивалась не только теология. Постепенно преодолевая неимоверные препятствия, возникали, получали обоснование, распространялись ростки подлинной науки, скрытой подчас в весьма причудливых религиозных нарядах»¹⁷¹.

Атеистический характер «решения» проблем личности и коллектива в марксизме-ленинизме не предполагал опоры на теологию. Моральные конструкции, предлагаемые своему народу руководителями коммунистической партии, приходилось скрывать под причудливыми *идеологическими* нарядами.

Известна история написания специального фрагмента Программы КПСС в 1961 году группой журналистов по заданию Н. С. Хрущева, который попросил «быстро придумать моральный кодекс коммунистов» и «в течение трех часов переправить текст в Москву».

Вот как описал процесс творчества один из его участников:

«И мы стали фантазировать. Один говорит “мир”, другой — “свобода”, третий — “солидарность”... Я сказал, что нужно исходить не только из коммунистических постулатов, но и также из заповедей Моисея, Христа, тогда все действительно “ляжет” на общественное сознание. Это был сознательный акт

¹⁷¹ Там же. С. 102.

включения в коммунистическую идеологию религиозных элементов...

Буквально часа за полтора мы сочинили такой текст, который в Президиуме ЦК прошёл на “ура”»¹⁷².

Вот это сочинение, которое, став частью Программы КПСС, принятой XXII съездом партии, включалось в обществоведческую часть университетского образования в СССР и претендовало на моральное ядро *общей культуры*, передаваемой через систему высшего образования молодым людям:

«Простые нормы нравственности и справедливости, которые при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались, коммунизм делает нерушимыми жизненными правилами как в отношениях между отдельными лицами, так и в отношениях между народами. Коммунистическая мораль включает основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнѐтом и нравственными пороками... Коммунистическая мораль в ходе строительства социализма и коммунизма обогащается новыми принципами, новым содержанием...»

Ниже мы поместили принципы морального кодекса строителя коммунизма (левый столбец) и строки из Священного Писания Ветхого и Нового Заветов (правый столбец), с которыми так или иначе перекликаются эти принципы:

Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма;

Для сего преклоняю колени мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, от

¹⁷² Бурлацкий Ф. М. «Судьба дала мне шанс». Беседа главного редактора журнала «Российский адвокат» Р. А. Звягельского с известным политологом, ученым и писателем Ф. М. Бурлацким // Общественно-правовой журнал «Российский адвокат». 2007. № 5. С. 4.

добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест;

забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния;
высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов;
коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного;
гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку — друг, товарищ и брат;

честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни;

взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей;

непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству;

Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле (Еф 3:14–15).

Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, ибо трудящийся достоин пропитания (Мф 10:9–10).
Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь (2 Фес 3:10).

Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного (1 Тим 5:8).

Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин 15:13).
Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего (Ин 15:15).

Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ничего, что у ближнего твоего (Исх 20:17).

Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо, и чтобы процвели дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе (Исх 20:12).

Вот, плата, удержанная вами у работников..., вопиет и вопли... дошли до слуха Господа Саваофа (Иак 5: 4).

дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни; непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов; братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами¹⁷³.

Нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос (Кол 3:11).

Конечно, в СССР процессы вытеснения религии из общественной жизни были радикальными. Но в непримиримости марксистско-ленинской идеологии по отношению к религии гораздо яснее, четче прорисовывается невозможность конструирования новых моральных устоев без учета базовых ценностно-мировоззренческих принципов авраамических религий, без теологии христианства.

Попытка конструирования принципов, формирующих моральное сознание строителя коммунистического общества (своеобразного «рая на земле») на основе марксистского варианта оторванной от религиозных оснований этики привело к использованию квази-теологических «заповедей». Это лишь один из вариантов *светской этики*. Их много, и они часто ведут к разнообразным и даже радикально противоположным нравственным принципам¹⁷⁴. Важно другое: даже в том случае, если *общую культуру* пытаются перевести на «безрелигиозный» язык, система горизонтальных обоснований, ссылок на автономные и «самостоятельные» философско-этические,

¹⁷³ История Коммунистической партии Советского Союза. 7-е изд. М., 1985. С. 565.

¹⁷⁴ Быков А. В. Понятие морального сознания в социологической традиции // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3. С. 26–43.

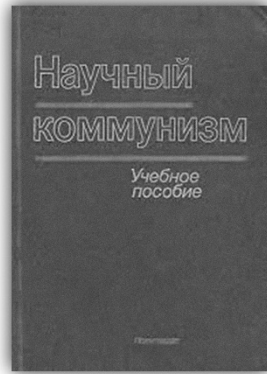
ценностно-мировоззренческие, социологические и иные учения, какими бы громкими не были имена их авторов, остаются лишь вариантами, вызывающим неоднозначные трактовки, сомнения, споры, и требующими внутренней вертикальной верификации каждым размышляющим об этом человеком, то есть, обращения к первоисточнику.

Почему советский университет мы рассматриваем как вариант Университета-4.0, ведь западные университеты не боролись активно с религией, не отрицали теологию?

В самом деле, как правило, таких крайностей в западной системе высшего образования мы не находим. Однако продолжавшиеся в XX веке процессы секуляризации в общественной жизни затрагивали и высшую школу.

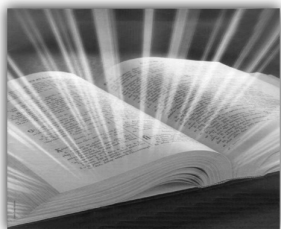
Традиционно существовавшие в университетах теологические факультеты продолжали набирать студентов, реализовывали образовательные программы¹⁷⁵, но общий вектор состоял в последовательном вытеснении религии в сферу частной жизни.

Разнообразные постмодернистские педагогические учения входили в философию образования под флагом свободы выбора образовательных траекторий. Вместе с этим, из университета под предлогом мультикультурности, «множественности педагогических миров»,

Одно из учебных пособий советского времени

¹⁷⁵ Понкин И. В. Теологический факультет государственного университета: европейский опыт правового регулирования. М., 2006.

«антицелостности» поликультурного разнообразия в образовании и прочих постмодернистских концептов¹⁷⁶ последовательно выдавливалась нормотворческая, ценностно-мировоззренческая, воспитывающая составляющая общей культуры, традиции

в ее изначальном смысле.

Итог — обесцвечивание университетского образования во многих, ранее самобытных национальных образовательных системах (немецкой, французской, испанской и т.д.), их нивелировка, подчинение претендующим на глобальность англо-саксонским стандартам¹⁷⁷. Эта глобализация сопровождалась серьезными разрывами в цепи культурной памяти, так что во Франции даже родился образный термин «коллективное беспамятство» («*déshérence collective*»¹⁷⁸), которое в первом десятилетии XXI века попытались преодолеть, законодательно закрепив необходимость изучать религиозное наследие (*le fait religieux*¹⁷⁹) в школах и университетах. (Для современной Франции это означает приобщение к культурам христианства и ислама в рамках исторических, литературоведческих,

¹⁷⁶ Архипова О. В., Шор Ю. М. Идея образования в контексте постнеклассической парадигмы // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2013. № 4. С. 3–12.

¹⁷⁷ Огурцов А. П., Платонов В. В. *Образы образования. Западная философия образования. XX век*. СПб., 2004. С. 17; Шмонин Д. В. *Технология блага. Очерки теологии образования*. М., 2018.

¹⁷⁸ Букв. «коллективная выморочность» — применение юридического термина, описывающего невостребованное имущество.

¹⁷⁹ Debray R. *L'Enseignement du fait religieux dans l'école laïque. Rapport au ministre de l'Éducation nationale*. Paris, 2002.

философских и т.п., помимо существующих теологических факультетов в университетах.)

В последние десятилетия философы образования и педагоги, размышляя об образовательной парадигме XXI века, ищут новую идею образования, новый идеал университета. В этих поисках вновь прибегают и к классической немецкой философии¹⁸⁰, и к современному марксизму¹⁸¹, пытаются решить проблему в рамках наук об образовании¹⁸², политической философии или социологии¹⁸³.

Мы, в нашей стране, начинаем также нащупывать пути выхода, которые должны быть связаны с пересмотром стандартов, планов, программ ради того, чтобы сформировать адекватную новую модель,

¹⁸⁰ Романенко И. Б. Экзистенциализм и персонализм: определение образовательных идеалов XXI века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2005. № 5 (10). С. 59–65; Романенко И. Б., Романенко Ю. М. Становление рационально-экспериментальной образовательной парадигмы в немецкой классической философии // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 4 (87). С. 274–281.

¹⁸¹ Например, бразильский автор Лучано Бомфим, стремящийся дополнить марксистское учение о человеке прикладной педагогической теорией: *Bomfim L. S. V. Menschliche und vermenschlichende Praxis: zur Antropologie von Marx im Hinblick auf ihre Pädagogischen Konsequenzen*. Kassel, Kassel universität verlag, 2000. Обзор этой диссертации увлеченного марксизмом автора см.: *Прозументик К. В.* Марксистская антропология и теория воспитания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. № 3 (7). С. 18–26.

¹⁸² Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М., 1997; Архипова О. В., Шор Ю. М. Идея образования в контексте постнеклассической парадигмы // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2013. № 4. С. 3–12.

¹⁸³ *Renaut A. Quel avenir pour nous universités? Essai de politique universitaire*. Paris, 2008.

а лучше сказать, адекватный *образ* выпускника современного университета.

Библиография

Александров Г. Ф. История западноевропейской философии. М.; Л.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1945. 352 с.

Архипова О. В., Шор Ю. М. Идея образования в контексте постнеклассической парадигмы // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2013. № 4. С. 3–12.

Блонский П. П. Марксизм как метод решения педагогических проблем // *Его же. Избранные педагогические и психологические сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика*, 1979. С. 181–186.

Бурлацкий Ф. М. «Судьба дала мне шанс». Беседа главного редактора журнала «Российский адвокат» Р. А. Звягельского с известным политологом, ученым и писателем Ф. М. Бурлацким // *Общественно-правовой журнал «Российский адвокат»*. 2007. № 5. С. 4–9.

Быков А. В. Понятие морального сознания в социологической традиции // *Социологический журнал*. 2017. Т. 23. № 3. С. 26–43.

Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М.: ИнтерДиалект+, 1997. 697 с.

Диалектический материализм / Под общ. ред. Г. Ф. Александрова. М.: Госполитиздат, 1954. 440 с.

Исторический материализм / Под общ. ред. Ф. В. Константинова. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1954. 504 с.

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1945. 350 с.

История Коммунистической партии Советского Союза. 7-е изд. М.: Политиздат, 1985. 783 с.

Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука, 1995. 528 с.

Кузьминов Я. И, Юдкевич М. М. Университеты в России: как это работает. М.: ГУ-ВШЭ, 2021. 616 с.

Макаренко А. С. Цель воспитания // *Его же*. О коммунистическом воспитании. М.: Учпедгиз, 1952. 536 с.

Огурцов А. П., Платонов В. В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. 516 с.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // *Его же*. Что такое философия? М.: Мысль, 1991.

Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / Пер. с исп. М. Голубевой, А. Корбута. 2-е изд. М.: ГУ-ВШЭ, 2019. 140 с.

Политическая экономия / Ред. К. В. Островитянов и др. М.: Госполитиздат, 1954. 638 с.

Понкин И. В. Теологический факультет государственного университета: европейский опыт правового регулирования. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. 212 с.

Прозументик К. В. Марксистская антропология и теория воспитания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. № 3 (7). С. 18–26.

Романенко И. Б. Экзистенциализм и персонализм: определение образовательных идеалов XXI века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2005. № 5 (10). С. 59–65.

Романенко И. Б., Романенко Ю. М. Становление рационально-экспериментальной образовательной парадигмы в немецкой классической философии // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 4 (87). С. 274–281.

Шмонин Д. В. Технология блага: очерки теологии образования. М.: Познание, 2018. 222 с.

Bomfim L. S. V. Menschliche und vermenschlichende Praxis: zur Anthropologie von Marx im Hinblick auf ihre Pädagogischen Konsequenzen. Kassel: Kassel universität verlag, 2000.

Debray R. L'Enseignement du fait religieux dans l'école laïque. Rapport au ministre de l'Éducation nationale. Paris: Odile Jacob, 2002. 60 p.

Renaut A. Quel avenir pour nous universités? Essai de politique universitaire. Paris: Timée-Editions, 2008. 242 p.

Shakhnovich M. "Scientific Atheism" as an Ideological Construct and Educational Project (1950s – 1980s) // Religiski-Filozofiski Raksti. 2021. Vol. XXXI. P. 8–23.

**УНИВЕРСИТЕТ, ВЕРСИЯ 5.0:
КОНТУРЫ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ**

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА И МИРОВОЗЗРЕНИЕ УЧЕНОГО

Попробуем критически осмыслить и применить «миссию университета» XX века к нашим задачам: постараться составить формулу современного университета — университета середины XXI века, оценив роль и место теологии в ближне- и среднесрочной перспективе.

Присвоив этой версии название Университет-5.0, вновь пробежим глазами *формулы* предшествующих версий, чтобы не упустить оттуда ничего важного и перспективного.

Итак, Университет-1.0 (средневековый) давал студенту свод интеллектуальной культуры, системе убеждений и представлений о мире, которые содержались в совокупности свободных искусств, с тонким слоем метафизических размышлений. Этим, как мы помним, занимался соответствующий факультет, называвшийся также философским. Затем наиболее мотивированные и одаренные магистры искусств могли продолжить постижение одной из трех высших профессий, осваивая программы юридического, медицинского или теологического факультетов. Нельзя сказать, что исследовательской компоненты в университетском образовании не было: она была, но имела по преимуществу ретроспективный, экзегетический характер. Важнее было постичь глубину традиции, обрести гармонию знаний, чем дать какое-то эмпирическое подтверждение частной гипотезе.

В средневековом университете сформировались основы научной культуры, научной этики — от правил цитирования до искусства корректной дискуссии. Это была уже не вполне монастырская, но и не вполне

городская духовно-интеллектуальная среда. Университет, находящийся под присмотром Церкви, формировал у своего выпускника гармоничное христианское мировоззрение и, как справедливо отмечает современный теолог образования Майк Хигтон, был источником нового благочестия¹⁸⁴.

Университет-2.0 рождается новой эпохой: национальные государства, модернизация, интеллектуальная и научная революция, буржуазный промышленный бум. Университет Нового времени «разрывает шаблон» гармоничного мировосприятия. Требование времени меняет фокусировку, усиливает научную (исследовательскую) составляющую, дифференцируя философию на математические, естественные и гуманитарные предметы. При этом строгой специализации пока еще нет. Не только М. В. Ломоносов был специалистом в химии, физике, истории, языкознании и ряде прикладных наук, но и профессор любого университета спокойно перемещался с кафедры на кафедру, считаясь вполне сведущим профессионалом. В университете XVIII века присутствуют и ретроспективный, и перспективный характеры исследований. В большом почете метафизика, суммирующая знания о мире, а также прикладная философия, связанная с теоретической и эмпирической наукой и претендующая на роль методологии научного познания. Где-то теология продолжает жить в виде отдельного факультета, где-то оказывается вне расписания при том, что религия продолжает быть естественным фоном жизни университетов. Дух эпохи Просвещения усиливает секулярные мотивы: теология перестает быть высшей наукой с точки зрения описания мира природы, но остается

¹⁸⁴ *Higton M. A Theology of Higher Education. New York, 2012. P. 13.*

нормотворческой ценностно-мировоззренческой дисциплиной.

Университет-3.0 (гумбольдтовский), в определенной мере самостоятельный, точнее, требующий самостоятельности в преподавании и исследованиях, в меру подчиненный государству и финансируемый им, как мы показали выше, предполагает двойное назначение: образование-воспитание и научные исследования, в единстве. При том, что *общая культура* (с добавлением педагогики), включающая ценностно-мировоззренческую составляющую, за которую несет ответственность и теология, продолжает занимать в университетском расписании значительное место. Различные варианты гумбольдтовской модели — берлинская, петербургская, британская краснокирпичная, дублинская — включают в свою структуру теологическое образование или, как минимум, *общекультурную* теологическую подготовку студентов, с учетом, естественно, профессиональной специфики.

Напомним теперь, что когда Ортега говорит о проектируемом им университете середины XX века — массовом учебном заведении, который мы назвали Университетом-4.0, он обнаруживает в современном ему испанском или немецком университете прежнюю нацеленность на две по-гумбольдтовски взаимосвязанные, но все более различающиеся функции: обучение студентов интеллектуальным профессиям и производство ученых-исследователей.

Эти функции расходятся из-за прогресса и дифференциации наук, а также из-за изменений в самой *общей культуре*. Обратим внимание на последний момент.

«Пропорция в культуре изменилась», — уточняет Ортега. Большая часть культуры связана теперь

с естественными и техническими науками, а не с теологией, философией или гуманитарными искусстваами, как раньше. Говоря о пропорции, он имеет в виду и еще более сильную, чем ранее, секуляризацию общественной жизни. Эти процессы продолжались после Второй мировой войны.

С конца 80-х годов XX века стали говорить о новом, постнеклассическом¹⁸⁵, этапе развития науки. Историки и философы науки спорили о деталях, но в общем формируя образ науки как множества разнообразных междисциплинарных научных программ и форм организации научного производства. Одновременно — глобальные социально-экономические процессы, распад двухполярного (капитализм / социализм) мира и эйфория мирного постмодернистского секуляризма (объединенная Европа, Миллениум), сменившаяся разочарованием и тревогами начала XXI столетия.

Сейчас, в третьем десятилетии двадцать первого века по Рождеству Христову, можно констатировать: пропорция в культуре вновь изменилась. Это ощущается по характеру научно-технологического развития, его влияния на характер общественного потребления и общественного сознания. Это видно по кризису университетского образования (работающие в европейских университетах коллеги говорят жестче: «коллапс», особенно в социальных и гуманитарных дисциплинах).

Конечно, все это тоже способствует активизации научной мысли. Волны цифровых технологических

¹⁸⁵ Лекторский В. А., Аришинов В. И., Кузнецов В. Ю., Пружинин Б. И. Постнеклассическая наука и социокультурный контекст // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 8. С. 745–753; Никифоров А. Л. Что такое «постнеклассическая наука?» // Epistemology & Philosophy of Science. 2013. № 2. С. 59–64.

революций и проблемы виртуальной реальности порождают новые проблемы в пересекающихся полях естествознания, техники и социогуманитарных наук, а геополитические катаклизмы, меняющие мироустройство, вновь побуждают ученых ставить вопросы этики, разума и веры, что стимулирует междисциплинарные исследования в комплексе наук о человеке и обществе.

Напомним, что, начиная с эпохи Университета-2.0, науке и ученым в этом стремилась помогать философия, строившая моральное сознание (светскую этику) на рациональных, гуманистических началах.

Какова гуманитарная, ценностно-мировоззренческая, в том числе *теологическая* составляющая в этой новой пропорции?

В наши дни ученые, изучающие «сложные самоорганизующиеся человекообразные системы»¹⁸⁶, размышляют о ценностях и смыслах изучаемых явлений и процессов, строят свое моральное сознание, обращаясь к различным, близким им по духу философско-этическим взглядам. Это важно, как минимум, чтобы обеспечить качественную этическую экспертизу своих научных проектов¹⁸⁷, а как максимум, разработать и подкрепить, говоря словами крупного российского ученого Л. Д. Фаддеева (1937–2017), «собственный символ веры, данный образованием и опытом»¹⁸⁸, обеспечивающий личную мировоззренческую устойчивость ученого.

¹⁸⁶ *Степин В. С.* Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 50–51.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ *Фаддеев Л. Д.* Научное мировоззрение и «Природа» // Природа. 2017. № 5. С. 75.

Обратим внимание на то, как аккуратно академик Л. Д. Фаддеев рассуждает о вопросах, выходящих, по его мнению, за пределы его профессиональной компетентности:

«Оговорюсь заранее, что термины “наука” и “ученый” будут пониматься в узком смысле, т.е. применительно к естествознанию. То, что у нас называется отраслевой наукой (т.е. инженерное дело), а также гуманитарные и социальные науки имеют свои правила и методы, и я не могу их профессионально обсуждать»¹⁸⁹.

Несмотря на скромность выдающегося физика, приведем характеристики, которыми, по его мнению, должен обладать в своей научной области современный ученый в области естественных наук.

Во-первых, профессионализм. Во-вторых, убежденность в собственных знаниях и перспективности выбранного направления, доверие к коллегам в прошлом и настоящем. В-третьих, скептицизм в смысле свободы от догм, предрассудков и предубеждений. В-четвертых, рационализм, как уверенность во всемогуществе научного познания. В-пятых, интуиция, которую Л. Д. Фаддеев связывает с пока еще нерасшифрованной деятельностью подсознания (предчувствие, озарения, «вещие сны»)¹⁹⁰. Эти принципы, которые формируют мировоззрение ученого, необходимо приводят при рефлексии собственного научного творчества (*опыта*, которым дополняется полученное ранее *образование*) как минимум к философии науки, а как максимум — к теологии.

Почему к теологии? Потому что современные философские идеи, доктрины, исследования,

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же. С. 75–77.

проекты — часть той же неравновесной ситуации в науке. XX столетие и первые десятилетия XXI века показывают, что моральные доктрины, построенные на разных философских или идеологических основаниях, еще менее равновесны, чем научные гипотезы и теории. Они вступают в противоречия друг с другом, порождая дополнительные этические проблемы в науке (а с учетом вовлеченности науки в жизнь социума — также в общественно-политической жизни).

Возможность апеллировать к различным философским авторитетам не спасает ученого от личной моральной, даже социальной ответственности за качество и результаты своей работы, для чего необходима упоминавшаяся выше мировоззренческая устойчивость, которую способна дать теология.

Не логичнее ли ученому, думающему над своим собственным, личным *символом веры*, обратиться не только к эмпирически выбранным философским производным от теологии, но и к самой теологии, не только к копиям, «репликам», «репродукциям», заменителям, но и — хотя бы как дополнение, для объективности картины — к оригиналу?

Логичнее, ответим сразу.

К первоисточнику, к христианскому *Символу веры*. Более того, мы полагаем, что все пять характеристик научного мировоззрения, выведенных Л. Д. Фаддеевым, подталкивают обладающего ими ученого к такому шагу.

И поскольку *опыт* ученого начинается с его *образования*, мы вновь возвращаемся к феномену Университета, включающего в себя тот трехчастный набор, который в той или иной пропорции мы видели во всех версиях, от первой до четвертой: *общую культуру*,

профессиональную подготовку и исследовательские компетенции.

Для нас же это означает необходимость раскрыть — через составление новой пропорции — роль и место теологии в современном университетском образовании.

УНИВЕРСИТЕТ И ОБЩАЯ КУЛЬТУРА. ИЗМЕНЕНИЕ ПРОПОРЦИИ

Мы показали, что теология в университетской формуле — величина постоянная, хотя коэффициенты в версиях 1.0–4.0 менялись. Сделаем набросок формулы Университета-5.0, интегрирующей позитивный опыт предшествующих версий, и постараемся понять, какое качественное место в современном университете занимает и *может* занять теология.

Современный университет — синтез высшего образования и науки, сообщество студентов, аспирантов, преподавателей, исследователей. Это *единое, кампусное по своей природе пространство высокотехнологичной, творческой передачи знаний при подготовке специалистов, профессионалов с критическим мышлением, широким культурным горизонтом и ценностным мировоззрением.*

Можно дополнить последнее предложение, в зависимости от направленности, программы обучения и задач данного университета: *включенных (готовых к включению) в производство новых научных знаний.*

Говоря о *культурном горизонте*, важно уточнить, что мы имеем в виду как *научную культуру* (назовем так компетентные представления о состоянии и перспективных направлениях развития смежных специальностей и отраслей науки), так и *общую культуру*, в том же самом значении, которое мы используем в нашей книге.

И, в завершение, имея в виду ценностное мировоззрение, уточним: оно невозможно без включения в него базовых принципов жизни человека и общества, присущих традиционным религиям, ярче всего выраженных в теологии христианства как религии

Спасения. Эти базовые принципы на протяжении тысячелетий формируют представления человека о мире и о своем месте в этом мире, о законах, по которым живет человек в обществе. Даже если эти принципы предстают в превращенных формах (в различных философско-моральных, социально-экономических учениях, идеологических и политических доктринах), их корни, как мы постарались показать в этой книге, обнажаются, когда мы задаем фундаментальные вопросы о причинах мира, смысле жизни человека, целях развития общества.

Поэтому основы теологии христианства, теологий традиционных религий и как наиболее богатый пласт культурной и исторической памяти народов, и как наиболее глубокий, а также универсальный по содержанию источник ценностного мировоззрения — необходимый элемент формулы Университета-5.0.

Особенностью современного университета, в связи с этим, должно стать отражение в образовательной, культурной, по природе и по организации — социальной среде тенденций развития современной науки и организации научных исследований, о которых мы говорили выше.

Для этого необходимо следующее.

Во-первых, объединение междисциплинарного пространства на новом уровне, осознанное и целенаправленное взаимодействие факультетов (институтов, отделений, департаментов, кафедр и т.п.), формирование междисциплинарных (кросс-научных) образовательных программ, как основных, так и дополнительных, которые расширяют возможности получения новых знаний и так называемых мягких или гибких навыков (soft skills), важных для успешной социализации и карьерного роста.

Принцип экономии знаний, провозглашенный в свое время Ортегой-и-Гассетом, в новой информационной ситуации оказывается не столь актуален. Возможности оперативного получения необходимой справочной информации и хранения крупных ее массивов, доступных для быстрой актуализации, делают современного человека потенциально готовым к компетентному восприятию разнообразных знаний. Поэтому скорее сейчас более современным оказывается уже цитировавшийся нами девиз Гуго Сен-Викторского: «Учись всему — увидишь потом, что ничто не лишне». (Вопрос — в наличии у нас *критического мышления и общей культуры*, о чем будет сказано чуть ниже.)

Во-вторых, формирование информационно-коммуникационной среды и соответствующей материальной инфраструктуры. Можно назвать такую среду *кампусной*. Ее цель — не только комфортное обучение и размещение. Многофункциональность кампусной среды как территории развития университета в последние годы достаточно активно исследуется¹⁹¹. Она должна создавать новые возможности, стимулирующие взаимодействия профессоров, преподавателей,

¹⁹¹ *Сергеева С. В., Дианова Ю. А.* Кампус: сущность понятия и классификация типов // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 6–1. С. 186–190; *Флоря В. М., Флоря М. В., Лапёнок А. С.* Университетский кампус и городская среда // Научные междисциплинарные исследования. Сборник статей III Международной научно-практической конференции. Саратов, 2020. С. 169–176; *Борисова Л. М., Корнева О. Ю.* Университетский кампус как среда обеспечения высокой интенсивности и качества социальных взаимодействий // Математические, естественные и гуманитарные науки: совместные ответы на вызовы перспективных технологий. Тезисы докладов. 2017. С. 33–35; *Лебедева А. Г.* Концепция развития городских кампусов // Актуальные вопросы права, экономики и управления. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Пенза, 2017. С. 63–65.

научных сотрудников, аспирантов и студентов различных направлений подготовки и специальностей.

Иными словами, использование возможностей кампусной жизни в учебной (научно-образовательной) и внеучебной деятельности, а лучше сказать — жизни, может и должна способствовать развитию научной культуры и общей культуры тех, кто вскоре получит диплом о высшем образовании или об ученой степени.

ОБРАЗ ВЫПУСКНИКА: НАБРОСКИ, ПРОБЛЕМЫ, РИСКИ

Отталкиваясь предлагаем от модели или образа выпускника. Начнем с такого важного компонента, как *критическое мышление*.

Мы используем восходящее к Джону Дьюи (1859–1952) понятие *критическое мышление* не в слабом, познавательном-коммуникативном значении (как способность преодолевать границы *обыденного* восприятия информации, анализировать ее логико-психологически, применяя результаты, полученных в различных ситуациях обучения, общения и т.п.), но в более сильном значении, где речь идет о *способности человека к системному самоконтролю и самокоррекции в процессе познания*.

Владение такими способностями очень важно для современного человека, ведь возможность мгновенного удовлетворения запросов, ранее требовавших большого личного труда, приводит к появлению у человека иллюзии легкодоступности знания и провоцирует некритическое восприятие информации.

Процесс познания как путь преодоления препятствий превращается в сознании человека в технические процедуры скачивания, копирования и воспроизведения контента.

Рассмотрим некоторые проблемы и риски.

Отбор контента. Если возможность получения информационных услуг зависит от технических и финансовых возможностей университета и самого студента, то качество получаемых сведений оказывается в зависимости от поставщиков услуг, владельцев ресурсов, производящих, аккумулирующих, сортирующих

и редактирующих информацию, а также регулирующих ее распространение.

Есть и другая проблема.

Нужно ли говорить, фокусируя внимание на образовании, что постоянно развивающиеся онлайн-возможности обучения, при всей их завораживающей технологичности, ведут к трансформации (иногда говорят откровеннее — к деградации) классических образовательных моделей, в центре которых всегда находилось личное общение учителя с учениками, а процесс передачи знания был увязан с процессом воспитания?

К сожалению, нужно, в том числе и в связи с тем, что из формируемых дистанционных технологий обучения в значительной мере вымывается ключевая функция образования — воспитательная.

Нужно ли повторять, что своего рода побочным эффектом нашего погружения в цифровое пространство и зависимости от него становятся информационная незащищенность и ослабление способности критически оценивать информацию?

К сожалению, также нужно.

Напомним об особенностях, выявляемых специалистами у части молодых людей поколения «фиджитал»: внушаемость по отношению к сведениям и оценкам, заимствованным из цифровой реальности, психологическая зависимость от виртуальной среды, клиповое мышление, неустойчивость и тревожность психики, повышенная чувствительность к критике, неудачам, отсутствие твердости в достижении целей, необходимость психологического сопровождения, а также то, чему как важной проблеме посвящено это учебное пособие, — дефицит критического, ценностно-мировоззренческого осмысления

процессов виртуализации жизни, проблем гибридной (дополненной) реальности и др.¹⁹²

Это серьезный узел проблем, требующих не только технических, юридических и финансовых решений, но и *критического мышления, научной и общей культуры* участников информационно-коммуникативных процессов, о чем мы говорили выше.

Еще один проблемный узел, прямо подводящий к необходимости присутствия теологии в университетском образовательном пространстве — *поликультурный, поликонфессиональный характер социальной среды в университете.*

Мы оставляем в стороне геополитические, экономические и военные катаклизмы, заставляющие множество людей менять регионы и страны своего пребывания. Современному миру в принципе свойственна гораздо большая мобильность, чем раньше. Рост культурного и религиозного многообразия связан при этом не только с миграционными сдвигами в мире, но и с активным возвращением религии в сферу публичной жизни, — процессом, обратным той секуляризации, которую мы отмечали, начиная с эпохи Возрождения и вплоть до середины — второй половины XX века.

Авторитетная, распространенная в научных кругах гипотеза известного социолога Юргена Хабермаса (р. 1929) об окончании секулярной эпохи и переходе к постсекулярному миру, то есть, о возвращении религии как социального и политического

¹⁹² *Мамина Р. И., Толстикова И. И. Поколение Z или поколение фиджитал в условиях деловой среды // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2019. № 3. С. 149–159; Tappscott D. Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World? New York, 2009.*

субъекта¹⁹³ в жизнь развитых стран, рождает «подозрение» (это слово использует сам Хабермас), что попытки построить мир на «культурном равноправии» и упрощенно понимаемых принципах межрелигиозного диалога и межкультурной коммуникации — старая идея, живущая в парадигме антропоцентричного и секулярного мышления Просвещения и гуманизма¹⁹⁴.

Традиционные конфессии христианства и ислам вновь воспринимаются как глобальные силы, влияющие на развитие стран и регионов мира. Важно учитывать эти религиозные силы не только как некий культурно-исторический фон, но и как *субъекты, которые все активнее действуют в пространстве образования и влияют на процессы формирования новой образовательной парадигмы.*

Все это сказывается на формировании ландшафта современного образования (за рубежом по-своему¹⁹⁵, у нас — по-своему) и в не меньшей мере, чем первый узел, обращает нас к теме ценностей и мировоззрения.

Применительно к Университету-5.0 это означает, что кампус как современная жизненная, коммуникативная среда должен полноценно обеспечивать образовательную и научную стороны университетской жизни, а также способствовать интеграции поликультурных,

¹⁹³ *Habermas J.* Religion and Rationality: Essays on Reason, God, and Modernity. Cambridge, Mass., 2002; *Idem.* On the Relation between the Secular Liberal State and Religion // The Frankfurt School on Religion: Key Writings by the Major Thinkers. New York, 2005. P. 339–348.

¹⁹⁴ *Хабермас Ю.* Между натурализмом и религией. Философские статьи. М., 2011. С. 285.

¹⁹⁵ См. о различных примерах: *Понкин И. В.* Теологический факультет государственного университета: Европейский опыт правового регулирования... (гл. 1. 1. Статус теологического факультета государственного университета); *Давдов А. Х., Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* История ведущих университетов мира... (Части II–III).

поликонфессиональных сообществ студентов, обеспечивая в то же время сохранение их идентичности.

* * *

Теология конкретна, каждое теологическое учение принадлежит определенной религиозной традиции. Но это не является поводом для разделения. Если говорить о России, то ее история, многовековой опыт жизни многочисленных народов на одной территории, их участия в развитии единого государства формируют устойчивую систему социальных связей и социальной солидарности, которые покоятся на базовых ценностях традиционных религий. Это живое культурно-историческое, социальное и научно-образовательное поле.

Помимо культуро- и государствообразующего значения православия, благодаря которому сложилась и на протяжении многих столетий развивалась Россия, в нашей стране существуют и осуществляют свое служение другие христианские церкви, конфессии, деноминации. В российском исламе более сорока крупных муфтиятов общероссийского, межрегионального и регионального уровней. Работают две всероссийские еврейские централизованные организации. Буддийская традиционная сангха России представляет общины буддистов различных регионов страны.

Компетенции, позволяющие выпускнику университета принимать взвешенные, адекватные решения в такой чувствительной сфере как религия, базируются на знаниях и убеждениях, выходящих за пределы узкопрофессиональной сферы.

Необходимо усилить не только подготовку будущего профессионала с высшим образованием, но и его

воспитание, научить его преодолевать не только дефекты обыденного познания, но и тоннельное мышление «узкого специалиста», а также стереотипы предыдущей секулярной эпохи.

По поводу наших университетов можно указать на более конкретные задачи вовлечения иностранных студентов в нашу культурную среду, которая, в то же время, должна формировать и укреплять общероссийскую гражданскую идентичность российских студентов различных национальностей и вероисповеданий¹⁹⁶.

Выпускник университета должен уметь подняться, когда это необходимо, над внутренней логикой профессии, своей предметной области, быть способным ставить общенаучные, философские, моральные вопросы, а также решать их, преодолевая *эгоцентричность* (личные интересы, в том числе научные) и *социоцентричность* (стереотипы, привычные стандарты познания и практической деятельности).

Блестящий пример такого критического мышления дает упоминавшийся выше академик Л. Д. Фаддеев, и это мышление трудно представить без широкого культурного горизонта и ценностного мировоззрения.

Мы говорим о чем-то большем, чем «мягкие навыки»; о том, что помогает дать внешнюю, критическую оценку эффективности и целесообразности их применения. Культурный горизонт и мировоззрение студента должны формироваться — на принципах того же критического мышления — современными знаниями не только в смежных специальностях (мы назвали это *научной культурой*), но и в науках «других факультетов». Это и есть *общая культура*, то есть знания, интегрирующие представления о природе, обществе

¹⁹⁶ Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. М., 2012. С. 75–76.

и человеку. Они должны даваться всем, вне зависимости от того, какую конкретную специальность и квалификацию укажут в дипломе данному выпускнику университета. Они, эти знания, должны также формировать — дадим уточнение, важное в текущих условиях — историческую и культурную память каждого выпускника, «твердые» навыки принятия зрелых моральных решений, — то самое *ценностное мировоззрение* человека с университетским дипломом.

Еще раз напомним: пути решения этого проблемного узла требуют осмысления в понятиях все той же *общей культуры*, в которую в *новой пропорции входит теология*.

В значительно большем объеме, чем раньше, и в двух форматах, о которых мы сейчас скажем несколько слов.

ТЕОЛОГИЯ В НОВОЙ ПРОПОРЦИИ: КВАЛИФИКАЦИЯ И ПРОФИЛИ

В нашей стране о теологии как о предметной области в образовании, равно как и об отрасли знания, о научной специальности или о группе научных специальностей, в последние годы много пишется и говорится. Важно, что и делается достаточно много.

Теология как направление подготовки в России на уровне бакалавриата была заявлена в 1992 году, на уровне магистратуры — в 1999 году, на уровне аспирантуры — в 2015 году. Иными словами, проект, вокруг вариантов которого велись споры на протяжении нескольких столетий, стал постепенно реализовываться в новейшей истории России.

Путем трудных поэтапных решений, согласований, компромиссов возник феномен «университетской теологии», «теологии в светском образовательном пространстве».

По данным Рособрнадзора, в 2021–2022 учебном году¹⁹⁷ программы по теологии различных уровней реализуются в 96-ти российских вузах. Из них 60 имеют государственную аккредитацию, то есть выдают выпускникам дипломы государственного образца. Ровно половина из 96-ти, то есть 48 высших учебных заведений (включая 3 филиала), имеют статус федеральных государственных образовательных учреждений высшего образования и являются классическими университетами, педагогическими вузами и вузами культуры. Другие 48 — конфессиональные вузы, а также автономные и частные образовательные организации.

¹⁹⁷ В архиве автора имеется копия соответствующего письма заместителя Руководителя Рособрнадзора от 30 ноября 2021 г.

Большее число программ конфессионально связаны с православием и исламом, имеются программы по протестантской теологии и по иудейской теологии. Бакалавриат в основном «привязан» к одной традиционной религии, всего несколько университетов ведут подготовку одновременно по двум конфессиональным профилям, точнее, имеют по два отделения (православная теология и исламская теология) на одной кафедре.

Профили магистерских программ весьма разнообразны. Вот только несколько примеров: «Современные национальные и религиозные отношения», «Новейшая история конфессии», «Социально-теологическая и религиоведческая экспертиза», «Менеджмент государственно-конфессиональных отношений: православная теология», «Актуальные вопросы исламской теологии», «Наука и религия (христианский профиль)».

Важные для теологии вопросы, такие как перспективные профили подготовки, востребованность выпускников, социальный заказ, требуют обсуждения. Мы обратимся здесь к тексту программного выступления Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Второй Всероссийской конференции «Теология в современном научно-образовательном пространстве». В нем, по нашему убеждению, дан анализ ситуации и намечаются ключевые направления работы.

Момент первый: университет не может и не должен готовить священника. Приведем цитату из выступления Предстоятеля Русской Православной Церкви¹⁹⁸:

¹⁹⁸ Здесь и далее цитаты из программного выступления приводятся по изданию: *Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Теология и ценности: будущее России // Теология и образование. 2019. Ежегодник Научно-образовательной теологической ассоциации. М., 2019. С. 9–13.*

«Говоря о важности развития теологии как научной отрасли, мы не предполагаем — опять хотел бы это подчеркнуть — нарушать принцип светскости образования, которое дается в университете. Я слышал байку, что, мол, хитрые церковники хотят за бюджетные деньги в высших учебных заведениях батюшек подготавливать. Могу всех обрадовать (или разочаровать): ничего подобного не будет. По одной причине — подготовка священников требует куда более основательного подхода, чем организация теологии в высшей школе. Подготовка священнослужителей — это сложный процесс, который, конечно, включает очень существенную интеллектуальную составляющую, но не только. Священника нельзя подготовить лишь как специалиста, знающего предмет. Его нужно подготовить как человека, способного работать с человеческими душами, его нужно воспитать. Его нужно сформировать как личность, способную один на один, при встрече с современным человеком, помогать ему на жизненном пути. Конечно, никакая теология в университетском объеме не способна это обеспечить. Для того существуют духовные академии, семинарии, но даже они не могут в полной мере сразу подготовить священника к той высокой миссии, которую он осуществляют. Поэтому огромную роль играет пастырская работа, обучение священника в реальных «полевых» условиях, то есть в условиях приходской работы, когда он остается один на один со своей паствой, когда он осознает огромную ответственность, которая на него ложится, и, конечно, растет в атмосфере этой ответственности. Вот так происходит формирование священника, который способен в нынешних условиях нести свое трудное пастырское служение».

Второй момент: *общая культура*. Именно в этом смысле Патриарх Кирилл говорит о том, что

«...теология в светском образовательном и научном пространстве должна ... готовить специалистов, которые бы глубоко знали вероучение религиозной традиции, которое формирует ценностное мировоззрение или, как принято говорить, культурные коды. Как можно говорить о нравственной традиции нашего

народа, как можно понять Достоевского, не зная того, что есть православие? Как можно понять тот колоссальный духовный и эстетический посыл, который обращает нам, людям XXI века, через икону Святой Троицы преподобный Андрей Рублев? Для того чтобы иметь возможность открывать эти двери, обогащать себя новыми знаниями, приобщаться к величайшей духовной, нравственной и культурной традиции нашего народа, нужно знать то, о чем мы сейчас говорили».

Третий момент: некомпетентность в вопросах веры дорого обходится. Теология играет важную роль в профилактике псевдорелигиозного экстремизма.

«Сейчас на повестке дня, — замечает Патриарх Кирилл, — создание качественной современной системы теологического образования в России. Мы обязаны предоставить студентам знания о доктринах основных религиозных традиций. Убежден, что это вопрос, в том числе, государственной важности. От его решения во многом зависит сохранение гражданского согласия и межрелигиозного мира в нашей стране. Религиозная составляющая очень значима в современном обществе, поэтому некомпетентность в вопросах веры весьма дорого обходится людям: этой неграмотностью, как известно, пользуются те, кто стремится к дестабилизации общества, к использованию религии в политических целях.

Мне много раз приходилось участвовать в обсуждении темы религиозного экстремизма. Как мы знаем, его проявления имеют место и в нашей стране, и оцениваются эти события по-разному. Моя позиция заключается в том, что нам нужно усиливать религиозное образование, с тем чтобы никто не мог использовать религиозный фактор в злонамеренных целях, для провокации действий, которые несут за собой катастрофу, человеческую трагедию, когда во имя неправильно понятых религиозных целей бомбы взрывают. Сегодня это в большей степени является проблемой наших мусульманских братьев, и поэтому, когда я говорю о необходимости теологического образования, я имею в виду образование не только православное, но и мусульманское,

то есть изучение Корана и основ ислама, всего того, что при неправильной интерпретации порой толкает людей на совершение страшных поступков».

Четвертый момент. Востребованность теологов на государственной службе.

«В каких областях жизни могут быть востребованы теологи? Считаю, что на базе вузовского теологического образования можно и нужно развернуть подготовку специалистов в сфере межрелигиозных, межконфессиональных и межэтнических отношений для государственной службы, для работы в муниципальных образованияах. Специалистов, которые будут глубоко понимать специфику религиозных традиций, обладать качественными знаниями в этой области. Для того чтобы понять душу православного человека, нужно, конечно, самому быть православным. Но даже если ты не являешься православным, ты должен максимально глубоко войти в эту стихию, увидеть ее изнутри, понять, что является для православного притягательным, светлым, радостным, а что является очень болезненным. То же самое можно сказать и об исламе, иудаизме, буддизме, других наших религиях».

Теологи с соответствующим профилем подготовки должны отвечать требованиям профессионального стандарта специалиста в области религиозных и национальных отношений. Этот стандарт утвержден, дело осталось за тем, чтобы органы государственной власти и муниципального управления осознали ресурс таких специалистов, а также теологов-специалистов в сфере средств массовой информации, по связям с религиозными объединениями.

Пятый момент. Теология важна для подготовки современного школьного учителя.

«Работа теолога-педагога в школе может обеспечить качественное преподавание Основ религиозной

культуры. Замечательно, что Основы религиозной культуры сегодня преподаются, но, простите, скажу вам откровенно: мы считаем, что пока они преподаются только для галочки. Потому что за один год, при одном часе в неделю, никаких серьезных знаний дать невозможно. Предмет появился, но в полной мере свою роль он не исполняет. У нас есть новая предметная область — «Духовная культура народов России», — и мы очень надеемся, что в рамках реализации этой предметной области будет увеличено количество часов для преподавания Основ религиозной культуры. Вот тогда и потребуются теологи, специалисты, которые могли бы прийти в школу и заняться этим очень важным делом. Не только для передачи соответствующих религиозных знаний в мирном, спокойном, нужном для общества ключе. Также они могли бы активно участвовать в воспитательном процессе, в становлении патриотического сознания наших школьников. И, конечно, важно, чтобы появление высококвалифицированных педагогов помогло

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, митрополит Иларион и М. Н. Стриханов на пленарном заседании Второй Всероссийской конференции «Теология в современном научно-образовательном пространстве». Москва, НИЯУ МИФИ, 2 ноября 2018 г.

бы школьникам реально приобщаться к истокам своей культурной традиции, формировать устойчивые нравственные принципы, столь необходимые для участия уже взрослого человека в межличностных и общественных отношениях, для сопротивления тому информационному потоку, о котором говорил Михаил Николаевич Стриханов. Если у наших детей не будет ясных убеждений и чувства нравственности, то информационный поток может смести все. И хотел бы еще раз подчеркнуть, что для преподавания в школах нам нужно воспитывать новое поколение теологов-преподавателей».

Итак, где могут быть востребованы специалисты с теологическим образованием, имеющие бакалаврский или магистерский диплом? Прежде всего, названа сфера педагогики. В школах преподаются дисциплины «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ), имеется предметная область «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (ОДНКНР) — относительно новая, она вызывает дискуссии, но постепенно наполняется содержанием. Сейчас эти дисциплины преподают самые разные специалисты: в основном это учителя истории, литературы, где-то — младших классов. Часто им не достаёт именно теологической квалификации.

В школу должны прийти люди высококвалифицированные, компетентные. Что означает быть компетентным в вопросах веры? Мало знать кое-какие общекультурные вещи и факты, надо уметь их правильно излагать с точки зрения вероучения и корректно с точки зрения культурологического подхода, который принят в школе. Это проблема, которую может решить хорошо подготовленный специалист, и именно для этого в университетах стали появляться образовательные программы, которые стараются сочетать педагогические компетенции и теологические.

Здесь важны баланс теологического и педагогического начал и их синтез, как в варианте «бакалавриат плюс магистратура», так и в программах специалитета.

При расширении преподавания этой предметной области на всю основную среднюю школу, можно ориентироваться на подготовку учителей-теологов, которые на бакалавриате могли бы учиться теологии, а в магистратуре — педагогике. Возможно и обратное: педагог — историк, литератор, преподаватель иностранного языка — может поступить в магистратуру на теологию. Так решается двуединая задача: готовим преподавателей с *общей культурой и ценностным мировоззрением*.

Шестой момент. Подготовка кадров высшей квалификации и планирование будущего.

«Теперь, — продолжает Патриарх Кирилл, — я хотел бы сказать несколько слов о том, что развивать теологическое образование необходимо для постепенного формирования, во взаимодействии с государственными органами и научным сообществом, профессиональной экспертной среды, которая обеспечит квалифицированную оценку защиты диссертаций. Потому что нужно готовить не только учителей для школы, но и ученых. А для этого должна быть выстроена вся вертикаль изучения теологии, которая включает в себя, в том числе, защиту кандидатских и докторских диссертаций. Конечно, я рассчитываю на то, что созданная Научно-образовательная теологическая ассоциация сыграет здесь свою положительную роль.

Опыт недавнего прошлого показывает, что восприятие истории без учета религиозного опыта ущербно, как ущербно, а потому и ошибочно, планирование будущего. Религиозный опыт народа, религиозная традиция всегда и во всех странах учитывалась при анализе того, что происходит с обществом, народом, государством. Точнее, учитывалась до недавнего времени; насколько учитывается сегодня в западных странах — не знаю, не мне судить. Но, к сожалению, и у нас, где традиции

православия, ислама и других традиционных религий все-таки достаточно сильны, — не могу сказать, насколько при анализе происходящего в современном российском обществе обращается внимание на религиозный фактор. А конечно, было бы очень важно, чтобы религиозный фактор принимался серьезно во внимание не только при анализе, но и при планировании нашего будущего».

По большому счету, это выступление не нуждается в дальнейших комментариях. Постараемся на заключительных страницах нашего учебного пособия развить некоторые пункты, которые сформулировал в своем программном выступлении в 2018 г. Предстоятель Русской Православной Церкви.

ТЕОЛОГИЯ КАК НАУКА: СПЕЦИАЛЬНОСТИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Подготовка кадров высшей квалификации — это прежде всего аспирантура, обучаясь в которой ученый готовит к защите диссертацию.

На втором, продвинутом уровне речь уже идет о докторских диссертациях. Для того чтобы писать докторскую работу, не обязательно проходить подготовку в докторантуре.

Защиты кандидатских и докторских диссертаций осуществляются в диссертационных советах, входящих в сеть Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Один совет был открыт в Москве (объединенный совет на базе Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Общецерковной аспирантуры и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета; первая защита состоялась в 2017 году).

Второй действующий совет находится в Санкт-Петербурге, на базе Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Этот совет уникален межотраслевым характером — в нем можно защищаться не только по теологии, но и по педагогическим наукам — по специальности «Теория и методика обучения и воспитания (теология, основы религиозных культур и светской этики, отрасли педагогические науки)».

Защиты по теологии проходят в Санкт-Петербургском государственном университете, по собственным правилам университета в специально создаваемых под каждую защиту диссертационных советах. В СПбГУ была защищена единственная пока в России докторская диссертация по исламской теологии.

Таким образом, при том, что аспирантские программы по теологии стали открываться лишь с 2015 года, а система советов фактически заработала в 2017 году, мы имеем три докторские и порядка двадцати пяти кандидатских диссертаций по теологии за 5 лет.

Могут сказать, что в абсолютных цифрах это немного. Действительно, немного. Существуют аргументы и факты, свидетельствующие о сложностях, возникающих на пути тех, кто решается на подготовку и защиту диссертаций по теологии, но мы не будем к ним обращаться.

Приведем один сравнительный пример: развитие такой важной отрасли общественных и гуманитарных наук как экономика. Но не в наши дни, а в первые 10–15 лет институционализации экономики как научной отрасли, по которой присуждаются ученые степени. Это будет, образно говоря, небольшое возвращение ко времени Университета-4.0 в его советской модификации.

Напомним, что вместе с восстановлением, а лучше сказать — учреждением в 1934 году новых ученых степеней доктора наук и кандидата наук, началась аттестация научных и научно-педагогических кадров.

Известно, что на первом этапе, в 1933–1935 годах, значительному числу партийных и государственных деятелей, преподавателей политической экономики из «коммунистических академий» и «институтов

красной профессуры» ученые степени присуждались без написания работ и публичных защит¹⁹⁹.

Но даже с учетом этого, при всем бурном росте предвоенной советской экономики, бережном отношении государства к научным кадрам во время Великой Отечественной войны и послевоенные годы, в конце 1940-х годов в стране насчитывалось не более ста докторов экономических наук, часть которых получили ученую степень без защиты.

Иными словами, даже спустя 15 лет после возрождения системы научной аттестации, в год во всем Советском Союзе проходили не более трех-четырёх защит докторских диссертаций по экономическим наукам²⁰⁰. Кандидатских диссертаций было, конечно, больше, и в этом смысле пример не содержит прямой аналогии. Но все же позволяет по-другому оценить число защит по теологии в современной России.

В нашей стране каждая научная специальность описывается в специальном паспорте, который утверждается Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования России. В таком документе, который разрабатывается ведущими представителями соответствующей отрасли знания, должны быть раскрыты предмет и объект специальности, ее основное содержание, а также описаны основные направления и рамки исследований.

Важным шагом в развитии отрасли стала разработка и утверждение в 2018 году нового паспорта научной специальности 26.00.01 — Теология, который

¹⁹⁹ Козлова Л. А. «Без защиты диссертации...»: Статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 145–158.

²⁰⁰ Дзарасов С. С., Меньшиков С. М., Попов Г. Х. Судьба политической экономики и ее советского классика. М., 2004. С. 142.

закрепил концепцию единства отрасли при вариативности исследовательских направлений (на тот момент: православие, ислам, иудаизм).

В 2020–2021 годах в рамках общероссийской работы по обновлению всей номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, были разработаны паспорта трех научных специальностей: 5.11.1 — Теоретическая теология, 5.11.2 — Историческая теология, 5.11.3 — Практическая теология.

Важно еще раз подчеркнуть: теология является единой отраслью знания, в которой содержится одна группа научных специальностей, перечисленных выше. Теология как наука не делится «по конфессиям» и не принадлежит отдельным религиозным организациям. Но каждая из трех теологических научных специальностей имеет в своем паспорте описание конфессиональных исследовательских направлений.

Разработка и включение в содержание научных специальностей новых направлений осуществляется в заявительном порядке — по предложению научно-теологического сообщества, поддержанному соответствующими централизованными религиозными организациями, заинтересованными в развитии конфессиональных сегментов теологии. (Отсюда понятно, например, что католицизм, одна из традиционных конфессий христианства, пока не представлен в паспортах не из-за предвзятого отношения к теологическому наследию Римско-Католической Церкви, но из-за того, что на данный момент отсутствует запрос от соответствующих конфессиональных организаций, зарегистрированных в России, и профессионального теологического сообщества.)

В 2022 году к включенным в паспорта специальностей исследовательским направлениям, то есть православию, исламу и иудаизму, был добавлен протестантизм. Это стало возможным благодаря объединению протестантских религиозных организаций России, выступивших с консолидированной позицией, и объективной оценке со стороны теологов, которые обсудили и совместно описали содержание и границы этого направления. Соответствующие изменения в паспортах всех трех специальностей были официально утверждены Министерством науки и высшего образования России и зарегистрированы российским Министерством юстиции.

Важным для понимания того, как определяются и расширяются проблемные поля теологии, выступает понятие *конфессиональное исследовательское направление*. Посмотрим, что оно подразумевает.

Во-первых, в объем этого понятия попадают религиозные традиции, имеющие конфессионально дифференцированный состав. Примерами могут выступить ислам и иудаизм. Эти религии, при единстве вероучительного ядра, не являются однородными, они состоят из различных направлений и течений.

Во-вторых, сюда можно отнести традиции, сами являющиеся конфессиями в составе религий (православие, католицизм, протестантские деноминации — как конфессиональные разновидности христианства).

В-третьих, оно отвечает возможностям расширения конфессионального списка. Например, недавно появившееся предложение Буддийской традиционной сангхи России дополнить перечень исследовательских направлений научных специальностей группы 5.11 Теология направлением «Буддийская теология»,

оставляет возможность использования этого понятия и соответствующего подхода, поскольку изначальные смыслы понятия конфессия (лат. *confessio* — «признание», «исповедание») вполне приемлемы для буддийского мировоззрения, причем в различных его вариантах.

Теперь дело за теми, кто, исповедуя буддизм и принадлежа ему, будет готов к рациональному изложению его вероучения на языке теологии.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ОКРАШЕННОСТЬ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научно-исследовательская деятельность в теологии (равно как во всех остальных отраслях науки) регулируется в России законодательством о науке, а не законодательством о свободе совести и религиозных объединениях.

При этом не следует забывать и о том, что в теологии речь идет не только об изучении религиозных традиций как мощного пласта исторического наследия народов России, но и *об изучении с позиций теологии* (теологических доктрин) традиционных религий (конфессий) гораздо более широкого, нежели внутренние задачи, спектра вещей и явлений, включая мировоззренческие основы существования мира, человека и общества.

Каждая традиция, нашедшая свое выражение в теологии, как мы уже замечали, имеет свое вероучительное ядро, аксиоматику, выходящую за пределы науки (теология во втором значении), а также догматическое учение и более широкий спектр доктрин, дисциплин и т. п., рационально излагающих и раскрывающих традицию (теология в третьем значении).

Можно посмотреть, какое тематическое разнообразие исследований было представлено в рамках конкурса научных проектов Российским фондом фундаментальных исследований, который наряду с Российским научным фондом в 2019–2020 годах провел работу по включению теологии в число научных направлений, поддерживаемых в рамках конкурсов. Первым стал конкурс Российского фонда фундаментальных исследований «Теология в контексте междисциплинарных научных исследований» (2021–2022).

Среди направлений этого конкурса, помимо традиционной тематики, дающей возможность изучения теологического наследия и различных аспектов религиозных учений, можно увидеть действительно междисциплинарные направления: «Теология в контексте психологии, антропологии и когнитивных наук»; «Теология и филология. Проблемы изучения, интерпретации и перевода священных текстов, анализа источников и документов»; «История теологической мысли в контексте развития культуры, философии, науки», «Теология и ценности: мораль, право, искусство, образование», «Религия и теология как факторы формирования культуры и искусства»; «Теология и история. Проблемы изучения религиозных традиций и роли религиозных организаций в развитии общества» и др.

Вот некоторые справочные данные:

Из 254 заявок были поддержаны 58 проектов, отражающих исследования в различных областях и по различным религиям (христианство, ислам, иудаизм, буддизм). При этом по православной теологии были поддержаны 7 проектов, по исламской теологии 3, по иудейской теологии 1 проект. Менее конфессио-нально окрашенными были заявки по истории теологии и философским проблемы (5 поддержанных проектов). Наибольшее число проектов (их 42), однако, имеют междисциплинарный характер.

Среди университетских ученых, кстати, больше всего победителей было из Санкт-Петербургского государственного университета (7 проектов).

По два гранта получили: Высшая школа экономики, Российский университет дружбы народов, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского и др., а также ведущие духовные школы Русской Православной Церкви (Московская и Санкт-Петербургская духовные академии, Православный

Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Обще-
церковная аспирантура и докторантура).

Промежуточные итоги конкурса подтверждают специфику теологии, о которой мы уже говорили: как при изучении внутренних для данной традиции тем (например, истории со всеми вспомогательными историческим дисциплинами), так и при изучении тематик, направленных вовне, существуют зоны с большей или меньшей конфессиональной окрашенностью. Чем ближе к вероучительному ядру, тем строже и ответственнее работа теолога в догматическом отношении; чем дальше от центра находятся зоны исследовательского интереса ученого, тем больше междисциплинарных пересечений и возможностей использования методов социальных, гуманитарных, а иногда естественных и технических наук для теологических исследований.

Эти особенности и закономерности организации дисциплинарного пространства теологии еще предстоит осмысливать и обсуждать в контексте новой образовательной парадигмы и идеи Университета-5.0.

ТЕОЛОГИЯ КАК ОБЩЕРОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ: МЕЖВУЗОВСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

14–15 июня 2017 года в Москве, на площадке Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» состоялась научная конференция «Теология в гуманитарном образовательном пространстве». Конференция стала общественным и научным событием общероссийского уровня, отразившим результаты и перспективы становления теологии как отрасли знания.

Президиум пленарного заседания конференции (слева направо):
М. Н. Стриханов, О. Ю. Васильева, митр. Иларион,
А. А. Фурсенко, В. М. Филиппов

Одним из предложений, которое обсуждалось в кулуарах конференции, было создание отраслевой ассоциации вузов. Такое межвузовское сообщество было учреждено год спустя: по инициативе ректоров нескольких ведущих вузов в 2018 году родилась Ассоциация образовательных организаций «Научно-образовательная теологическая ассоциация» (НОТА).

Соучредителями Ассоциации стали: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

(в лице В. А. Садовниченко), Санкт-Петербургский государственный университет (в лице Н. М. Кропачева), Общецерковная аспирантура и докторантура (в лице митрополита Илариона (Алфеева)), Российская академия народного хозяйства и государственной службы (в лице В. А. Мау), Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (в лице М. Н. Стриханова), Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (в лице протоиерея Владимира Воробьева), Северо-Кавказский федеральный университет (в лице А. А. Левитской), Московский педагогический государственный университет (в лице А. В. Лубкова) и Московский архитектурный институт (государственная академия) (в лице Д. О. Швидковского).

По состоянию на 2022 год НОТА объединяет 77 ведущих университетов, академий, институтов и конфессиональных образовательных вузов от Калининграда до Владивостока, от Архангельска до Севастополя.

Согласно своему уставу, Ассоциация является добровольным объединением образовательных организаций, призванным способствовать развитию теологии как отрасли научного знания и комплекса образовательных дисциплин, повышению качества преподавания теологии в России, объединению научно-организационной, научно-методической и экспертной деятельности российских вузов в сфере теологии.

Участие в Ассоциации могут принимать образовательные организации различных типов и организационно-правовых форм.

В состав Ассоциации входят два университета с особым статусом — МГУ имени М. В. Ломоносова и СПбГУ.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, напомним, стал в 2016 году

соучредителем объединенного диссертационного совета по теологии. На базе философского факультета МГУ проходили ряд крупных мероприятий НОТА. Университет на протяжении пяти лет является организатором ежегодной Всероссийской конференции «Теология в научно-образовательном пространстве».

Санкт-Петербургский государственный университет реализует несколько образовательных программ в теологической и смежных предметных областях, разрабатывает и внедряет онлайн-курсы по теологии. В университете теология аккредитована на уровне аспирантуры. По правилам, установленным в СПбГУ, проводятся защиты докторских и кандидатских диссертаций, о чем было упомянуто выше.

В СПбГУ издается международный отраслевой журнал «Вопросы теологии», который стал авторитетным отраслевым изданием. Петербургский университет также на протяжении пяти лет является организатором ежегодной Всероссийской конференции «Теология в научно-образовательном пространстве», в том числе, в качестве федеральной площадки (2020 г.). Ученые СПбГУ приняли активное участие в также упомянутом выше первом теологическом конкурсе РФФИ. В университете сформировались центры изучения исламской и иудейской теологии. В 2022 году открыт Институт теологии СПбГУ.

В состав Ассоциации также входят пять федеральных университетов, расположенных в межрегиональных центрах, стратегически важных для развития России: Балтийский имени И. Канта, Дальневосточный, Северный (Арктический), Северо-Кавказский и Южный.

Семь национальных исследовательских университетов также являются членами Ассоциации: ВШЭ,

МИФИ, МЭИ, а также Белгородский, Мордовский, Пермский и Саратовский университеты.

В составе НОТА десять педагогических университетов: Московский педагогический государственный университет, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, Уральский государственный педагогический университет, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова, Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.

Кроме того, в Ассоциацию входят Санкт-Петербургский государственный экономический университет, один вуз системы МЧС — Ивановская пожарно-спасательная академия и один вуз Министерства культуры России — Кемеровский институт культуры.

Среди вузов религиозно-конфессиональной направленности — 17 православных высших учебных заведений, 2 исламские образовательные организации. НОТА имеет соглашения о сотрудничестве с Советом по исламскому образованию, Учебным комитетом Русской Православной Церкви, Советом по протестантскому образованию России и Научно-экспертным советом по образованию при Главном раввине России (Федерация еврейских общин России).

Ежегодно совместно или под эгидой НОТА проводятся более 50-ти крупных и значимых мероприятий,

причем в 2020–2022 гг., несмотря на особенности дистанционного формата работы образовательных организаций, их не стало меньше, — проводились они в смешанном формате.

Межвузовское взаимодействие стало важным фактором развития теологии в России.

Библиография

Борисова Л. М., Корнева О. Ю. Университетский кампус как среда обеспечения высокой интенсивности и качества социальных взаимодействий // Математические, естественные и гуманитарные науки: совместные ответы на вызовы перспективных технологий. Тезисы докладов. 2017. С. 33–35.

Даудов А. Х., Паламарчук А. А., Федоров С. Е. История ведущих университетов мира. СПб.: Алетейя, 2021. 90 с.

Дзарасов С. С., Меньшиков С. М., Попов Г. Х. Судьба политической экономики и ее советского классика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 460 с.

Козлова Л. А. «Без защиты диссертации...»: Статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 145–158.

Лебедева А. Г. Концепция развития городских кампусов // Актуальные вопросы права, экономики и управления. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Пенза, 2017. С. 63–65.

Лекторский В. А., Аршинов В. И., Кузнецов В. Ю., Пружинин Б. И. Постнеклассическая наука и социокультурный контекст // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 8. С. 745–753.

Мамина Р. И., Толстикова И. И. Поколение Z или поколение фиджитал в условиях деловой среды // Информационное

общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2019. № 3. С. 149–159.

Никифоров А. Л. Что такое «постнеклассическая наука?» // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2013. № 2. С. 59–64.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Теология и ценности: будущее России // *Теология и образование*. 2019. Ежегодник Научно-образовательной теологической ассоциации. М.: НИЯУ МИФИ, 2019. С. 9–13.

Понкин И. В. Теологический факультет государственного университета: европейский опыт правового регулирования. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. 212 с.

Сергеева С. В., Дианова Ю. А. Кампус: сущность понятия и классификация типов // *Современные наукоемкие технологии*. 2021. № 6–1. С. 186–190.

Степин В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2013. № 4. С. 45–59.

Фаддеев Л. Д. Научное мировоззрение и «Природа» // *Природа*. 2017. № 5. С. 75–77.

Флоря В. М., Флоря М. В., Лапёнок А. С. Университетский кампус и городская среда // *Научные междисциплинарные исследования. Сборник статей III Международной научно-практической конференции*. Саратов, 2020. С. 169–176.

Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения / Пер. с нем. М.: Весь мир, 2012. 155 с.

Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи / Пер. с нем. М.: Весь мир, 2011. 332 с.

Habermas J. On the Relation between the Secular Liberal State and Religion // *The Frankfurt School on Religion: Key Writings by the Major Thinkers*. New York: Routledge, 2005. P. 339–348.

Habermas J. Religion and Rationality: Essays on Reason, God, and Modernity. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002. 184 p.

Higton M. A Theology of Higher Education. New York: Oxford University Press, 2012. viii, 284 p.

Tappscott D. Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World? New York, 2009. 384 p.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.
ОБЩАЯ КУЛЬТУРА И ТЕОЛОГИЯ

Внешне все обстоит неплохо. Теологов у нас в стране готовят в университетах наряду с конфессиональными вузами. Однако задача сделать теологию значимым элементом *общей культуры* (в том смысле, какой мы вкладываем в это понятие вслед за Ортегой-и-Гассетом) только начинает определяться. Поэтому решение ключевой задачи — включить теологию в общую культуру Университета-5.0 — еще впереди.

Приведем слова О. Ю. Васильевой, в 2016–2020 годах Министра образования и науки России, Министра просвещения России, с 2021 года — Президента Российской академии образования, из выступления на пленарном заседании первой Всероссийской конференции по теологии 14 июня 2017 года:

«В оксфордском Тринити-колледже, в Великобритании, я, в разговоре с деканом, заинтересовалась ранжиrom специальностей: какая специальность при подготовке в колледже на первом месте, какая на втором и т.д. Декан очень спокойно сказал мне, что на первом месте у них стоит теология, далее идёт английская литература, затем — английская история, и только потом все остальные дисциплины. Естественно, я задала вопрос о том, почему теология в их системе оказалась на первом месте. На что мне декан очень взвешенно ответил: если мы научим теологии, имеется в виду мировоззренчески, то всему остальному научим точно...»²⁰¹

Понятно, что это оксфордская традиция, восходящая к Университету первой версии. Но это традиция живая, действующая и в наши дни.

²⁰¹ Цитируется по расшифровке записи выступления О. Ю. Васильевой, имеющейся в распоряжении автора. См. также: Теология и образование. 2018. Ежегодник Научно-образовательной теологической ассоциации. М.: Познание, 2019. С. 11; Васильева О. Ю. Я против противопоставления советской и российской науки о религии... // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. Т. 32. № 3. С. 301.

* * *

Теология, как мы показали в настоящем учебном пособии — это особый предмет, особая отрасль знания. Она специфична не только потому, что каждый, кто к ней обращается, формирует собственное мировоззренческое к ней отношение, но и потому, что различные части нашего общества от теологии ожидают чего-то своего.

Представим себе равносторонний треугольник. Одна из вершин этого треугольника — традиционные религии.

Понимание теологии и сами теологические учения в религиозных традициях складывались столетиями. Можно заглянуть, например, в любую духовную школу Русской Православной Церкви и посмотреть на расписание: там изучают догматическое богословие, литургику, апологетику, основное богословие, патрологию, церковную историю, нравственное богословие, аскетику и другие дисциплины, то есть теологию в более строгом смысле. Она вплетена в ткань жизни семинарии или академии, взаимосвязана с богослужениями, многочисленными и разнообразными послушаниями, формирующими личность будущего священника, церковного служителя, иконописца, певца церковного хора, работника церковных учреждений.

Вторая вершина треугольника — университетское сообщество, гуманитарная (и не только гуманитарная, разумеется) научная среда. Это среда светская, которая видит в теологии базовые ценности мировоззрения. Или, как минимум (вариант для тех, кого во Введении мы просили не стараться *специально, чтобы не верить*), важную часть содержания *общей культуры*,

воплощенную в литературе, музыке, живописи, скульптуре, архитектуре.

Университетское сообщество, вместе с тем, часто ожидает от теологии не столько практического, религиозного (чего и не следует искать в университете), но больше философского, культурологического, историко-литературного дискурса. И здесь возможности рациональной теологии далеко не исчерпаны. Она была и остается членом семьи гуманитарных наук.

Но есть и третья вершина треугольника — государство, благодаря которому теология включена в программы вузов как направление подготовки, а в номенклатуру специальностей — как отдельная отрасль или группа.

Государственная власть заинтересована в том, чтобы системно решались задачи воспитания, укреплялась социальная солидарность в обществе, чтобы при всем этнокультурном разнообразии страны формировалась общероссийская идентичность ее граждан. Теология и здесь играет важную роль, именно как составляющая истории, морали, культуры, участвуя в формировании личности современного человека.

Теология — часть нашего мировоззрения, основа базовых нравственных понятий. Она должна стать элементом подготовки учителя в школе и вузовского преподавателя, работающего вместе с коллегами — преподавателями истории, философии, культурологии, политологии, социологии. Ее необходимо включить, хотя бы небольшим модулем или курсом, в расписание занятий каждого высшего учебного заведения.

Делать это нужно с минимальным нажимом, без попыток индоктринации, без желания кого-то насильно привести к вере. Но дать возможность учащемуся более глубоко, системно осмыслить роль и место

религии в культуре, в жизни общества, возможность идентифицировать себя с нашей традицией — необходимо. Важнейшей темой при этом должен стать вопрос качества преподавания. Здесь — поле сотрудничества с педагогикой, психологией, науками об образовании.

Университет — открытая социальная среда, остро чувствующая и переживающая глобальные вызовы.

Теология на протяжении многих столетий завершала круг свободных искусств или наук. Она, как высший факультет университета, как система дисциплин, включала в себя, напомним, и дескриптивную (описание мироустройства и места человека в мире), и нормативную (этика, ценности, мировоззрение) функции, венчая курс высшего образования и дорисовывая образ науки. Столь важной частью нашей культуры и истории, столь серьезным интеллектуальным, духовным, воспитательным ресурсом нам надо вновь научиться пользоваться.

Библиография

Теология и образование. 2018. Ежегодник Научно-образовательной теологической ассоциации. М.: Познание, 2019.

Васильева О. Ю. Я против противопоставления советской и российской науки о религии... // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. Т. 32. № 3. С. 295–301.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

В дополнительный библиографический список включены некоторые источники, научные, учебные и справочные работы, которые помогут аспирантам в более широком контексте познакомиться с основными темами, которые охватываются учебным пособием.

Библиография, использованная в пособии и приведенная в конце глав, в этот список не включена.

Источники

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Синодальный перевод. Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык. СПб.: РБО, 2003.

Василий Великий, свт. Послание к юношам о пользе греческих книг. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2018.

Кант И. Религия в пределах только разума // *Его же.* Тракаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 78–278.

Климент Александрийский. Педагог / Пер. с греч. Н. Н. Корсунского, свящ. Г. Чистякова. М.: Учебно-информ. экуменический центр ап. Павла, 1996.

Климент Александрийский. Строматы. Кн. I–III. СПб.: Изд-во О. Абышко, 2003.

Марциан Капелла. Бракосочетание Филологии и Меркурия: [Кн. I–IX] / Пер., коммент., вступ. ст. Ю. А. Шахова. М.: Петроглиф; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019.

Мистическое богословие Восточной церкви / Пер. с древнегреч.; сост. и предисл. Л. С. Кукушкина. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001.

Порядок и устройство занятий в Обществе Иисуса (фрагмент) / Вступ. ст., пер. Д. В. Шмонева // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 4. С. 308–326.

Сочинения Беды Досточтимого и интеллектуальные традиции его эпохи / Под общ. ред. М. С. Петровой. М.: Аквилон, 2020.

Исследования и литература

Антоний Сурожский, митр. Пастырство / Сост. Е. Майданович; пер. с англ. Т. Л. Майданович. М.: Никея, 2012.

Брэдшоу Д. Аристотель на Востоке и на Западе. Метафизика и разделение христианского мира / Пер. А. Р. Фокина, А. И. Кырлежева. М.: Языки славянских культур, 2012.

Вдовина Г. В. Интенциональность и жизнь. Философская психология постсредневековой схоластики. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019.

Вдовина Г. В., Шмонева Д. В. Об интенциональности и жизни, или Почему философам и психологам не стоит отказываться

от исторических корней своих наук // Вопросы теологии. 2019. Т. 1. № 4. С. 591–600.

Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс–Традиция, 2003.

Гайденко В. П., Смирнов Г. А. Западноевропейская наука в средние века. М.: Наука, 1989.

Губоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и современном состоянии. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 2002.

Зубов В. П. Аристотель. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963.

Иларион (Алфеев), митр. Православие: в 2 т. 4-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012.

Иларион (Алфеев), митр. Иисус Христос. Биография. М.: Молодая гвардия; Познание, 2019.

Кедров Б. М. Классификация наук: в 3 кн. Кн. I: Энгельс и его предшественники. М.: Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961; Кн. II: От Ленина до наших дней. М.: Мысль, 1965; Кн. III: Прогноз К. Маркса о науке будущего. М.: Мысль, 1985.

Ларше Ж.-К. Что такое богословие? Методология православного богословия в его практике и преподавании / Пер с фр. Н. Петуховой, О. Арсеньевой, С. Чернова и др. М.: Паломник, 2021.

Лонерган Б. Метод в теологии / Пер. Г. В. Вдовиной. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.

Лосский В. Н. Богословие и Боговидение: сб. статей / Под ред. В. Пислякова. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 2000. С. 112–272.

Макарий (Булгаков), митр. Введение в догматическое богословие. Тутаев: Православное братство св. князей Бориса и Глеба, 1999.

Мень А., прот. Христианство. Последняя лекция. М.: Изд. дом «Жизнь с Богом», 2012.

Огурцов А. П. Философия науки: XX век. Концепции и проблемы: в 3-х ч. СПб.: Миръ, 2011.

Польсков К. О. К вопросу о научном богословском методе // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 93–101.

Польсков К. О. Теологический метод vs метод в теологии // Философия и культура. 2015. № 9 (93). С. 1277–1285.

Ракитов А. И., Анисимова А. Э. Классификация наук как философская проблема // Философские науки. 2014. № 7. С. 30–40.

Рассел Б. Религия и наука // Его же. Почему я не христианин: избранные атеистические произведения. М.: Политиздат, 1987. С. 132–206.

Реснянский С. И. Церковно-государственная реформа Петра I. Протестантская модель или византийское преемство. М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2009.

Рупова Р. М. Теология в высшей школе. Учебное пособие. СПб.: Алетейя, 2020.

Степин В. С. История и философия науки: Учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Академический проект; Трикта, 2011.

Схоластический рационализм в истории мышления: от средних веков к новому времени / Отв. ред. Д. В. Шмонин. СПб.: Изд-во РХГА, 2012.

Тейлор Ч. Секулярный век / пер. под ред. А. Бодрова. М.: ББИ, 2017.

Теология и образование. Ежегодник Научно-образовательной теологической ассоциации. 2018. М.: Познание, 2018.

Теология и образование. Ежегодник Научно-образовательной теологической ассоциации. 2019. М.: НИЯУ МИФИ, 2019.

Теология и образование. Ежегодник Научно-образовательной теологической ассоциации. 2020. М.: НИЯУ МИФИ, 2020.

Теология и образование. Ежегодник Научно-образовательной теологической ассоциации. 2021. М.: РАНХиГС, 2021.

Университет и его город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия / Предисл. прот. И. Мейендорфа. Киев: Путь к истине, 1991.

Хоружий С. С. Исследования по исихастской традиции: в 2 ч. Ч. 1: К феноменологии аскезы; Ч. 2: Многогранный мир исихазма. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012.

Шмонин Д. В. В тени Ренессанса: вторая схоластика в Испании. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.

Шмонин Д. В. Схоластика как философия образования // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 145–154.

Шмонин Д. В. О философии, богословии и образовании. СПб.: Изд-во РХГА, 2016.

Шмонин Д. В. Научная рациональность и «возвращение к теологии» // Вопросы теологии. 2019. Т. 1. № 3. С. 280–306.

Шмонин Д. В. Теология и схоластика: грани философских интерпретаций // Вопросы философии. 2019. № 12. С. 64–73.

Шмонин Д. В. Мудрость философа и христианская идея образования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2019. Серия философия. № 3. С. 7–17.

Шмонин Д. В. Теология образования: введение в предмет // Вопросы теологии. 2021. Т. 3, № 4. С. 460–477.

Шмонин Д. В. Теология и философия науки: проблемы идентификации // Вопросы философии. 2022. № 1. С. 197–207.

Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во РУДН, 2006.

Шохин В. К. Философская теология: вариации, моменты, экспромты. СПб.: Изд-во СПбДА, 2022.

Учебное издание

Д. В. Шмонин

ТЕОЛОГИЯ И УНИВЕРСИТЕТ

Учебное пособие для аспирантов
теологических специальностей

ISBN 978-5-907303-36-2

Московский архитектурный институт
(государственная академия)
107031, Москва, ул. Рождественка, 11/4.
+7 (495) 625-70-62 oop@markhi.ru

В книге использованы фотографии автора,
а также изображения из открытых источников

Корректор *А. П. Керн*
Верстка *Н. Н. Пимшина*

Подписано в печать: 15.08.2022. Дата выхода в свет: 30.08.2022.
Формат 84x108/32. Гарнитура: *Osstava*.
Объем: 6,7 а.л. Свободная цена.

Отпечатано в ООО «Аргус СПб»
198320, Красное Село, ул. Свободы д. 57.
Заказ № 92. Тираж 300 экз.